

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ГОУВП ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОРДЕНА "ЗНАК ПОЧЕТА"
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЗАХАРОВА МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ

(на материале англоязычных художественных и публицистических текстов)

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Н.А.Шехтман

Самара 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-11
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ	12-54
1.1. Аллюзивное имя собственное и методы исследования его семантики	12-22
1.1.1. Метод контекстологического анализа	13-14
1.1.2. Метод компонентного анализа	15-21
1.1.3. Метод синтагматических оппозиций	21-22
1.2. Предмет и статус ономастической семасиологии	23-29
1.3. Прецедентные имена собственные	29-33
1.4. Типология элементов цитатной речи	33-53
1.4.1. Текстовая аппликация	38-40
1.4.2. Аллюзия	40-52
1.4.3. Парафраз	52-53
Выводы по I главе	54
ГЛАВА II. АЛЛЮЗИЯ КАК МЕХАНИЗМ ИНФЕРЕНЦИОННОГО ЗНАНИЯ	55-83
2.1. Имплицитность коммуникации	55-57
2.2. Фоновые знания и вертикальный контекст	57-60
2.3. Вертикальный контекст как проекция языковой личности автора	60-64
2.4. Вертикальный контекст как проекция языковой личности читателя	65-72
2.5. Импликация и пресуппозиция	72-75
2.6. Подтекст	75-82
Выводы по II главе	83
ГЛАВА III. СЕМАНТИКА АИС И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИС	84-162
3.1. Применение метода синтагматических оппозиций для анализа семантической структуры АИС	84-91

3.2. Импликационалы АИС	91-102
3.3. Сущность процесса социализации ИС	102-140
3.3.1. Частотность употребления АИС и его возраст	104-107
3.3.2.1. Символизация ИС	107-112
3.3.2.2. АИС-символы, АИС-знаки и АИС-символы-знаки	112-119
3.3.3. Выделение области слабого импликационала в семантике АИС при их участии в роли ключевых слов текста-реципиента	119-126
3.3.4. АИС в составе фразеологических единств	126-129
3.3.5. Переход ИС в класс имен нарицательных и в другие части речи	129-137
3.3.6. Факторы вхождения ИС в словари	137-140
3.4. Сравнительный анализ функционирования АИС в художественных и публицистических текстах	140-150
3.5. Функции АИС в художественных текстах	150-154
3.6. Функции АИС в публицистических текстах	155-160
Выводы по III главе	161-162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163-166
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	167-191
Список использованной научной литературы	167-185
Список использованной художественной литературы	185-188
Список использованных публицистических изданий	188-189
Список словарей и энциклопедий	189-191
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	192

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа, выполненная на материале английского языка, посвящена проблеме семантики имени собственного, функционирующего в качестве аллюзии в художественных и публицистических текстах.

Семантика имени собственного (далее ИС) всегда оставалась спорным вопросом в лингвистической теории. Лингвисты ведут дискуссии о сущности значения ИС, то неоправданно его сужая, низводя статус ИС до слова-метки [139;15;227], то ограничивая область его означивания контекстом речевого окружения [63;156]. Это говорит о сложной, противоречивой природе ИС, в семантике которого происходит столкновение лингвистического и экстралингвистического планов.

Являясь единицей языка, ИС служит для номинации объектов социальной действительности. Субъективность функционирования ИС проявляется в индивидуальности его выбора в актах номинации, а также в явлении ассоциативного переноса существенных качеств объекта, для означивания которого ИС используется, на значение самого ИС, что в свою очередь отражается на дальнейшем функционировании ИС. ИС, таким образом, обладает способностью накапливать экстралингвистическую информацию о своем денотате, которая в результате логических процедур анализа и синтеза может становиться частью семантики ИС.

Объектом данного исследования является семантика имени собственного в текстовых пространствах.

Предметом исследования выступает аллюзивное функционирование имени собственного.

Актуальность исследования определяется, во-первых, антропоцентрической парадигмой современной лингвистической науки, под которой понимается переключение интересов исследователя с объектов познания на познающего субъекта. Анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по словам И.А.Бодуэна де Куртэне, "язык существует

только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество" [25, С.37].

В процессе формирования новой научной парадигмы был провозглашен тезис: "Мир есть совокупность фактов, а не вещей" [41, С.5]. Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а в центре внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю.Н.Караулову [69]). Новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания [178].

Во-вторых, в связи с расцветом постмодернистского течения в литературе в центре внимания исследователей оказался лингвистический механизм явления интертекстуальности, базирующийся на понятиях прецедентных текстов и прецедентных имен как свернутых мнемонических программ таких текстов. Несмотря на то, что проблемами прецедентности и интертекстуальности заняты многие отечественные и зарубежные лингвисты [11;54;69;87;158;173;217], до сих пор не выработано четких классификаций и действенных критериев дифференциации элементов цитатной речи. Поэтому вполне закономерно встает вопрос о неоднородности интертекстуальных элементов и, в частности, аллюзивных имен собственных (далее АИС) как их разновидности.

Очевидно, что одни АИС обладают более устойчивым ассоциативным значением и, соответственно, приближены к области единиц языка. Тогда как значение других АИС сугубо контекстуально и варьируется от автора к автору. В этой связи считаем необходимым выработать критерии, позволяющие отграничить группу АИС с относительно стабильным значением от АИС с окказиональной семантикой. Важно также рассмотреть факторы, играющие решающую роль в стабилизации семантики ИС,

конкретизирующие его значение и, как результат, определяющие вхождение ИС в словари.

В-третьих, существуют многочисленные работы, детально исследующие особенности функционирования ИС в художественном тексте [1;52;91;142;177]. Вместе с тем, мало публикаций посвящено функционированию ИС в других стилях. Поэтому целесообразно провести сопоставительный анализ употребления АИС в нескольких функциональных стилях, что поможет глубже изучить семантику различных групп АИС и выявить их отличительные черты.

В-четвертых, современные лингвистические концепции текста делают акцент на проблеме структурирования различных пластов смысла текста, указывая на наличие в нем эксплицитной и имплицитной информативности [8;49;79;149;150]. Многие лингвисты сходятся во мнении, что текст не равен себе в плане смысла. Проблема возникновения объемного смысла на ограниченном участке текстового пространства исследуется учеными в рамках концепции подтекста, теории пресуппозиций, понятий вертикального контекста произведения, импликации и фонового знания. Данные проблемы составляют область инференционного знания. Хотя у лингвистов нет единогласия в определении ключевых понятий пресуппозиции, подтекста и импликации, все сходятся во мнении, что прием аллюзии является мощным механизмом приращения смысла текста.

Целью работы является исследование семантики АИС с опорой на традиционные методы лингвистического анализа и концепцию языковой личности, заимствованную из когнитивной лингвистики, а также установление закономерностей влияния специфических характеристик семантики АИС на особенности их функционирования в художественных и публицистических текстах.

Цель исследования определила задачи работы:

1). Раскрыть специфику семантики ИС и определить ее роль в реализации механизма аллюзии.

- 2). Выявить место аллюзии среди других приемов цитатной речи.
- 3). Изучить факторы, определяющие процесс социализации ИС, и перечислить лингвистические маркеры этого процесса. Показать роль пресуппозиции и фоновых знаний в декодировании контекстов, содержащих АИС различной степени социализации.
- 4). Раскрыть функции АИС в художественных и публицистических текстах, а также показать способность АИС участвовать в создании вертикального контекста произведения и на его основе образовывать подтекст сообщения.
- 5). Исследовать аллюзивный процесс с позиций автора и реципиента сообщения.

Методологическими основаниями исследования явились положения о системности языка, универсальной дихотомии языка и речи, теория значения слова М.В.Никитина [121], основные положения теории информации А.Моля [113], универсальный закон языковой экономии А.Мартине [102;221], основные постулаты стилистики декодирования И.В.Арнольд [12;13], а также некоторые положения когнитивной лингвистики: понятия языковой личности, языковой картины мира, концепта.

Для выполнения поставленных задач мы опирались на следующие лингвистические методы исследования: контекстологический анализ, процедуры компонентного анализа, метод синтагматических оппозиций.

Материалом исследования послужил широкий спектр художественных текстов англоязычных авторов преимущественно 19-20 веков (Д.Г.Лоренса, О.Уайльда, У.С.Мозма, Дж.Фаулза, Д.Апдайка и др.), англоязычные печатные издания 1991 – 2003 гг. Из 47 произведений общим объемом свыше 16 963 страниц и 57 источников англоязычной прессы методом сплошной выборки извлечено 1 892 примера.

При анализе языкового статуса ИС использовались данные англо-английских толковых словарей (см. список словарей). По причине большого влияния экстралингвистических факторов и национально-культурной

специфики на значение АИС в нашем исследовании мы привлекали данные энциклопедических и страноведческих словарей (см. список энциклопедий).

Научная новизна работы состоит в изучении аллюзивного процесса на примере имен собственных, что, с одной стороны, позволит тщательно исследовать сущность феномена аллюзии, а, с другой стороны, перенести результаты исследования на более широкие сферы его функционирования. Новизна исследования заключается также в изучении функционального аспекта семантики ИС в сопоставительном плане: сравнивая особенности АИС в художественном и публицистическом стилях, мы выделили три группы АИС – АИС-символы, АИС-знаки и АИС-символы-знаки. Анализ различной степени социализации этих групп АИС позволил разграничить роль пресуппозиций и фонового знания в построении подтекста произведения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты предлагаемого диссертационного исследования могут быть полезны при анализе функционирования АИС в других функциональных стилях в разных языках. Описанные методики анализа семантики АИС могут быть применены при составлении словарей-тезаурусов, а также для выделения АИС-носителей ядерных национально-культурных концептов, что, в свою очередь, поможет в определении объема филологического минимума, необходимого для нормального протекания процесса понимания в иноязычной среде.

Контексты, содержащие семантический повтор АИС, могут быть использованы как средство получения инференционного знания при чтении литературы на иностранных языках, что способствует развитию языковой догадки. Отдельные разделы работы ("Метод компонентного анализа", "Фоновые знания и вертикальный контекст произведения", "Подтекст") могут быть использованы в курсах лекций по стилистике. Изложение существующих концепций значения ИС может быть привлечено при составлении спецкурса по грамматике частей речи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Семантика АИС имеет ассоциативный характер. В области значения АИС выделяются сильный и слабый импликационалы. Устойчивое языковое значение АИС строится на основе сильного импликационала, образование которого является результатом логических процедур анализа и обобщения.
2. Общий корпус АИС дифференцируется по степени социализации, на которую указывают специфические маркеры социализации. Социализация АИС протекает в процессе их функционирования в текстовых пространствах. Наиболее социализированные АИС выражают ядерные концепты английского лингвокультурного сообщества.
3. АИС участвуют в построении образа потенциальной аудитории. Контексты, содержащие семантическую редупликацию АИС, соответствуют области пересечения фоновых знаний автора и реципиента.
4. В произведениях художественной литературы происходит расширение области означивания, охватываемой АИС, за счет появления у высокопрецедентных имен слабого импликационала, тогда как публицистические тексты строятся преимущественно с опорой на сильный импликационал АИС.
5. АИС художественной литературы участвуют в построении подтекста произведения и в выделении смысловых вех произведения, когда они используются в качестве ключевых слов. АИС, употребляемые в публицистическом стиле, чаще всего выступают как идеологемы, способствующие пропаганде социально одобряемого поведения и порицанию антисоциальных проявлений.

Цель и задачи исследования определяют его объем и структуру. Диссертация содержит 192 страницы машинописного текста и состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной научно-

лингвистической литературы, включающего цитируемые труды отечественных и зарубежных авторов (230 наименований, из них 33 на иностранных языках), списка художественной литературы (47 наименований), списка использованных публицистических изданий (33 наименования), списка словарей и энциклопедий (29 наименований), списка сокращений.

Содержание работы. **Во введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются объем, цель, задачи и методы исследования.

В первой главе дается обзор методов лингвистического анализа, релевантных для исследования семантики АИС. Проводится анализ теоретических концепций, определяющих статус ИС в языке и речи, в синхронном и диахронном освещении. Рассматриваются теоретические проблемы стереотипизации и прецедентности, лежащие в основе образования феномена аллюзии. Проводится обзор теоретических источников по теме "Цитатная речь", составляется типология элементов цитатной речи, определяется место аллюзии в ней. Приводится определение термина "аллюзия" с кратким экскурсом в его историю.

Во второй главе исследуется роль аллюзии в механизме получения инференционного знания. Раскрывается понятие имплицитности коммуникации, определяются ее виды. Анализируется роль фоновых знаний в создании вертикального контекста произведения, рассматривается участие языковой личности автора и читателя в создании вертикального контекста произведения. Проводится разграничение понятий импликации и пресуппозиции, излагаются существующие концепции подтекста.

В третьей главе демонстрируется применение методов лингвистического анализа в исследовании семантики АИС, описывается иерархия семантической структуры АИС в терминах сильного и слабого импликационалов. Определяется понятие социализации ИС, приводится перечень маркеров повышенной социализации ИС, анализируются факторы, способствующие вхождению ИС в словари. Проводится анализ специфики

функционирования АИС в художественном и публицистическом текстах. Освещаются функции АИС в указанных функциональных стилях.

В заключении приводятся выводы по всей работе, суммирующие результаты проведенного исследования.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались на итоговых научно-практических конференциях преподавателей и сотрудников ЧГПУ (Челябинск 2000 – 2004 гг.), на межвузовских научных конференциях ("Актуальные проблемы языкознания, педагогики и методики обучения иностранным языкам" (II и III Межвузовская научно-практическая конференция), Челябинск, ЧГПУ, 13-14 дек. 2001 г. и 27 мар. 2003 г.; "Экономика и социум на рубеже веков", Челябинск, РГТУ, 2003г.).

По теме диссертации опубликовано 5 работ.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

1.1. Аллюзивное имя собственное и методы исследования его семантики

Имя собственное выступает центральной базой механизма образования аллюзии. Основная цель аллюзии как стилистического приема заключается в придании важности и аргументированности какому-либо сообщению через обращение к наиболее значительным вехам многогранной истории человечества. Как правило, в центре выдающихся событий оказываются люди или социальные объекты-носители ИС (города, страны). Суть экстраординарных явлений состоит в проявлении необычного качества. Именно оно привлекает внимание, интерес, будит воображение. Именно оно оставляет след в памяти, запечатлевается в сознании. Неслучайно, на выдающееся событие чаще намекают, используя имя собственное, так как необычных явлений гораздо больше, чем социальных объектов, с которыми они так или иначе связаны, поэтому возникает возможность выразить большой объем смысла через меньшее количество означающих. Такая тенденция служит проявлением закона экономии языковых усилий [102;221]. В итоге, одно ИС служит отправной точкой многих ассоциативных линий, становясь аллюзивным именем собственным. АИС невольно вынуждает получателя информации (читателя) просчитывать несколько возможных ассоциативных ходов мысли и соотносить сделанный выбор с конкретным контекстом употребления АИС. В этом состоит ценность аллюзии как интеллектуального упражнения. Где искать исток намека? Как сопоставить аллюзивный факт с реальным контекстом? Каков итоговый смысл взаимодействия двух интеллектуальных образований? Важно, что результирующий смысл – это не сумма смыслов, а качественно новый смысл.

Аллюзивное имя собственное – это имя, которое, в отличие от общего корпуса имен собственных, имеет определенную уникальную

референциальную отнесенность, что объективно сужает область его означивания. Закрепление за АИС референциальной отнесенности позволяет выделить качественные характеристики (дифференциальные признаки) референта, на основе которых выстраивается область имплицитного значения АИС. Очевидно, что семантика самого АИС претерпевает значительные изменения, которые будут рассмотрены в главе 3.

Для проведения анализа семантической структуры АИС наиболее адекватной представляется комбинация трех взаимодополняющих методик: контекстологического анализа, компонентного анализа и метода синтагматических оппозиций. При этом процедура контекстологического анализа учитывает влияние на семантику языковых единиц социальных факторов и условий функционирования языка, всего многообразия познаваемого человеком мира, образующего информационную основу коммуникации. Контекстологический анализ позволяет определить семантическую структуру слова как упорядоченное множество его лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ). Результатом применения компонентного анализа является выявление концептуальной структуры слова как совокупности семантических множителей. И, наконец, метод синтагматических оппозиций позволяет выявить семантические связи слов и определить концептуальную структуру лексической единицы (далее ЛЕ), минуя парадигматические отношения данной ЛЕ в системе языка, с опорой на речевые контексты ее реализации. Остановимся подробнее на специфике каждого из указанных методов.

1.1.1. Метод контекстологического анализа

Как и другие исследовательские процедуры, методика контекстологического анализа неразрывно связана с соответствующей языковой теорией, в данном случае с теорией контекстной семантики (термин Г.В.Колшанского [78]). Родоначальником теории контекста считают

основателя Лондонской лингвистической школы Дж.Ферса [204]. В нашей стране теория и методика контекстологического анализа связана, прежде всего, с именем Н.Н.Амосовой [4]. Н.Н.Амосова определяла контекст как соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом. В основе такого понимания имплицитно заложена модель полисемии и омонимии в языке, основанная на следующих допущениях:

1. Языковой знак асимметричен, полисемия и омонимия являются языковыми универсалиями, но все множество значений каждого языкового знака можно разделить на отдельные дискретные элементы – ЛСВ, которые могут идентифицироваться по лексической, грамматической или комбинированной сочетаемости. ЛСВ – слово в одном из его значений, т.е. сущность, имеющая и план выражения, и план содержания (термин А.И.Смирницкого (цит. по [13, С.105])).
2. В речи слово актуализируется только в одном из возможных для него вариантов.
3. Слушатель или читатель, зная контекстуальные индикаторы, в состоянии понять, в каком из возможных для него значений встретилось слово и соответственно понять смысл текста.
4. Система языка остается неизменной.

Однако эта модель контекстологического анализа достаточно огрублена и реальные условия коммуникации намного сложнее. Ключевым понятием данной методики выступает понятие контекста, которое основывается на двух факторах: 1) поиском на синтагматической оси слова или словосочетания, которое повторяет, перефразируя, или уточняет, конкретизируя, или толкует значение семантически реализуемого слова; 2) поиском слова или словосочетания, семантически совместимого с анализируемой ЛЕ [189, С.28]. Лингвистический контекстологический анализ, по Н.Н.Амосовой, часто сочетается с компонентным анализом по словарным дефинициям. Он менее формализован, но более требователен к описанию деталей фактического текстового материала.

1.1.2. Метод компонентного анализа

Первыми исследователями, предложившими и разработавшими компонентный анализ лексики, были американские антропологи У.Лаунсбери [220] и Ф.Гудинаф [208]. В лингвистической литературе многих стран имеется множество работ, специально посвященных компонентному анализу, или рассматривающих его в связи с другими проблемами семасиологии. Это – работы Дж.Катца [215], Дж.Фодора [216], Ю.Найды [224] в США, работы многих французских ученых, в том числе Б.Потье, Ж.Греймаса [209;210], Рей Дебев, и мн. др.. Особенно большое развитие теория и методика компонентного анализа получила в нашей стране (см. работы Ю.Д.Апресяна [5;6], И.В.Арнольд [10], Р.С.Гинзбург [51], Ю.Н.Караулова [70;71], Э.М.Медниковой [107], О.Н.Селиверстовой [144], И.А.Стернина [153], Н.Г.Комлева [81], Е.В.Гулыги и Е.И.Шендельс [57] и мн. др.).

В компонентном анализе значение слова разлагается на его составляющие - семантические множители. Ю.Н.Караулов предлагает следующее операционное определение: "Итак, под "семантическим множителем" (далее СМ) в данной работе понимаются полнозначные слова, использованные в правой части толкового словаря" [71, С.6]. Он также поясняет, что под СМ обычно понимаются элементарные единицы содержательного плана, которые, соединяясь друг с другом в различных комбинациях и числе, задают значение любого слова в языке [там же].

Поскольку упорядоченных систем в лексике очень немного, был найден универсальный способ компонентного анализа в виде опоры на словарные дефиниции. Помимо толковых словарей используются и идеографические. В таких словарях в явном виде фиксируются семантические отношения между словами и дается классификация лексики применительно к отраженной в ней системе понятий. Наиболее известным идеографическим словарем является тезаурус П.Роже, впервые изданный в

1852 году и в дальнейшем неоднократно переиздававшийся и совершенствовавшийся [320]. Разработанная в нем система понятий, хотя она неоднократно подвергалась критике и переделывалась, дает возможность классифицировать лексику применительно к обозначаемым понятиям. При этом осуществляется основное требование, предъявляемое к любому описанию – число описывающих элементов значительно меньше числа описываемых. Названия тех классов и групп, в которые слово входит, могут рассматриваться как его СМ.

Компонентный анализ по словарным дефинициям основывается по существу на установившейся в логике операции определения понятий. Обычные этапы такого определения – указание ближайшего рода или класса, к которому относится предмет, и указание видовых отличий, т.е. признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса. Ядерное слово дефиниции является носителем категориального значения, т.е. классемы (или категориальной семы), в которой приходится разграничивать лексическую и грамматическую части. Грамматическое значение включает частеречную принадлежность. Значение лексико-грамматического разряда является пограничным между чисто грамматическим и лексическим значениями. Каждый разряд имеет свой набор присущих ему объяснительных формул и ключевых слов, выражающих классему [9, С.53].

По характеру передаваемой информации и прагматическому статусу различают СМ, относящиеся к денотативному, т.е. предметно-логическому, значению слова, и коннотативные, отражающие прагматику акта коммуникации. При анализе художественных текстов коннотативная часть семного состава оказывается особенно важной. При этом приходится различать узуальные иokkaзиональные, т.е. порожденные контекстом, коннотации. Коннотативный компонент значения лексических единиц, структура которого была детально описана И.В.Арнольд, является важной составляющей семантической структуры АИС [13].

Большая часть проанализированных нами АИС функционирует в актах вторичной номинации. На данном уровне у слова как словарной единицы языка, строго говоря, нет определенных значений, а есть правила содержательного варьирования первичного (исходного) значения в трех полях – импликационном (метонимическом), симилятивном (метафорическом) и гипонимическом. Поэтому под семантической структурой АИС будем понимать не ее традиционное определение как упорядоченного множества ЛСВ слова, а представление о потенциальных возможностях семантического варьирования слова с данным исходным значением. Таким образом, мы будем анализировать не узувальные результаты действия механизмов переосмысления слов, а сами механизмы (закономерности) семантического словопреобразования. Эти два направления исследования семантической структуры слова описаны в работе М.В.Никитина [121, С.67]. В результате семантического варьирования значение АИС приобретает коннотативный компонент.

Согласно И.В.Арнольд, коннотация включает эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты [13, С.107-114]. Коннотация является факультативной частью значения лексических единиц в противовес денотативному значению.

Эмоциональный компонент значения может быть узувальным или окказиональным. Слово или его ЛСВ обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает какую-нибудь эмоцию или чувство. Эмоцией называется относительно кратковременное переживание: радость, огорчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление, а чувством – более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение и т.п. В большинстве случаев эмоциональный компонент семантики АИС окказионален, что подтверждается наличием семантического повтора, эксплицирующего передаваемые АИС эмоции, например:

William Dazeley managed to sing the baritone's 'dramatic' arias without showing any sign of embarrassment, while soprano Mary Hegarty was in gorgeous

voice. And the audience loved it. Only your critic sat *scowling* and Scroodge-like in the corner, *hating* every moment [290].

Контекст АИС "Scroodge-like" содержит его семантический повтор "scowling" (scowl – a bad-tempered look [Н, Т.3, С.125]). Именно этот семантический повтор актуализирует эмоциональный компонент коннотации АИС "Scroodge-like" - "с неодобрением, с раздражением". Этот компонент коннотации является результатом переосмысления целостного образа референта, носителя имени "Scroodge" (герой новеллы Ч. Диккенса "Рождественский гимн" ('A Christmas Carol')), которому дали прозвище "старый скупец" - 'the old miser' [314, P.176]. Эмоциональная составляющая коннотации АИС "Scroodge-like" поддерживается также глаголом "hate", содержащим прямое указание на негативные эмоции. Из сказанного видно, что коннотативный компонент значения сопровождает наиболее вероятностные ассоциации АИС "Scroodge".

Слово обладает **оценочным компонентом** значения, если оно выражает положительное или отрицательное суждение о том, что оно называет, т.е. одобрение или неодобрение. Место оценочных коннотаций в разных функциональных стилях различно. Они часто встречаются в ораторской речи и совсем не приняты в научной или официально-деловой речи. Следующий пример демонстрирует отрицательную оценку, передаваемую АИС "Judas":

With devilish cunning I encouraged her to talk. Unsuspecting, she laid her heart bare. Upon the cold, conspicuous common, printed page I offered it to the public gaze. A literary Judas, I kissed her and betrayed her. For pieces of silver I dressed her sweet confidences in the pantalettes and frills of folly and made them dance *in the market place* [264, P.74].

Семантический повтор АИС "Judas" содержит оба элемента значения АИС: его содержательное наполнение (*I kissed her and betrayed her, for pieces of silver, in the market place*) и его негативную оценку (*betrayed*). Семантический повтор актуализирует те же коннотации АИС "Judas",

которые зафиксированы в словаре А.Хорнби: *the name of the man who betrayed Christ; a traitor* [Н, Т.2, С.176]. Далее: *Traitor – a disloyal person* [Н, Т.3, С.358].

Слово обладает **экспрессивным компонентом** значения, если своей образностью или другим способом подчеркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других, синтаксически связанных с ним словах. Различают экспрессивность образную и увеличительную. Практически все АИС обладают образной экспрессивностью за счет переосмысления их первичного значения. Часть АИС способна также нести увеличительную экспрессивность, например:

This is Cairo, not New York or Paris or even Rome. I say that because even Italy is run incredibly efficiently when compared with Egypt, which is saying a lot. Cairo suffers from a gargantuan bureaucracy [235, P.47].

АИС "gargantuan" настолько прочно ассимилировалось в лексиконе англичан, что не нуждается в сколько-нибудь значительной интерпретации своей семантической структуры. Кроме того, данное АИС почти потеряло связь с первоисточником заимствования (романом Ф.Рабле "Гаргантюа и Пантагрюэль"), о чем свидетельствует его написание с маленькой буквы. Оно сохранило экспрессивный компонент значения, а именно, СМ интенсивности, ведь Гаргантюа – имя ненасытного великана. К тому же сам роман французского писателя носит гротескно-гиперболический характер, о чем свидетельствует дефиниция АИС "gargantuan": *enormous, gigantic* [Н, Т.2, С.9], где актуализируется коннотативный компонент значения АИС.

Слово также обладает **стилистическим компонентом** значения, или стилистической коннотацией, если данное слово типично для определенных функциональных стилей и сфер речи, с которыми оно ассоциируется, даже будучи употреблено в нетипичных для него контекстах. Проиллюстрируем стилистическую маркированность АИС следующими примерами:

Old Tom *уст. жарг.* – "старый Том" (общее название подслащенных сортов джина по имени Томаса Чемберлена, занимавшегося изготовлением

джина; метонимический перенос) [329, С.768]. АИС в составе фразеологизма стилистически маркировано. Сферой его функционирования является сниженный стиль в силу его этимологии и употребления для описания социально неодобряемой практики.

The thread of Ariadne *книжн.* – нить Ариадны, путеводная нить (*этим. миф.*) [329, С.757]. Принадлежность АИС "Ariadne" к возвышенному стилю объясняется общей закономерностью мифотворчества идеализировать человеческое бытие и видеть в повседневном черты вечного. Такую же тенденцию демонстрирует и следующий пример: The Pierian spring *книжн.* – вдохновение (Пиерия – область в Сев. Фессалии, в древности считалась обителью муз) [329, С.710].

В силу своей специфики большая часть АИС характеризуется принадлежностью к высокому, книжному стилю. Для этого есть ряд объективных причин. Во-первых, большинство АИС заимствовано из произведений художественной литературы или искусства. Во-вторых, являясь чаще всего продуктом вторичной номинации, АИС демонстрируют тонкость ума и игру воображения тех авторов, кто прибегает к ним, проводя параллели между семантически далекими областями, увеличивая тем самым эффект новизны, непредсказуемости, образности и выразительности.

Ю.Д.Апресян считает коннотацией такие смысловые элементы, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном языковом коллективе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы [5]. Таким образом, на дескриптивно-оценочную амальгаму наслаивается еще один аксиологический компонент, мотивом для реализации которого, является ассоциативно-образное представление, обычно называемое в науке о языке внутренней формой слова. Как пишет Е.М.Вольф, "в высказываниях об оценке, особенно при общеоценочных обозначениях, часто используются мотивировки, которые выражают критерии оценки, т.е. свойства, по которым судят о данном свойстве.

Мотивировки, когда они сопровождают общеоценочные значения, эксплицируют стереотипы или указывают на квазистереотипы, т.е. признаки, которые говорящий хочет представить как стереотипные" [42, С.117-118].

Сами квазистереотипы – это традиционные, отработанные в данной лингвокультурной общности символы и даже мифы, которые служат хранителями информации, существенной для видения мира данным народом [181, С.241]. Доминирующим в историческом развитии коннотативных значений слов является лингвокреативное мышление, способное отобразить реальность и вместе с тем вплести в семантику слова или выражения ассоциативно-образное представление как репродукцию некоторой реалии.

Таким образом, компонентный анализ является действенным методом выявления коннотативного компонента значения АИС.

1.1.3. Метод синтагматических оппозиций

В тексте всегда есть знаки, функция которых состоит в том, чтобы обнаруживать смысл других знаков. Это функция внутриязыкового перевода, обеспечивающая процесс понимания текста через перевод значений некоторых знаков текста. На это обстоятельство указывает Р.Якобсон, который пишет, что значение всякого знака есть его перевод в другой, альтернативный знак [214, Р.232]. А.Я.Шайкевич выдвигает следующую гипотезу: слова, связанные по смыслу, должны встречаться в тексте недалеко друг от друга, и наоборот, слова, часто встречающиеся вместе в осмысленном тексте, связаны друг с другом по смыслу [185, С.15]. Как отмечает Н.А.Шехтман, разработавший метод синтагматических оппозиций, регулярность контекстов, содержащих семантическую редупликацию, свидетельствует о том, что в них на уровне речи воспроизводятся не случайные, а закономерные семантические связи, которые не зависят от выбора того или иного автора, а являются отображением отношений, существующих на уровне языка [189, С.16]. Целесообразность использования

такого материала для семасиологического анализа несомненна. Контексты такого рода представляют акты внутриязыкового перевода и семантические повторы. Словарные дефиниции являются объективацией семантических категорий, существующих в языке, а контексты с семантическими повторами представляют собой отражение этих категорий в речи.

Основная роль смысловых повторов в процессе конструирования текста состоит в способности создать семантическую законченность и однозначность сочетающихся слов. Контексты, построенные на смысловом повторе, содержат пересечение семантических структур слов, проявляющих тенденцию к парному употреблению. Для выявления семантической близости слов Н.А.Шехтман предлагает термин аллоним [там же, С.37]. Аллоним – слово-сопроводитель, называющий другим именем семантический признак, который в данном контексте уже представлен. Компоненты пары не являются синонимами, отношения семантического сходства между опорным словом и его аллонимом обнаруживаются только при строго определенных условиях – когда они следуют друг за другом в рамках одного контекста. В результате этого выявляется реализованный в речи ЛСВ языковой единицы. Им оказывается тот ЛСВ, который лежит в области пересечения [там же, С.30]. Отправное слово обычно употребляется с определенным, лишь ему присущим набором сопроводителей. Чем многозначнее слово, тем разнообразнее его сопроводители. Чем больше семантически общего между двумя отправными словами, тем больше сходства в списках их сопроводителей [там же, С.36].

Подавляющее число полученных нами примеров с АИС (71,3%) содержит их семантическую редупликацию разной степени развернутости, что говорит о сложности семантики данного разряда ИС и эффективности применения метода синтагматических оппозиций для ее детального изучения. Анализ концептуальной структуры АИС на основе метода синтагматических оппозиций будет представлен в главе 3.

1.2. Предмет и статус ономастической семасиологии

Имена собственные (ИС) и нарицательные (ИН) образуют, как известно, универсальную оппозицию в системе имен существительных любого языка. Это наиболее древнее семантическое деление лексики по характеру номинации провели еще античные философы-стоики и, в частности, Дионисий Фракийский (II в. до н.э.). Собственно лингвистическая разработка теории лексического значения ИС (ономастического значения) начинается в XX в. с работ О.Есперсена [63], Л.В.Щербы [195], Е.Куриловича [90] и др. Ономастика (от греч. *onomastike* "искусство давать имена") - особая отрасль языкознания, изучающая имена собственные. Термин "оним" (онома, собственное имя) - это "слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов: его индивидуализации и идентификации" [127, С.6].

Центральная тема философии имени – соотношение его с понятием – становится одним из аспектов изучения лексического значения ИС в ономастической семасиологии. Большое разнообразие мнений ученых по этому вопросу можно условно свести к трем основным точкам зрения.

Традиционная трактовка этого вопроса восходит к английскому философу-логику Дж.Ст.Миллю, который утверждал, что ИС "не имеют никакого значения", так как они не "коннотируют", т. е. не связаны с выражением постоянных понятий-сигнификатов [108, С.27]. Вслед за Дж.Ст.Миллем "пустыми словами", "ущербными", "полыми", "асемантическими", знаками-метками, этикетками и т.п. называют ИС такие ученые, как В.Брэндаль, А.Гардинер [207], Л.Стеббинг [227], Б.Рассел [136, С.112-116] и др. В нашей стране – А.А.Реформатский [139], О.С.Ахманова [15], Н.Д.Арутюнова, А.А.Уфимцева [171, С.99-100], К.Д.Левковская [94], Н.И.Толстой [164], В.М.Мокиенко и мн. др. Однако эти рассуждения ученых строятся на очень скудном лексическом материале без учета неоднородного содержания ИС на уровне языка и речи и специфики всех функций этого

класса имен. В работе отечественного логика Д.И.Руденко "Собственные имена в контексте современных теорий референции" отмечается, что логическая категория "пустых имен" неприменима к языку: "пустое имя" не обладает естественно языковым статусом [141, С.57].

В рамках второй концепции ИС при синхронном подходе обретает лексическое значение только в речи, в контексте речевого окружения. Эту точку зрения ярче других обосновывает О.Есперсен, который критикует позицию Дж.Ст.Милля в своем труде "Философия грамматики" [63]. Сходные взгляды высказывают М.Бреаль, Н.Шпербер, Г.Суит, Г.Сёренсен, А.В.Суперанская [156], В.И.Болотов [28], С.И.Зинин [66] и др.

Согласно третьей точке зрения, ИС имеет значения и в языке, и в речи, но другого типа, чем ИН. Такого рода позицию занимают Л.В.Щерба [195], Е.Курилович [90], А.Доза, Ф.Травничек, Л.П.Ступин, Т.Н.Кондратьева [83], Е.Ф.Данилина [59], В.А.Никонов [122], Ю.А.Карпенко [72], Л.М.Щетинин [197], И.А.Воробьева [45] и др. Такая позиция представляется нам наиболее убедительной, так как она учитывает, с одной стороны, диалектическую взаимосвязь общего и отдельного, абстрактного и конкретного, социального и индивидуального в семантике ИС на уровне языка и речи, а с другой - неоднородность денотативного, сигнификативного и коннотативного содержания в семантике разных тематических разрядов ИС.

О.И.Фонякова в монографии, посвященной различным аспектам семантики ИС, подробно разбирает это последнее направление, начиная с анализа взглядов акад. Л.В.Щербы [177]. Так, в статье "Опыт общей теории лексикографии" академик писал: "Весь вопрос состоит в том, что в языке является значением собственных имен, ибо в словаре необходимо определить тот общеобязательный минимум, без которого невозможно было бы общепонятно оперировать с данным собственным именем в речи. Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет, с общим указанием, что это не всякий подводимый под данное понятие предмет, а один определенный" [195, С.278-279]. Эта

конструктивная точка зрения на проблему значения ИС развивается в целом ряде работ 1960 – 1970-х гг. с применением методов компонентного анализа и других новейших подходов к семантике ИС.

В.А.Никонов указывает, что необходимо различать три плана значений имени собственного: 1) этимологическое, т.е. дономастическое; 2) ономастическое и 3) отономастическое [122, С.12-13]. Л.М.Щетинин выделяет единичное номинативное значение и общее значение. Единичное номинативное значение складывается в результате обобщения конкретных чувственных представлений о данном лице и отвлечения от всех его случайных несущественных признаков. Общее же значение каждого фамильного имени является языковым средством реализации общего понятия "человек", которое может уточняться до понятия "мужчина" или "женщина" + "человек определенной национальности" [197, С.6].

И.А.Воробьева считает, что ИС обладают смысловой структурой, которая слагается из трех компонентов значения: денотативного, сигнификативного и структурного, что сближает их с ИН [45]. Специфика смыслового содержания ИС проявляется в каждом из компонентов их значения. Сигнификативное значение ИС - это отражение нашего знания о существовании предмета и его отличии от других. Е.Ф.Данилина разделяет позицию И.А.Воробьевой, уточняя при этом, что особенность личных имен состоит в том, что они в большей мере, чем ИН, обнаруживают бинарность языкового (общего) и речевого (частного) [59]. В языке имя обнаруживает общее понятие, в речи - конкретное, единичное, частное. Образование апеллятивов из ИС (т.е. переход ИС в ИН) происходит первоначально на уровне речи, а не на уровне языка. Только некоторые из речевых употреблений ИС в значении ИН могут стать языковой нормой [там же].

Специфика семантики ИС с точки зрения языка и речи получает более углубленное и систематизированное описание в работах ведущих ономастов. Так, Ю.А.Карпенко считает, что значение ИС в языке гораздо более бедное, чем в речи [72, С.81]. Функциональная закрепленность за одним объектом и

есть главная отличительная особенность ИС в речи, которая, по мнению автора, реализуется в трех важнейших его функциях, т.е. в номинации, идентификации и дифференциации одновременно [там же, С.83, 89]. Е.Курилович отмечает, что хотя у ИС способность обозначать ограничена до предела, она сохраняется для обозначения единичных понятий, представлений, ассоциаций и комплекса реально-энциклопедических знаний о называемом объекте [90]. Здесь следует различать три языковые функции: 1) концептуальную, 2) информативную и 3) аккумулятивную (энциклопедическую), которые проявляются и на уровне речи [там же]. В сфере коннотации у ИС возникают иные функции. Языковыми можно считать такие функции, как стилистическая, эмоционально-оценочная, социально-оценочная, региональная и культурно-историческая, к которым в речи или тексте добавляются общая текстообразующая и эстетическая функции [177, С.17]. Выделенные функции демонстрируют количественное и качественное отличие ИС от ИН.

Исследования ономастического материала показывают, что ИС обладают по сравнению с ИН своеобразной структурой значения. На эту тему существуют интересные публикации Е.Куриловича [90], А.Д.Зверева [65], Ю.А.Карпенко [73], А.В.Суперанской [157] и др. Обобщив эти наблюдения, установим дифференциальные признаки значения ИС:

1. О.Есперсен полагает, что в области содержания денотативного значения ИС "коннотируют" наибольшее количество признаков, их значение будет более специальным, чем значение ИН. Причем число признаков растет по мере роста нашего знания о субъекте, носящем данное имя [63].

2. Объем денотативного значения, напротив, у ИС всегда меньше, чем у ИН, - реально он равен единице или стремится к ней. В целом содержание и объем денотативных значений ИС и ИН находятся в обратных отношениях, и в этом – объективное различие их функционирования в языке и речи.

ИС способны выполнять обобщающую роль в речи, когда они употребляются в функции ИН (Ср. "Что может собственных платонов и

быстрых разумом невтонов российская земля рождать" (М.В.Ломоносов) или "I wonder why you came here". – "Because I heard that the women here were all Zerlinas, like you, and men Masettos, like Mr.Phil" [238, P.105]. В последнем примере содержится аллюзивный намек на оперу В.А.Моцарта "Дон Жуан", где коварный Дон Жуан с помощью верного слуги Лепорелло пытается лестью соблазнить невесту Мазетто, Церлину. Через данную аллюзию Зино Ледж, главный герой рассказа Б.Шоу "Чудная месть" ("The Miraculous Revenge"), иронично дает понять дочери священника, гостеприимством которого он пользуется, суть своих планов по отношению к ней). В языке же такой номинативно-различительной функцией обладают, в первую очередь, личные имена, которые существуют в сознании говорящего коллектива как знаки потенциального инвентаря для именованя лиц мужского и женского пола с самым широким содержанием абстрактно-денотативного значения, конкретизируемого только в речевой ситуации или тексте. Таким образом, в семантике ИС постоянно взаимодействуют две стороны: общее – от языка и частное – от речи. "Значение есть динамическое единство, своего рода равнодействующая общения и обобщения", - справедливо отмечает А.А.Леонтьев [96, С.8].

3. Прагматическое значение присутствует у ИС постоянно, в то время как у ИН оно представлено спорадически.

4. ИС характеризуется обилием эмоционально-стилистических вариантов, передающих, в первую очередь, разного рода коннотативное содержание личных имен. Например, в "Словаре русских личных имен" Н.А.Петровского приводится 40 диминутивных вариантов к самому обиходному русскому имени *Иван* и свыше 50 разговорных форм к имени *Ольга* [332]. В "Словаре английских личных имен" ИС *Elizabeth* имеет 44 диминутивных формы, *Anne* – 22, а *Alexander* – 16 [334].

5. ИС ограничены в процессах регулярного слово- и формообразования. Во-первых, они используют не весь инвентарь морфем национального языка, а только часть его, преимущественно суффиксацию.

Во-вторых, они неупотребительны в формах множественного числа в силу специфики своего денотативного значения (единичное понятие), которое не согласуется со значением множественного числа, как уже давно отметили О.Есперсен [63], Е.Курилович [90] и др. При употреблении ИС во множественном числе возникает их апеллятивизация с обобщением значения по линии метафорического или метонимического переноса (ср. "мы все глядим в наполеоны"). Неполнота парадигмы и нерегулярность употребления ИС во множественном числе является существенным дифференциальным признаком в области парадигматики ИС.

6. У ИС по-особому реализуется полисемия и омонимия. Если у ИИ это постоянное и единственное свойство слова как языкового знака, демонстрирующее общую асимметрию его структуры с неограниченным числом значений, именам собственным полисемия, как правило, не свойственна, обычно она у них ограничена двумя смысловыми сдвигами. Ср. название справочника "Вся Москва" (о населении г.Москвы) или "второе Бородино" и др.. Это отмечает и А.В.Суперанская [156]. Другую позицию занимает Т.К.Кондратьева [83], которая признает полисемию у ИС, образованных от многозначных апеллятивов (об этом см. также [27]).

Проведенный анализ специфики ИС позволяет определить имя собственное как универсальную функционально-семантическую категорию имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа [177, С.21].

В общей лексикологии сложилось учение о сложной, иерархической структуре лексического значения, а в общей грамматике – о сложной полевой структуре категориального и "частеречного" значения (С.Д.Кацнельсон [75], Ю.С.Маслов [103], А.В.Бондарко [31] и др.). При системном подходе в структуру значения ИС в широком смысле входят следующие компоненты:

- 1) категориальная семантика, выражаемая грамматическим значением

предметности, падежа, рода, частично – числа и одушевленности (применительно к антропонимам, зоонимам, мифонимам); 2) собственно лексическая семантика – номинативное и прагматическое значение онима; 3) разного рода языковые коннотации (стилистическая, эмоциональная, экспрессивная, социальная окраска имени); 4) "психическая" семантика – представление о денотате в сознании говорящего; 5) культурно-историческая семантика онима – так называемые "фоновые знания".

Все эти проблемы, термины и понятия составляют предмет ономастической семасиологии как особой части ономастики, лексической семантики и семиотики, предметом которой служит теория, типология и структура ономастических значений всех разрядов ИС в их отличии от ИН. Анализ значения ИС позволяет сделать вывод о его повышенной суггестивности, имплицитности. Такая концентрация смысла, свернутого в ИС, делает данный класс имен существительных наиболее привлекательным для построения стилистических приемов, основанных на разного рода ассоциациях. Наиболее красочным из них, а также несущим особую смысловую нагрузку, является прием аллюзии.

1.3. Прецедентные имена собственные

Немногочисленность корпуса АИС отражается на высокой частотности одних и тех же имен в национальных дискурсах, что превращает АИС в прецедентные имена (далее ПИ), активно исследуемые в современной русистике в рамках лингвистической концепции "прецедентности". ПИ, не обладая особым лингвистическим статусом, представляют собой особые единицы дискурса, во многом отличные от других составляющих последнего, так как являются элементами национального языкового сознания, знаками тех коллективных представлений, которые входят в когнитивное сознание определенного лингвокультурного общества [54, С.7]. Под дискурсом, по определению М.Фуко, понимается совокупность высказываний, образующих

таковой постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной формации, которая подчинена логическим, лингвистическим, психологическим системам [333, С.53].

Прецедентность выступает одним из частных проявлений универсальной тенденции к стереотипизации – сведению многочисленных явлений языка и действительности к ограниченному набору устойчивых абстрактных моделей. По определению К.Богданова, "прецедентность текста определяется его семиотической и психологической значимостью для той или иной группы лиц в пределах определенного исторического хронотопа, социокультурного контекста. Подобные тексты постоянно воспроизводятся, их знание представляется само собой разумеющимся. Это фундамент коллективного дискурса, условие идеологического взаимопонимания и критерий социальной идентификации" [24, С.47]. Феномен "стереотип" рассматривается в работах социологов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов (У.Липпман [218], И.С.Кон [82], Ю.Д.Апресян [7], Ю.А.Сорокин [151], Ю.Е.Прохоров [134], В.В.Красных [87], П.Н.Шихирев [193], А.В.Михеев [110], С.М.Толстая [163], Е.Бартминский [20], А.К.Байбурин [17], Г.С.Батыгин [21], С.В.Силинский [148] и др.).

В.А.Маслова дает следующее определение этого термина: "Стереотип - это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная "картинка", устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации" [104, С.110]. Под языковой картиной мира понимается то, как в языке отражается видение мира человеком, как особенности концептуализации бытийных сущностей фиксируются в системе языка, в элементах его грамматического строя и лексикона [86, С.34]. Стереотипы считаются прецедентными (важными, представительными) именами в культуре. Стереотипы обеспечивают целостность и устойчивость культуры. Культуросфера определенного этноса содержит ряд элементов стереотипного характера, которые, как правило, не воспринимаются носителями другой культуры. Эти элементы Ю.А.Сорокин и И.Ю.Марковина называют

лакунами [160, С.97]. Все, что в инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, что кажется ему странным и требующим интерпретации, служит сигналом присутствия в этом тексте национально-специфических элементов культуры, а именно лакун [там же]. Корпус АИС, функционирующих в определенном лингвокультурном сообществе, образуется по большей мере лакунарными АИС, которые, попадая в инокультурную среду, требуют комментария (см. примеры на стр. 157).

Механизмом формирования стереотипов являются многие когнитивные процессы, так как стереотипы выполняют ряд когнитивных функций - функцию схематизации и упрощения, функцию формирования и хранения групповой идеологии и т.д. Formой существования стереотипов выступает корпус прецедентных текстов (ПТ) и ПИ. Ю.Н.Караулов является одним из первых отечественных ученых, занятых разработкой лингвистического осмысления термина прецедентности. В его определении, ПТ - это "тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности. Знание ПТ есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры" [69, С.216].

В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвилова провели анализ механизмов семантической компрессии, обеспечивающих хранение объемных текстов в виде компактных ПИ и прецедентных высказываний (ПВ) [84]. ПВ в лингвистической литературе рассматривается как сложный, неоднократно воспроизводимый в речи носителей определенного языка знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [55, С.106]. В.Г.Костомаров и Н.Д.Бурвилова обнаружили следующие закономерности процесса текстовой редукции. ПВ анафорично по отношению к породившему

его тексту, если оно связано с этим текстом структурно ("All the world's a stage, and all the men and women merely players" открывает пьесу У.Шекспира "Как вам это понравится" (W.Shakespeare, "As You Like It", цит. по [165]), и действительно по отношению к ситуации, в контексте которой оно в первый раз возникло ("Et tu, Brute?" описывает ситуацию предательства (W.Shakespeare, "Julius Caesar", цит. по [165]). ПВ может быть связано с исходным текстом только по смыслу, структурно будучи автосемантическим ("This sorrow's sacred, it strikes where it does love" (W.Shakespeare, "Othello", цит. по [323, С.1243]). Процессу текстовой редукции способствует также популярность определенных произведений, их героев, тематики, частое воспроизведение отдельных фрагментов, парадоксальность высказывания, императивная модальность ("Lay on, Macduff" ("Макдуф, начнем") – перевод Ю.Корнеева (цит. по [165]) и, конечно же, остроумие, меткость, социальная значимость, запоминающаяся форма. Благодаря ПВ реализуется процесс экфонии (термин Н.А.Рубакина [140]), под которым понимается оживление, актуализация накопленного опыта по одной детали.

Представление о ПВ как о формах хранения и актуализации накопленного знания позволяет рассматривать ПТ в терминах когнитивных структур (КС), которые сформировались в памяти разных людей на основе прочтения ими одних и тех же книг и газет, просмотра одних и тех же фильмов и спектаклей, обсуждения одних и тех же общественно-политических и бытовых событий. Наиболее информативные в данном лингвокультурном сообществе КС входят в его когнитивную базу - определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладает любой представитель конкретного национально-культурного сообщества [55, С.106]. Обращаясь в своей речи к ПВ, говорящий, как правило, апеллирует не к значению этого высказывания, а к той КС, означаемой которой выступает ПВ. Под КС понимается некая форма кодирования и хранения информации [там же]. При употреблении ПВ автор приписывает реальной ситуации речи те или иные признаки идеальной

прецедентной ситуации. Это позволяет авторам утверждать, что функционирование ПВ сродни метафоре [там же, С.110].

Д.Б.Гудков подчеркивает, что за любым прецедентным феноменом стоит образ-представление, включающий ограниченный набор признаков самого феномена, входящий в когнитивную базу лингвокультурного сообщества, что позволяет автору определить его как национально детерминированное минимизированное представление (НДМП) [54]. Комплекс прецедентных феноменов фиксирует и закрепляет ценностные установки данного лингвокультурного сообщества, регулирующие деятельность (в том числе вербальную) его членов.

Введение в текст-реципиент прецедентных образов возможно благодаря универсальному механизму сравнения, психологическая основа которого была отмечена И.М.Сеченовым: "Все, что человек воспринимает органами чувств, и все, что является результатом его мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлеченных от реалий, до расчлененных конкретных впечатлений), может соединяться в нашем сознании ассоциативно" [147, С.190]. У И.М.Сеченова сравнение предстает как один из способов восприятия мира в его признаках. Аналогичную роль сравнения отводил и А.А.Потебня, утверждая, что самый процесс познания есть процесс сравнения [132].

ПВ и ПИ являются центральными элементами цитатной речи.

1.4. Типология элементов цитатной речи

Искусство цитирования подтверждает распространенное мнение, согласно которому литература питает литературу: писатель живет в обществе, имеющем культурное наследие, которое он усваивает, сохраняет и передает потомкам. Использование готового текста устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующими, включая его в вертикальный контекст текстового универсума, в тот

словесный мир, который создается, по словам А.Р.Лурия, языком и в котором мы живем [100, С.33]. Л.В.Полубиченко и В.П.Андросенко полагают, что цитирование как подлинное воспроизведение (целиком или частично) какого-либо высказывания, принадлежащего перу предшественника, с намерением опереться на его опыт, талант, интеллектуальный или художественный авторитет (или оспорить их) характерно как для стиля художественной литературы, так и для стиля научного изложения [129, С.58]. Вкрапления из предшествующих текстов имеют разные функции, источники их разнообразны, коннотации различны, включение во вновь производимый текст осознано или произвольно. Эти осколки предшествующих текстов составляют основу интертекстуальности.

Интертекстуальность – фр. *intertextualité*, англ. *intertextuality* – термин, введенный в 1967 г. теоретиком постструктурализма Ю.Кристевой, стал одним из основных в анализе художественного произведения постмодернизма [337, С.216]. Вслед за М.Бахтиным Ю.Кристева понимает интертекстуальность как диалог между текстами. Теоретики структурализма и постструктурализма (в области литературоведения в первую очередь А.Ж.Греймас, Р.Барт, Ж.Лакан, М.Фуко, Ж.Деррида и др.), отстаивающие панъязыковой характер мышления, отождествляют сознание человека с письменным текстом как якобы единственным более или менее достоверным способом его фиксации [там же]. Положение, что история и общество являются тем, что может быть "прочитано" как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого "интертекста", который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста [там же].

С лингвистической точки зрения, явление интертекстуальности рассматривается в плане изучения элементов структуры языка, участвующих в построении и установлении межтекстовых связей. В этом аспекте интертекстуальность определяется И.В.Арнольд как включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций, аллюзий [11]. В связи с этим ряд исследователей

предпринимает попытку составления типологии интертекстуальных элементов. Одной из наиболее последовательных является классификация Н.А.Фатеевой [173]. Ее классификация, как отмечает сама автор, строится на уже существующих классификациях зарубежных лингвистов Ж.Женетт и П.Х.Торопа. Основным критерием разграничения интертекстуальных элементов автор считает критерий собственной/новой предикации в тексте-реципиенте и критерий узнаваемости/неузнаваемости, на основании которых Н.А.Фатеева выделяет следующие группы интертекстуальных элементов:

1. Цитаты с атрибуцией/без атрибуции (критерий узнаваемости, собственная предикация).
2. Аллюзии с атрибуцией/неатрибутированные/центонные тексты как комплекс аллюзий и цитат (критерий узнаваемости, новая предикация). Понятие центона (*лат. cento* – лоскутные одеяло или одежда) предполагает построение текста как мозаики из рядоположенных цитат с достигаемым системным эффектом, где каждая из цитат представлена своей денотативной семантикой, а коннотативные оттенки, связанные с автохтонным для цитаты контекстом, как правило, уходят в тень [333, С.333].
3. Цитаты-заглавия/эпиграфы (критерий масштабности заимствования).
4. Интертекст-пересказ/вариации/дописывание "чужого" текста (критерий трансформации).
5. Гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого.
6. Архитекстуальность как жанровая связь текстов.
7. Интертекст как троп или стилистическая фигура/интермедийные тропы и стилистические фигуры/заимствование приема.
8. Поэтическая парадигма.

Несомненным достоинством приведенной классификации является ее всеобъемлющий характер. Н.А.Фатеева рассматривает разноуровневые лингвистические единицы – лексические, жанровые, стилистические.

Существуют и другие классификации, представляющие индивидуальное видение проблемы цитатной речи. Так, в типологии А.Е.Супруна всевозможные разновидности элементов цитатной речи рассматриваются как виды текстовых реминисценций [158]. Автор приводит следующее рабочее определение этого понятия: "Текстовые реминисценции (ТР) – это осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста" [там же, С.17]. Под понятием ТР А.Е.Супрун объединяет цитаты (от целых фрагментов до определенных словосочетаний), "крылатые слова", отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. В целом, корпус источников ТР достаточно специфичен для каждого языка. Более того, соответствующий корпус текстов различен в различных сферах носителей языка, он довольно подвижен исторически в связи с появлением новых текстов и в связи с изменениями культурного уровня носителей языка, сменой господствующих политических взглядов в обществе и т.п.

В.П.Москвин разграничивает отдельные формы ТР (цитирование, аппликацию, парафраз, аллюзию) и выделяет два вида опорных текстов, послуживших ассоциативной базой ТР: 1) текст-источник, служащий ассоциативной опорой для таких извлечений, как коммемораты (цитаты без кавычек; лат. *commemoratio* 'воспоминание'), крылатые слова и аллюзивные вкрапления, и связанный с ними синтагматическими ассоциациями ("часть-целое"); 2) исходный текст, служащий ассоциативной опорой для травестированного текста и связанный с последним деривационными ассоциациями ("производящее-производное"); что позволяет говорить, например, о внутренней форме травестийного текста [116, С.68]. Травестия – героикокомический поэтический жанр, заключающийся в изображении "низких" предметов "высоким" стилем [331, Т.18, С.141].

В.П.Москвин также классифицирует опорные тексты по степени их известности носителям языка: 1) тексты, известные узкому кругу лиц (к примеру, личное письмо); 2) тексты, известные широкому кругу носителей языка в течение непродолжительного времени (газетные тексты, тексты выступлений политиков, рекламные тексты); 3) тексты, известные широкому кругу носителей языка в течение длительного времени (Евангелие, Библия, произведения классической литературы, фольклорные тексты) [116, С.68]. Последний, вслед за Ю.Н.Карауловым, принято называть прецедентными.

В.Хайнеманн приходит к выводу, что текстуальность и интертекстуальность свойственны любому тексту. В плане собственно интертекстуальности это означает, что отправитель текста может, как вполне осознанно ориентироваться на определенные тексты, так и делать это бессознательно, например, используя известные ему текстовые модели. Поэтому автор различает два типа интертекстуальности: типологическую и референциональную (грамматическая и семантическая) [228, С.35].

Г.Вайзе выделяет наиболее эффективную среду существования интертекстуальности – художественные тексты [228, С.48]. Он различает следующие типы интертекстуальности: 1) вертикальную (классификационную) интертекстуальность, отражающую типологическую специфику художественных текстов на основе определенных прототипических признаков; 2) горизонтальную (ассоциативную, смысловую) интертекстуальность, которая соотносит данный текст с претекстами в определенном содержательном плане. Интертекстуальность может иметь прагматические (*zweckgerichtet*) и художественные (*spielerische*) функции. Г.Вайзе считает, что формы интертекстуальности могут быть очень разнообразны: от цитат, намеков и парафраз до текстового коллажа, пародий и травести. Эти формы интертекстуальности исследуются Г.Вайзе на материале художественных текстов английской литературы.

Подробный анализ явления интертекстуальности, представляющий это явление как иерархическую систему упорядоченных элементов, представлен

в диссертационном исследовании "Интертекстуальность как системообразующая категория" Н.С.Олизько [125].

Как показал анализ метаязыка в теоретических источниках, представляющих новейшие направления в лингвистике, мы, к сожалению, зачастую "довольствуемся операциями над единицами, как следует не определенными" [152, С.143]. Слова Ф. Де Соссюра как нельзя более применимы к понятийно-терминологическому аппарату феномена интертекстуальности. Одной из причин неразработанности теории интертекстуальности как композиционно-стилистической проблемы И.В.Арнольд считает большое разнообразие размеров, форм и функций включения "другого голоса" [11]. Общий признак этих включений – смена субъекта речи. Другой причиной неразработанности этой тематики является большая сложность и разнообразие модальностей функций и импликаций. Автор предлагает различать следующие типы включения: цитатные заглавия, эпиграфы, реминисценции, аллюзии, целостные большие тексты [там же].

Осветим детально элементы горизонтальной интертекстуальности, разновидностью которой является интересующая нас аллюзия.

1.4.1. Текстовая аппликация

Аппликация (лат. *applicatio* 'присоединение') – это прием, состоящий в использовании адресантом в качестве "строительных блоков" для собственного текста: 1) различного рода устойчивых выражений – фразеологизмов, пословиц, поговорок; 2) фрагментов (напр., словосочетаний, фраз, стихотворных строк) текста, известного адресату [326, С.47]. По мнению В.П.Москвина, аппликация наиболее близка к цитированию [116, С.63]. К сожалению, как указывает автор, в специальной литературе термины *цитирование* и *аппликация* до сих пор не разведены ни концептуально, ни терминологически и обозначаются дублетными терминами *цитация*, *цитирование* [175, С.496-506]. Тем не менее, от цитирования данный прием

отличается отсутствием ссылочной части, о чем свидетельствует, например, название романа Э.Хемингуэя "The Sun Also Rises" ("Fiesta"). Данная текстовая аппликация заимствована из Библии. Она заставляет читателя пересмотреть события романа во всеобъемлющем контексте литературы. Трагичны обстоятельства жизни героев, но еще большую трагичность они приобретают, отражаясь в заголовке романа: мир, пройдя мимо драмы человеческой жизни, спешит открыть новую страницу своей истории.

Текстовая аппликация используется в расчете на то, что адресат речи вспомнит текст, послуживший источником "цитаты без кавычек". Именно поэтому такие цитаты называют коммеморатами [115, С.149–143]. При условии длительного многократного использования коммемораты превращаются в крылатые слова – "переходящие из уст в уста выражения, которые отличаются от пословиц, поговорок и устойчивых выражений всех иных разрядов тем, что они являются цитатами, восходящими к определенному литературному источнику" [322, С.3]. Ассоциативная отсылка к опорному тексту (тексту-ассоциату) и обогащение авторской речи соответствующими коннотациями и образами служит основной функцией текстовой аппликации. Наличие такой отсылки делает возможным классификацию крылатых слов по опорному тексту и, соответственно, подразделение их на библеизмы, шекспиризмы и т.д.

При более широком понимании крылатых слов к ним, вслед за Георгом Бюхманом, причисляют не только литературные цитаты, но и некоторые онимы, как то:

Gorgon	Medici	Cain	Robin Hood
Adonis	Cagliostro	Jesebel	Mary Poppins

Как те, так и другие восходят к определенному литературному источнику [200]. Однако следует различать фигуру аппликации и разновидность антономасии, которая заключается в экспрессивном использовании имени собственного в апеллятивном значении (иногда эта фигура речи, в соответствии с античной традицией, именуется

прономинацией). В.П.Москвин же считает, что наименования типа *Lovelace* (ловелас, волокита; по имени героя из романа Ричардсона "Кларисса Харлоу"), *abigail* (горничная, служанка; от типичного имени горничных, бедных девушек *Abigail*), *benedict* (новобрачный, убежденный холостяк, наконец женившийся; по имени героя комедии У.Шекспира "Много шума из ничего"), и др. – как единицы однословные – не имеют отношения к сфере фразеологии (и, соответственно, крылатым словам), так что более логичной представляется позиция тех ученых, которые придерживаются узкого понимания термина *крылатые слова*, признавая в качестве одного из критериев фразеологичности не только, к примеру, экспрессивность, но и сверхсловность регулярно воспроизводимой единицы [116, С.64]. Подробнее об АИС в составе фразеологических единиц (далее ФЕ) см. в главе 3 (3.3.4.).

1.4.2. Аллюзия

Аллюзия начала свою историю как фигура риторическая. Этимологически термин "аллюзия" восходит к лат. "alludere" (от "ludere" – "играть, шутить", а также "намекать"), что побудило Б.Грасиана написать, что само название стилистического приема "allusion" "как будто скорее его осуждает, чем определяет, ибо, происходя от лат. "ludo" – "играю", оно словно вызывает сомнения, если не вовсе отрицает за ним глубину, серьезность и возвышенность" [53, С.452]. И.С.Христенко дает подробный анализ истории и современного функционирования термина "аллюзия" [182].

В классической традиции все риторические фигуры разделялись на фигуры слов (*figurae verborum*) и фигуры мысли (*figurae sententiarum, schemata*). Риторика античности и Ренессанса относили аллюзию к первой группе фигур – фигурам слова. Традиция долгое время сближала аллюзию и параномазию, каламбур, игру слов. Фигура "allusio", как правило, встречалась в эпиграмме, сатире или комедии. Аллюзия понималась как минимальное, на уровне буквы или слога, изменение звукового состава

слова, вызывавшее изменение его значения. Для обращения к фоновым знаниям аудитории использовались другие риторические фигуры – как правило, фигуры амплификации, указывавшие на знаменитые деяния или изречения: фигура "exemplum" – "пример", фигуры "experientia" – "мораль, гномическое суждение", "proverbium" – "поговорка" и "sententia" – "афоризм, сентенция". Синтез двух различных значений термина "аллюзия" отражен в работе А.Морье "Словарь поэтики и риторики", где аллюзия определяется как вид загадочной метафоры, в которой сравнивающий элемент (le comparant) должен заставить угадать сравниваемое (le comparé) вследствие одной или нескольких общих им черт [223, С.86].

Аллюзия в современном понимании этого термина была характерным приемом позднего Возрождения и излюбленным приемом Барокко (примером может служить изобилие аллюзий в стихотворениях Гонгоры). Сам же термин "allusion" впервые получает толкование в словаре Коваррубиоса (1611) ("Dezimos una cosa, y de baxo de sus palabras damos intención de otra, y de aqui se dize la tal manera de hablar, allusion"). К концу XVII в. французская лексикография также закрепляет за "allusion" значение "способа пробуждения представления о лице или предмете без открытого упоминания о них". Важнейшая роль во введении аллюзии в разряд окончательно признанных риторических фигур принадлежит С.-Ш.Дюмарсе ("О тропах", 1730 [202]). Аллюзия французских риторик XVIII – XIX вв. – это фигура, пробуждающая ассоциации, попутные мысли.

Реальная аллюзия, "прием употребления какого-нибудь имени или названия, намекающего на известный литературный или историко-культурный факт" - это стилистическая фигура референциального характера, опирающаяся на экстралингвистические пресуппозиции говорящего и слушающего, автора и читателя, на историко-культурный компонент их фоновых знаний" [8, С.89]. Ее можно представить как сравнение двух референциальных ситуаций, из которых одна выражена в поверхностной структуре текста, а другая подразумевается [182, С.43].

По признаку сближения представлений на основе сходства аллюзия родственна метафоре и аллегории как продолженной метафоре, где одному означающему также соответствует два означаемых. Аллюзия и коннотация также обладают общими чертами, характеризуясь ассоциативностью. Аллюзия сопоставима и с намеком, однако явление намека по своей структуре сложнее аллюзии. Намек – речевой акт особого свойства, целенаправленный и обоснованный со стороны говорящего, стремящегося побудить слушающего к нужной ему реакции. "Суть намека заключается в том, что слушающий должен подозревать (не более того) наличие определенного намерения" [154, С.144]. Информация, закладываемая говорящим в намек, содержит в себе нечто новое для слушателя, и, поняв это новое, слушатель должен как-то отреагировать на него. Аллюзия же включает в себе информацию заведомо общеизвестную. Она обоснована со стороны говорящего, но как стилистический прием предназначена к открытому узнаванию, иначе ее употребление лишено смысла. Новое состоит в соотношении, возникающем между двумя референциальными ситуациями, в том, каким образом благодаря знанию аллюзивного факта референтная ситуация трансформируется в тексте.

И.Р.Гальперин считает, что в структурном плане аллюзия представляет собой слово или фразу [206, С.187]. В.П.Москвин же, напротив, подчеркивает однословность аллюзии [116, С.65]. Мы поддерживаем точку зрения И.Р.Гальперина и И.С.Христенко, которые полагают, что для реальной аллюзии принципиально не важна форма материального выражения. Индикаторами "аллюзивного процесса" могут служить неравноценные в лингвистическом плане языковые единицы: слово, словосочетание, высказывание (Л.А.Машкова [105]). Аллюзивными могут быть и более крупные отрезки текста. Параллели в сюжете, ситуациях также можно считать аллюзией, так как они удовлетворяют описанию аллюзивного процесса. Роль их состоит в деформации референтной ситуации, понимаемой как одна или несколько сюжетных линий художественного текста.

Вопросы изучения аллюзии в том или ином аспекте затрагиваются в работах многих отечественных и зарубежных исследователей. В литературоведении аллюзия изучается как "словесный художественный образ" с точки зрения ее роли в системе формы и содержания литературного произведения (М.Д.Тухарели [169]). Аллюзии описываются в работах, посвященных прозаическим и поэтическим произведениям того или иного автора при установлении источников его творчества. В то же время аллюзия анализируется с позиций стилистики (А.Г.Мамаева [101]) и филологического комментирования текста в целом (Л.А.Машкова [106]). Предпринимались попытки исследовать феномен аллюзии в рамках лингвистики текста (Т.Цилка [230], В.С.Чулкова [184]) и теории речевых актов (К.Перри [225]). Тем не менее, значение термина аллюзия допускает различные толкования.

Р.А.Брауэр, например, говорит об аллюзии как результате литературного влияния или имитации [199]. Столь же широко понимает аллюзию и К.Перри [225]. По ее мнению, все выработанные в течение веков стили, жанры, поэтические размеры носят аллюзивный характер. В то же время К.Перри относит к аллюзиям различного рода повторы – от ассонансов и аллитераций, повторения отдельных слов и фраз до выражения одного и того же смысла разными словами. У.Торнтон склонен считать аллюзию разновидностью метафоры [229], а в докторской диссертации Дж.Т.Локранца аллюзия определяется как каламбур, игра слов [219]. Ясно, однако, что Р.А.Брауэр чрезмерно расширяет понятие аллюзии, позволяя подвести под него любое проявление литературной традиции. У К.Перри различные по своей природе явления искусственно унифицируются: вряд ли можно рассматривать выбор писателем того или иного стиля или жанра в одном ряду с использованием аллитерации. У.Торнтон и Дж.Локранц пытаются представить аллюзию как модификацию иных лингвостилистических приемов вместо того, чтобы исходить из ее собственной определенности.

Мы придерживаемся точки зрения современных исследователей, где аллюзия определяется как специфический намек, особенность которого

состоит в "иносказании", т.е. в косвенной, путем упоминания какого-нибудь имени или названия, отсылке к общеизвестному литературному произведению или историческому факту [101, С.3; 74, С.4; 128, С.18]. Суть аллюзивного эффекта состоит в трансформации смысла текста-реципиента.

В соответствии со своим источником В.П.Москвин подразделяет аллюзии на текстовые (литературные, библейские, мифологические) и нетекстовые (исторические и бытовые) [116, С.65]. Иллюстрацией литературных аллюзий может служить следующий пример:

It was deep winter when Pym arrived and it is winter still, for I have never been back, I never dared. The same snow lies over the fens and marshes and freezes Quixote's *windmills* to a standstill against the *cindery* Flemish sky. The same steeped towns dangle from the sea's horizon, the Brueghel faces of our electorate are as *pink with zeal* as they were those three decades ago [255, P.360].

Бессмертное произведение Сервантеса послужило источником аллюзий для многих поколений писателей, выстраивающих с их помощью подтекст разной степени глубины. Здесь имя Дон Кихота создает яркий образ типичного испанского пейзажа с болотистой местностью, усеянной ветряными мельницами, с которыми когда-то сражался отважный идальго. Ле Каре упоминает и известного фламандского художника Брейгеля, принадлежавшего к целой династии живописцев. Так, обрисовывая пейзаж Испании, через аллюзию автор одновременно делает экскурс в ее культурное наследие, знакомя читателя с основными вехами ее культуры.

К библейским аллюзиям относятся всевозможные вкрапления из текста Библии, варьирующиеся по объему и характеру (от имен библейских героев до библейских сюжетов). В нижеприведенном примере упоминается имя Соломона, одного из великих царей Израиля, прославившегося баснословным богатством, унаследованным им от отца, царя Давида, которое он сумел мудро сохранить и преувеличить:

Heard that name anywhere, have you, son, with your fine education? Baron Rothschild? Lord Rothschild? Count Rothschild? Rothschild's Bank? Or are you

going to tell me you're not conversant with the name of a certain great Jewish family with all *the wealth* of Solomon at its fingertips? [255, P.200]

Знание мифологических аллюзий является атрибутом классического образования. Следующий пример содержит имя Кассандры, дочери царя Трои, Приама, предрекшей гибель этого легендарного города. Имя стало синонимом человека-пророка несчастий, предсказаниям которого не верят:

Wexler's terseness is not unexpected. It is a feature of these meetings, known to everybody present, that a curse, if not an outright embargo, hangs over the use of Lederer's name. Lederer is their Cassandra. Nobody ever asked Cassandra to preside over a meeting on damage limitation [255, P.311].

Исторические аллюзии представляют ссылку на деятелей истории. Здесь чаще фигурируют имена политиков и военных, оставивших наиболее памятный след в истории страны или в мировой истории. Примером может служить аллюзия к Юлию Цезарю в романе Ле Каре "Идеальный шпион":

Membury comes too, a *grinning, loping Caesar dwarfing* his Antony, hauling on his ear, dreaming of fish and smiling at the wrong people [255, P.470].

Частое упоминание имени Юлия Цезаря, великого римского политика и полководца I в. до н.э., объясняется незаурядностью его личности. Пример акцентирует его отношения с Марком Антонием, который не мог выйти из тени великой личности и был обречен играть вторую скрипку. Именно такие отношения и сложились между героями современного романа Ле Каре.

Бытовые аллюзии отсылают к наиболее типичным именам, циркулирующим в лингвокультурном сообществе, ставшим носителями национальных стереотипов, воплощением характерных национальных черт, что и демонстрирует следующий пример:

He's a greedy, grubby fellow. Farts a lot, scratches his head, steals his Commandant's chickens. But he doesn't like his country to be occupied by a bunch of *sweating* Ivans who *swagger round* the streets of Prague and tell him he's a stinking little Chech, and he doesn't like being packed down to Austria at somebody's whim to play toady to a lot of drunk Cossacks [255, P.467].

Для англичан все типичные качества русского человека воплотились в исконно русском имени Иван. Если для англичан Иван –местилище всех отрицательных качеств, ассоциируемых с русским народом, то русские вкладывают в это имя доброту, простодушие, отсутствие коварства, злобы. Об этом ярко свидетельствуют русские народные сказки. Ассоциативная нагрузка имени как зеркало отражает отношение употребляющего его к тому, кто его носит. В этом проявляется способность АИС нести информацию о социуме.

С других позиций определяет место аллюзий в структуре интертекстуальных элементов и их классификацию Удо Хебель [213]. В своей работе автор возвращается к неоднократно обсуждавшейся проблеме примата аллюзии над цитатой. Одна группа теоретиков интертекстуальности определяет аллюзию как ключевое понятие интертекстуальных отношений, другая же отводит эту роль цитате. Мы поддерживаем точку зрения У.Хебеля, высказывающегося в пользу аллюзии, но при этом он не считает основной категорию явной/скрытой аллюзии (Бен-Порат), которой первоначально отводилась решающая роль, а определяет аллюзию как относительную категорию ("allusion as an intertextually relational device") [213, P.137]. В работе У.Хебеля строится матрица для интерпретации аллюзий (верификация аллюзий, описание их форм и функций), а также приводится типология аллюзий. Автор выделяет 1) цитатные аллюзии, 2) заголовочные аллюзии, 3) ономастические аллюзии. Удо Хебель утверждает, что аллюзия становится центральным фактором интертекстуального анализа тогда, когда она проявляется в идеологемах (ключевых смыслах) текста. В таком случае она обозначает его исторические и социальные координаты.

В этой связи важным является соотношение между той информацией, которая дается в аллюзивном тексте, и той, которая подразумевается автором произведения. Речь идет о том, что аллюзии могут быть "более аллюзивными" и "менее аллюзивными". На одном полюсе данной категории находятся случаи, когда для понимания аллюзивного намека требуется

основательное знание источника. При этом АИС семантизируется на относительно большом текстовом пространстве, что подчеркивает его участие в ключевых идеологемах произведения. Под "идеологемой" понимают вслед за Ю.Н.Карауловым семантико-тематическое обозначение духовных ценностей (цит. по [135, С.15]). Подробнее об аллюзиях, участвующих в ключевых словах текста, см. в главе 3 (3.3.3.). Понимание следующего примера невозможно без подробного знакомства с романом Джейн Остен "Разум и чувствительность":

I'm reading "Sense and Sensibility" and I must find out what happens to Marianne. Marianne is me; Eleanor is me as I ought to be [240, P.201].

Только прочтя сам роман Д.Остен и ознакомившись с перипетиями судеб главных героинь Марианны и Элеоноры, которые преодолевают множество препятствий на пути к счастью, читатель современного нам романа "Коллекционер" Дж.Фаулза сможет оценить внутреннее состояние главной героини, Миранды. Возможно автор намеренно оставляет глубокую смысловую лауну, заполнить которую не представляет труда носителям английской национальной культуры, но составит определенные трудности для представителей иноязычной культуры. Более того, имплицитный смысл аллюзивного намека может быть восстановлен только при анализе содержания всех предшествующих событий самого романа "Коллекционер" и соотнесения их с линией судьбы Миранды.

К противоположному полюсу прилегают аллюзии наподобие следующего примера:

I remember later he said (Professor Higgins again), you don't really stand a dog's chance anyhow. You're too pretty. The art of love's your line: not the love of art [240, P.160].

В воспоминаниях Миранда сравнивает своего друга, явно скептически воспринимавшего ее увлечение искусством, с героем пьесы Б.Шоу "Пигмалион", профессором Хиггинсом - знатоком фонетических особенностей английских диалектов, человеком богатой эрудиции. Здесь

АИС "Professor Higgins" подразумевает "сказать что-либо нравоучительным, покровительственным тоном". В данном примере читатель может уверенно опираться на пресуппозиционное знание (представление о "профессоре" как сведущем человеке) - и в его тезаурусе появится новая личность, которую после прочтения данного эпизода он будет ассоциировать с образом надменного скептика.

Процесс реконструкции заложенного в тексте ассоциативного смысла носит название аллюзивного процесса. Л.А.Машкова считает возможным выделить некоторые общие признаки аллюзивного процесса [105]:

1 Необходимым условием осуществления аллюзивного процесса является известность аллюзивного факта читателю.

2 Аллюзивный процесс характеризуется определенной направленностью. Аллюзивная связь устанавливается писателем вполне сознательно. Это отличает аллюзию от традиционного образа, мотива, "бродячего сюжета" и т.п.

Elliott, the costume too large now for his *emaciated frame*, looked like a chorus man in an early opera of Verdi's. The sad Don Quixote of a *worthless purpose* [262, P.245].

Упоминание АИС "Дон Кихота" (Don Quixote) не случайно. Оно устанавливает параллель между героем романа У.С.Мозма "Лезвие бритвы" и колоритным персонажем романа Сервантеса, акцентируя внимание на глубинных смыслах современного романа. Ассоциации идут в нескольких направлениях. Это не только внешность героя, но и его внутренний мир, тщетность и бесплодность прожитой жизни. Контекстное окружение АИС "Don Quixote" помогает читателю выбрать верное направление выстраивания ассоциаций: *emaciated frame* (истощенный организм) и *worthless purpose* (никчемная цель).

3 Для понимания аллюзии необходимо установление конкретного "аллюзивного факта", "аллюзивного канала" – в этом случае на помощь приходит контекст, в котором находится аллюзивное слово или

словосочетание. Во многих случаях правильный выбор аллюзивного факта зависит от всестороннего и глубокого изучения всего произведения, содержащего аллюзию. Упоминание имени Отелло в нижеприведенном примере заставляет читателя в первую очередь вспомнить о безудержной ревности бессмертного персонажа трагедии У.Шекспира. Однако В.С.Притчет (1900 – 1997), современный английский автор коротких рассказов, знаменитый своим ироничным стилем, обманывает ожидания читателя. Сравнение двух персонажей основано на более высоком уровне абстракции: их роднит мания, искушение, которому ни один из них не в силах противостоять. Если Отелло - неисправимый ревнивец, то герой рассказа В.С.Притчета "Моряк" ("The Sailor") – безудержный кутила.

What was *temptation*? Almost everything was temptation to Thompson. Pubs, cinemas, allotments, chicken-runs, tobacconists – in these, everywhere, the tempter might be. Temptation, like Othello's *jealousy*, was *the air itself* [237, P. 107].

Ближайшее контекстное окружение АИС "Отелло" (Othello), *temptation*, позволяет правильно восстановить аллюзивный замысел автора.

4. Очевидно, что содержание произведения обогащается не только за счет ассоциаций, привносимых самой аллюзией, но и вследствие возникновения между двумя произведениями целого ряда дополнительных аналогий, параллелей или же, напротив, контрастов, противопоставлений, антитез. Следующий пример демонстрирует трансформацию образа легендарного Робин Гуда в современном тексте-реципиенте:

Justice had never been forthcoming from the authorities and so the people had always gone to the Robin Hood Mafia. And to some extent Mafia still fulfilled this role. People turned to their local capomafioso for *help in every emergency. He was their social worker, their district captain ready with a basket of food and a job, their protector* [267, P.326].

Попадая в контекст современного романа, символ благородства, справедливости, покровительства бедным претерпевает курьезные

метаморфозы. Теперь он ассоциируется с членами мафиозных кланов, которым, как отмечал сам автор "Крестного отца", Марио Пьюзо, чужды милосердие, пощада, высокие идеалы. Но, как и Робин Гуд, они все же в некотором смысле протягивают руку помощи своим менее удачливым в жизни братьям. Такова реальность сегодняшних дней.

5. Важно подчеркнуть двусторонний характер аллюзивного процесса, заключающегося во взаимовлиянии произведения-реципиента и произведения-донора. Литературно-художественное произведение не только само обогащается за счет содержания источника, но и обогащает сам источник, акцентируя отдельные идеи, черты, образы, концентрируя смыслы, обозначая ассоциативные линии, превращая заимствованные аллюзивные слова и словосочетания в символы и знаки разных по масштабам и значимости ситуаций. Таким образом, аллюзивное слово получает новую жизнь, новое развитие. Модификация содержания источника может проходить в различной форме, например, ссылка на источник в том или ином контексте способна вызвать новые, помимо традиционных, ассоциации, связываемые с этим источником или конкретным аллюзивным фактом. Следующий пример развивает символические ассоциации АИС "Christ":

That you get to the heart of things you find *sadness* forever and ever, everywhere; but *a beautiful silver sadness*, like a Christ face. Accepting the sadness. Knowing that to pretend it was all gay was treachery. Treachery to everyone sad at that moment, everyone ever sad, treachery to such music, such truth [240, P.190].

Общепризнанно, что лик Христа соотносится с понятием печали. В данном контексте это понятие уточняется – эта печаль светла и прекрасна, она лучезарна (*silver*). Метафора "a beautiful silver sadness" открывает новые грани понятия "a Christ face", будучи по структуре непривычным и уникальным, она по-новому интерпретирует непреходящий образ Христа.

Аллюзивный процесс затруднен снижением степени прецедентности АИС, на базе которых он протекает, по отношению к стереотипности АИС,

входящих в состав ФЕ. Это осложняет процесс узнавания и декодирования аллюзий в тексте. Неслучайно аллюзивное употребление ИС в подавляющем большинстве случаев сопровождается развернутым контекстом, содержащим семантический повтор имени. Наличие при имени собственном семантического повтора, следовательно, является главным критерием его аллюзивности, что убедительно доказывается следующим примером:

Salamat, still chatting with Mrs. Boake-Rehan Adams, was about to ask who the young lady was who looked like a Renoir girl and ***gave one the feeling of having been created out of rose petals and champagne*** when the girl herself came leaping and laughing through the excited people to her aunt to ask whether she might not stay with her an extra day before going home to Philadelphia [269, P.308].

Для описания молодой героини своего рассказа "Париж и Филадельфия" ("Paris and Philadelphia") У.Сароян прибегает к аллюзии на выдающегося французского художника Огюста Ренуара (1841 – 1919), чьи картины произвели революцию в живописи и послужили отправной точкой нового течения в искусстве – импрессионизма. Аллюзия "девушка с картины Ренуара" (a Renoir girl) позволяет живо представить нежную легкость и женственность создаваемого образа не только благодаря запечатленным в памяти воздушным картинам художника, но и через контекст, дублирующий смысловое ассоциативное наполнение АИС "Renoir": девушка, словно созданная из лепестков роз и брызг шампанского (выделено курсивом). В данном случае развернутый смысловой повтор содержит квинтэссенцию творчества художника-новатора, без которого аллюзивное выражение "a Renoir girl" получило бы неопределенную интерпретацию, или же вовсе осталось лакунарным для читателя с ограниченным фоновым знанием в области искусства. Наличие семантического повтора ориентирует рассказ на широкую читательскую аудиторию.

Таким образом, текстовая аппликация в типологии В.П. Москвина (которая признается нами наиболее последовательной) представляет собой

полное и точное воспроизведение части какого-либо текста, аллюзия же фрагментарное, неточное включение текста оригинала. Обе фигуры речи отличаются от цитирования отсутствием ссылочной части [116, С.65].

1.4.3. Парафраз

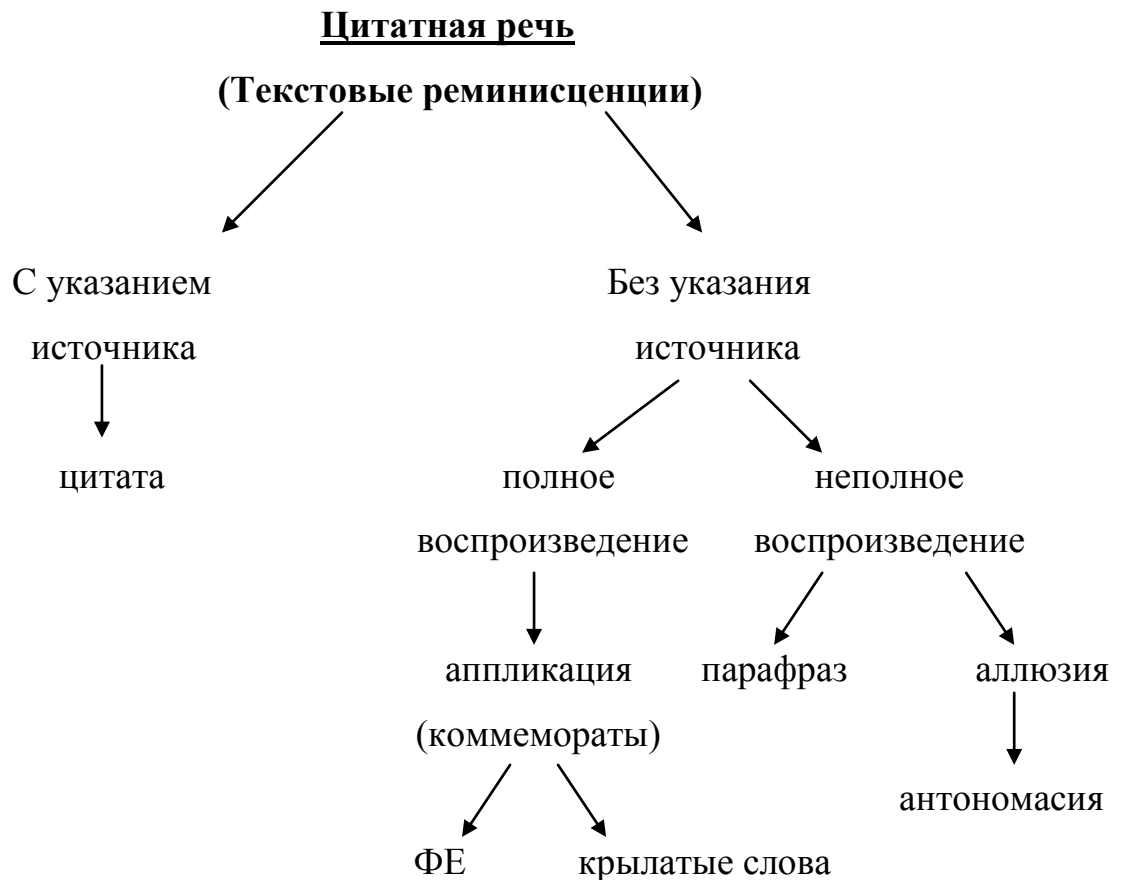
Парафраз состоит в изменении лексического состава какого-либо выражения или текста, известных адресату, при этом замена не должна нарушать ритмико-синтаксическую структуру исходной фразы, должна быть незаметна в этом отношении (особенно если роль исходной единицы играет стихотворная строка) [116, С. 65]. В приведенном ниже примере из романа О.Уайльда "Портрет Дориана Грея" главный герой, описывая свои посещения театра, не упоминает прямо названия пьес, в которых его возлюбленная играет ведущие роли, но дает их краткое поэтическое описание, будучи уверен, что его друзья – люди с блестящим элитарным образованием – смогут с легкостью узнать пьесы У.Шекспира:

Night after night I go to see her play. One evening she is Rosalind, and the next evening she is Imogen. I have seen her die in the gloom of an Italian tomb, sucking the poison from her lover's lips. I have watched her wandering through the forest of Arden, disguised as a pretty boy in hose and doublet and dainty cap. She has been mad, and has come into the presence of a guilty king, and given him rue to wear, and bitter herbs to taste of. She has been innocent, and the black hands of jealousy have crushed her reed-like throat. I have seen her in every age and in every costume. Ordinary women never appeal to one's imagination. They are limited to their century. No glamour ever transfigures them. But an actress! [276, P.38]

"Я видел ее в Италии умирающей во мраке склепа, видел, как она в поцелуе выпила яд с губ возлюбленного." – "Ромео и Джульетта". "Я следил за ней, когда она бродила по Арденнским лесам, переодетая юношей, прелестная в этом костюме – коротком камзоле, плотно обтягивающих ноги

чулках, изящной шапочке." – "Двенадцатая ночь". "Безумная, приходила она к преступному королю и давала ему руту и горькие травы." – "Гамлет". "Она была невинной Дездемоной, и черные руки ревности сжимали ее тонкую, как тростник, шейку." – "Отелло".

Литературный парафраз, литературная аппликация и литературная аллюзия являются формами реминисценций – "присутствующих в художественном тексте "отсылок" к предыдущим литературным фактам: отдельным произведениям или их группам" [179, С.253]. Рассмотрев проблему цитатной речи с точки зрения ее терминологии, мы можем заключить, что в современной специальной литературе термин *цитирование* довольно часто используется в неоправданно широком смысле. На основе проведенного анализа теоретической литературы, посвященной проблеме цитатной речи, мы считаем возможным представить следующую схему ее элементов:

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ

Семантика ИС представляет собой сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических сведений. Информативная насыщенность ИС носит ассоциативный характер и делает ИС удобной базой для создания аллюзии. Семантика АИС активно изучается в рамках исследования структуры значения ПИ, наиболее освоенной части более обширного корпуса АИС. Лингвисты, занятые разработкой данного направления, рассматривают аллюзию как свернутую когнитивную модель прецедентной ситуации, что определяет статус АИС как пограничного явления, относящегося к сфере памяти и, тем не менее, принадлежащего системе языка. Преобладание примеров, где АИС сопровождаются контекстом с семантическим повтором, свидетельствует о неустойчивости семантики аллюзивного имени, препятствующей вхождению АИС в систему языка, и позволяет воспользоваться методом синтагматических оппозиций для вычленения концептуальной структуры исследуемых ИС. Повышенная экспрессивность АИС объясняется метафорическим переосмыслением их семантики и выражается в присутствии коннотативного компонента значения, наличие которого может быть доказано методами контекстологического и компонентного анализа. Наличие контекста с семантической редупликацией АИС является одним из критериев аллюзивности, отличающих АИС от крылатых слов и, шире, ФЕ на основе АИС, которые в речи реже сопровождаются контекстами с семантическим повтором. Интерес к явлению аллюзивности возрос последнее время в связи с проблемой интертекстуальности, находящейся в центре внимания лингвистов и литературоведов. Классификация аллюзий может быть основана на таких критериях, как: 1) источник аллюзии; 2) степень известности аллюзивного факта; 3) наличие или отсутствие национальной окраски. Аллюзия как прием, расширяющий смысловое пространство текста, считается центральным элементом интертекстуальности.

ГЛАВА II. АЛЛЮЗИЯ КАК МЕХАНИЗМ ИНФЕРЕНЦИОННОГО ЗНАНИЯ

2.1. Имплицитность коммуникации

В последнее время внимание к аллюзии возросло в связи с интересом к неявным способам передачи информации в тексте (И.В.Арнольд [8;13], Л.А.Машкова [106]). Аллюзия, рассматриваемая как средство создания добавочного имплицитного смысла, привлекается к анализу понятий импликации, пресуппозиции, подтекста.

Имплицитный смысл высказывания, текста мы осознаем в значительной степени благодаря знанию того мира, в котором живем. Б.Т.Алексеев, размышляя о философской сущности языка, подчеркивает, что "язык коренится в молчании", т.е. в принятии "по умолчанию" множества значений [2, С.13]. Умолчание действует повсеместно на всех уровнях дискурса и в любом фрагменте текста, где под текстом понимаем, вслед за М.А.Можейко, в общем плане связную и полную последовательность знаков [333, С.822], а под дискурсом – сложную и дифференцированную практику, подчиняющуюся доступным анализу правилам и трансформациям (М.Фуко, цит. по [333, С.234]). Умолчание контекстно-зависимо. На уровне целого текста умолчание называется "глобальным" и заключается в априорном знании собеседников о структуре текста, не выраженной явным образом. На локальном уровне умолчание состоит в отсутствии непосредственных логических и семантических зависимостей между предложениями, компенсируемом при помощи пресуппозиций. На уровне отдельного предложения умолчание состоит в том, что обычно отсутствует явное указание на ряд аспектов ситуации, описываемой предложением, соотношенным с ней. "Интеллектуальность" коммуникации обнаруживается в том, что адресат дополняет информацию полученного сообщения экстралингвистической информацией и согласовывает явно выраженную и принимаемую по умолчанию информацию друг с другом [2, С.13].

Возможны три вида имплицитности текста: 1) грамматическая имплицитность, когда в одном или нескольких предложениях текста пропущены те или иные члены (эллиптические имплицитные связи); 2) семантическая имплицитность, обусловленная тем, что в тексте отсутствуют предложения (части предложений), эксплицитно содержащие информацию, присущую данному тексту (тезаурусные и транзитивные имплицитные связи); 3) сочетание первого и второго случаев [67, С.75].

Имплицитные связи – наиболее сложный (с точки зрения их установления и распознавания коммуникантами) вид связи. Объем тезауруса личности влияет на глубину понимания текста, возможность распознать наличие имплицитных связей и расшифровать их содержание [там же]. Имплицитные связи эффективны для "сжатия" текста без изменения передаваемого объема информации. "Особенность языковой коммуникации и вербализации человеческого мышления заключается в том, – пишет в этой связи Е.И.Шендельс, – что не все содержание мысли находит воплощение в особых языковых элементах, а наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая, лингвистами до сих пор не познанная, область имплицитной передачи информации" [188, С. 109].

Имплицитность является следствием действия закона экономии языковых усилий, интерес к которому возрос, когда к языку стали непосредственно применять понятия теории информации. Одним из первых начал говорить об экономии в языке Андре Мартине [102;221]. Однако А.Мартине сводит такого рода экономию (организацию, принцип функционирования) к экономии-бережливости. Здесь выделяют два типа формальной экономии: синтагматическая (сокращение количества звуков, слогов и т.п.) и парадигматическая (уменьшение числа синонимов и т.п.).

А.Моль предложил термин *количество информации*, который он определяет как "меру сложности структур, предлагаемых восприятию" [113, С.133]. Количество информации пропорционально относительной оригинальности сообщения. Под оригинальностью А.Моль понимает

непредсказуемость. Ценность сообщения определяется не его длиной, но тем, что оно новое или уже известно, учтено адресатом и включено им в его внутреннюю структуру, избыточность при этом дает гарантию против ошибок в передаче, так как позволяет восстановить сообщение даже при отсутствии части элементов, исходя из структуры используемого языка. Д.Маккей отмечал, что "информация – это то, что прибавляет нечто новое к некоторому имеющемуся представлению" (цит. по [113, С.133]).

А.Т.Кривонос подчеркивает, что одно из основных свойств текста проявляется в "редуцированности речи", "компрессии речи" [88, С.27]. Явление компрессии, уплотнения вербального состава текста непосредственно связано с наличием "общего фонда знаний" читающего и пишущего. А.Т.Кривонос указывает на тот факт, что представители "лингвистики текста" увидели, что в основе свернутых языковых выражений лежат логические категории, в которых отражаются наши знания о мире, необходимые для интерпретации связных текстов, что в основе смыслового развития текста лежит механизм вывода [там же, С. 29]. Г.В.Колшанский пишет: "Все другие показатели структуры текста не могут рассматриваться как непосредственные грамматические признаки текста. Они – лишь подчиненное, локальное средство при доминировании семантических признаков, главным из которых является следование элементарных суждений – мысли, заключенной в высказываниях" [там же].

Замечание Е.И.Шендельс о том, что область имплицитной информации, создаваемая текстом, плохо изучена лингвистами, справедливо. Категория имплицитности находит выражение в лингвистических явлениях вертикального контекста, импликации, пресуппозиции, подтекста.

2.2. Фоновые знания и вертикальный контекст

Э.Сепир предсказал, что лингвисты вынуждены будут, чем дальше, тем больше, интересоваться антропологическими и социологическими

факторами, которые вторгаются в сферу языка [145]. Вопрос о влиянии фоновых знаний - насколько их можно считать лингвистически релевантными, как они хранятся в индивидуальном сознании и каким путем встраиваются в речепорождение и понимание — это вопрос, выводящий в круг проблем семиотики и герменевтики. Изучением проблемы фоновых знаний с позиций герменевтики занимался В. фон Гумбольдт [58].

В.С.Виноградов дает следующее определение "фоновой информации" (shared background knowledge): "это социально-культурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности" [40, С.40]. Автор подчеркивает, что фоновая информация наиболее выражена в именах сказочных и мифологических героев, названиях вегетативных, анималистических, цветовых и проч. символов, а также словах, называющих реалии. Фоновая информация, таким образом, отражает сведения о национальных формах, видах и проявлениях духовной и материальной культуры [там же, С.41]. Фоновое знание практически неисчерпаемо, его разновидности неисчислимы. Вопрос о "филологическом минимуме", о разработке необходимой основы фонового знания для различных категорий читателей до сих пор остается открытым.

Фоновое знание является основным объектом лингвострановедения, целью которого выступает обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации. В лингвострановедении особое внимание уделяется "лингвострановедчески ценным единицам языка" (В.Г.Верещагин, В.Г.Костомаров [37, С.71-79]), которые также называют "культурноэтнологическими единицами" (Л.А.Шейман), о "лингвокультуреми" (В.В.Воробьев [44]), о "лингво-эстетическими знаками" (С.Ермоленко). Исследователи полагают, что подобная единица отличается от "просто слова" тем, что является результатом свертывания некоего текста. Контексты АИС, содержащие семантическую редупликацию,

выступают важнейшим средством получения лингвокультурного знания и представляют эксплицитную вербализацию фонового знания.

В системе художественного текста фоновые знания реализуются через категорию вертикального контекста, понимаемого как "историко-филологический контекст данного литературного произведения" [16, С.49]. По мнению большинства лингвистов, аллюзивность – определяющая черта функционирования всех элементов вертикального контекста. Аллюзивный процесс в таком случае становится процессом, соединяющим текст с фоновыми знаниями читателя в конкретный исторический период, с набором "общих мест" или "ситуативных моделей", имеющихся на момент создания произведения и заключающих в себе социально-историческую и филологическую информацию [182, С.39]. Для многих произведений аллюзии часто выполняют орнаментальную функцию, но в области литературной пародии (см. работу М.В.Вербицкой [36]) вертикальный контекст имеет решающее значение. Изучению аллюзии как основного элемента филологического вертикального контекста уделяют большое внимание О.С.Ахманова и И.В.Гюббенет [16]. Авторы говорят о двух видах вертикального контекста: социально-историческом и филологическом. В первом случае исследователя интересует главным образом то, как и в какой форме в произведении отражена социально-историческая действительность, тогда как изучение филологического вертикального контекста предполагает рассмотрение различных способов использования авторами содержания и формы произведений их предшественников. Образование вертикального контекста зависит от знаний участников речевого акта [16, С.51].

При изучении филологического вертикального контекста чаще всего исследуется обращение разных писателей к классической литературе в целях создания вертикального контекста своих произведений [там же, С.52]. При этом менее изученным остается вопрос о том, какими чертами отличался вертикальный контекст самих этих классиков. Под руководством О.С.Ахмановой был выполнен подробный анализ вертикального контекста в

произведениях У.Шекспира, Д.Мильтона и Л.Стерна. Всех трех характеризует, с одной стороны, известная общность источников, используемых ими для создания вертикального контекста, куда входят греческие мифы, произведения классиков древности, Библия и произведения их современников. Однако роль этого наследия в вертикальном контексте произведений У.Шекспира, Д.Мильтона и Л.Стерна различна.

Так, в частности, было установлено, что пьесы У.Шекспира содержат свыше 1200 мифологических аллюзий, что объясняется главным образом относительной бедностью современных ему источников, ограниченно представленных в пьесах прославленного драматурга. Мифологические образы используются У.Шекспиром в метафорическом или философско-поэтическом смысле. У Д.Мильтона мифологические "аллюзии" носят характер обычных фактов, ничем не выделяющихся на фоне общего повествования. Для Л.Стерна в "Тристреме Шенди" аллюзия служит средством создания комического эффекта или же носит случайный характер, являясь лишь показателем эрудиции автора [16, С.52 -53].

Объем и содержание вертикального контекста определяются, в первую очередь, языковой личностью автора и жанровой традицией.

2.3. Вертикальный контекст как проекция языковой личности автора

Текст имеет двойную знаковую функцию: он представляет определенную форму определенного тематического содержания и вместе со своим автором выступает как отражение некоего социально-культурного пространства и временного отрезка. Этой последней характеристике, так или иначе, оказываются подчиненными все составляющие текст текстовые и языковые единицы, а также содержательные, формальные, грамматические, лексические, стилистические факторы [22, С.302].

Роль автора как основного инвестора значения текста исследовалась традиционной критикой: политический и социальный контекст создания

произведения, биография автора и высказывания автора о произведении рассматривались как основания для реконструкции интенций автора, и в этой парадигме текст мог иметь некий аутентичный смысл [333, С.959]. Для М.Фуко понятие автора сводится к одному из способов интерпретации текста: "автор – это то, что позволяет объяснить, как присутствие в произведении определенных событий, так и различные их трансформации, деформации и модификации (и это – через биографию автора, установление его индивидуальной перспективы, анализ его социальной принадлежности или классовой позиции, раскрытие его индивидуального проекта)" [там же].

Языковая картина мира автора, которая сочетает в себе уникальное и типичное - инновацию и традицию - определяет тематику, иерархию смыслов произведения, систему художественных средств. Языковая картина мира напрямую связана с понятием языковой личности автора. Ю.Н.Караулов, внедривший это понятие в широкий научный обиход, считает, что языковая личность - это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: "а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью" [69, С.48]. Ю.Н.Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст [там же]. В содержание языковой личности обычно включаются следующие компоненты:

1) Ценностный, мировоззренческий компонент содержания воспитания. Категории культуры (пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т.д.) отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Г.Гачев в книге "Национальные образы мира" отмечает, что ценности (хотя они понимаются по-разному в каждом национальном мире), общие для всех, располагаются в различном соотношении для каждой отдельной нации [50, С.17]. Эта иерархия ценностей и составляет модель мира языковой личности.

2) Культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку.

3) Личностный компонент, т.е. то индивидуальное, что есть в каждом человеке.

На сегодняшний день в лингвистике известны различные подходы к изучению языковой личности: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П.Нерознак [120]), этносемантическая личность (С.Г.Воркачев [43]), элитарная языковая личность (О.Б.Сиротинина, Т.В.Кочеткова [85]), семиологическая личность (А.Н.Баранов [19]), русская языковая личность (Ю.Н.Караулов [69]), языковая и речевая личность (Ю.Е.Прохоров [134], Л.П.Клобукова [76]), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н.Снитко), словарная языковая личность (В.И.Карасик [68]), эмоциональная языковая личность (В.И.Шаховский [187]) и т.д. Основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, проявляющаяся в его приверженности той или иной культурной традиции.

Еще Джонатан Свифт говорил, что "творчество за пределами традиции исключено, но характер переосмысления традиций зависит от личностной ориентации художника" [143, С.58]. Традиция, в терминах Ю.М.Лотмана, – это память искусства [99, С.200]. Она несет чрезвычайно важную функцию, обеспечивая, во-первых, цельность культурного пространства, цельнокройность "культурного полотна", где каждая творческая личность заполняет своим "узором" отведенный ей отрез. Во-вторых, память искусства создает непрерывность, преемственность творческой мысли. А.Н.Веселовский склоняется к мнению, что существующие устойчивые, повторяющиеся средства художественного выражения, "общие места", топосы, являются строительным материалом для писателей разных эпох и направлений [38, С.51]. В статье об А.Блоке Ю.Тынянов отметил, что Блок "предпочитает традиционные, даже стертые образы (ходячие истины), так как в них хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна отвлекает от эмоциональности в сторону предметности" [170, С. 517].

АИС выступают формой существования традиционных образов и, употребленные в текстах в разных по значимости позициях, демонстрируют отражение и иерархию разных групп ценностей в мировосприятии автора произведения. Так, произведения С.Кинга изобилуют АИС, принадлежащими выдающимся лицам современности. Его книги – это своеобразная мини-энциклопедия наших дней, поэтому в его произведениях происходит сдвиг ценностей с общечеловеческих на индивидуально окрашенные, отражающие повседневное мировосприятие. Наблюдается нелепое столкновение АИС, принадлежащих разным культурным пластам, что ведет к пародированию, оспариванию незыблемости вечных истин. Наиболее яркими АИС современности выступают имена кино- и попзвезд, например:

Lloyd grinned happily. He was *dazzled by his new fame*. He imagined that Tom Cruise must feel something like this *at a world premiere* [248, P.177].

Блестящий мир шоубизнеса послужил основой сравнения текстовой и прецедентной ситуаций. Знакомые всем американцам церемонии вручения кинонаград позволяют наглядно представить состояние главного героя, купающегося в лучах славы, подобно любимому американцами Тому Крузу.

Напротив, романы Д.Г.Лоренса пронизаны хронологически однородными аллюзиями (преимущественно библейскими и мифологическими), что свидетельствует о большой абстрактности и экзистенциальности передаваемых смыслов. Выработанные веками символы-вместилища сокровенных переживаний людей помогают автору в его индивидуальном мифотворчестве, облагораживая своим присутствием повествование (см. примеры на стр. 88, 146). Таков пример, заимствованный из романа "Влюбленные женщины":

The whole idea is *dead*. Humanity itself is *dry-rotten*, really. There are myriads of human beings hanging on the bush – and they look very nice and rosy, your healthy young men and women. But they are *apples of Sodom*, as a matter of fact, Dead Sea Fruit, *gall-apples*. It is not true that they have any significance – *their insides are full of bitter, corrupt ash* [254, P.140].

Дойдя до конца жизненного пути, человек умирает, словно испорченное яблоко, падая с дерева жизни. Данный фрагмент богат библейскими ассоциациями. Город Содом – обитель порока и зла. Яблоко, которое съела Ева, послужившее причиной грехопадения первого человека. АИС служат одним из средств смысловой связности текста, выстраивая при этом дополнительные глубины его прочтения, средством интерпретации содержания произведения в контексте всей христианской культуры. Мощная метафора обобщение (*человечество, сгнивающее на корню*), обилие эпитетов с ярко выраженной негативной окраской (*горькая, испорченная труха*), повторяющихся отрицательные коннотации АИС "Sodom", придают данному имени статус ключевого слова, передающего не только главенствующие смыслы романа Д.Г.Лоренса, но и основополагающие концепты христианской культуры: понятия добра и зла.

Библейское АИС "Каин" (Cain), повторяясь на страницах романа Д.Г.Лоренса "Влюбленные женщины", также становится его ключевым словом, в котором сконцентрированы главенствующие смыслы произведения (мотив вины, терзающий одного из главных героев):

- Then he remembered with a slight shock that that was Cain's cry. And Gerald was Cain, if anybody. Not that he was Cain, either, although he had *slain his brother*. There was such a thing as pure accident, and the consequences did not attach to one, even though one has killed one's brother in such wise. Gerald as a boy had accidentally *killed his brother*. What then? Why seek to draw *a brand and a curse* across the life that had caused the accident? A man can live by accident and die by accident. Or can he not? (D.H.Lawrence, "Women in Love" [254, P.28])
- He walked on beside her, a striding mindless body. But he recovered a little as he went. He suffered badly. He had *killed his brother* when a boy, and was *set apart*, like Cain. (D.H.Lawrence, "Women in Love" [254, P.192])

Об АИС, употребляемых в качестве ключевых слов, см. подробнее в 3.3.3.

2.4. Вертикальный контекст как проекция языковой личности читателя

О взаимоотношениях художника слова и читателя написано немало и с разных точек зрения. Этой проблемой занимались Э.Эннекен, А.Потебня и его последователи, Л.Толстой, О.Уайльд, А.Толстой, Ж.–П.Сартр и другие крупные художники слова. Само литературное произведение при этом рассматривается лишь как некая форма, сосуд, которые наполняются реальным содержанием лишь в результате соприкосновения с читательской аудиторией и наполняются каждый раз иным содержанием – в зависимости от того, каков по своему духовному облику круг читателей. Множество теоретических подходов объединились общим интересом к текстуальным истокам интерпретативного анализа, изменямости смысла в зависимости от контекста рецепции, изначальной гетерогенности и полифоничности текста, субъективности прочтения и отсутствию имманентного тексту смысла [333, С.960]. Большую роль в развитии этой тенденции сыграли такие книги, как "Риторика вымысла" Уэйн Бут (1961), "Открытое произведение" У.Эко (1962), тексты Р.Барта "Смерть автора" (1968), "S/Z" (1970), работа Фуко "Что такое автор?" (1969) (цит. по [333, С.958]).

Каждый теоретик предлагал свою классификацию разных типов читателя, среди которых можно выделить, например, "метачитателя", "архичитателя", "действительного", "властного", "когерентного", "компетентного", "идеального", "образцового", "подразумеваемого", "программируемого", "виртуального", "реального", "сопротивляющегося" и даже читателя "нулевой степени" [333, С.961]. Термин "идеальный читатель" подразумевает некий идеальный компьютер, способный обнаружить в своей памяти и соединить в безграничном гипертексте весь текстуальный универсум. Его единственной связью с миром является культурная традиция, а единственной жизненной функцией – функция интерпретации. Идеальный читатель может также быть понят как категория историческая, так как каждый текст, программирующий своего интерпретатора, предполагает

наличие у реципиента определенной текстовой компетенции и общность контекста коммуникации, обеспечивающего когерентность воспринимаемого текста [333, С.963]. Проблема "образцового", "абстрактного", "идеального" читателя в семиотике и текстуальном анализе в целом предшествует идее читательской аудитории как разнородной, гетерогенной, всегда конкретной и незамкнутой группе людей, границы и постоянные характеристики которых не существуют.

Фактор читательской аудитории приобретает важность не только на стадии декодирования готового текстового сообщения, но уже и в процессе его производства. Один из аспектов авторского мастерства проявляется в правильном учете фоновых знаний читательской аудитории для установления верного соотношения между эксплицитной и имплицитной информацией в производимом автором тексте. А.И.Новиков и Е.И.Ярославцева подчеркивают, что задача передачи содержания умственной ситуации другому субъекту или субъектам предполагает учет коммуникативно-прагматических факторов, включающих оценку ситуации и адресата сообщения [124, С.82]. Коммуникатор моделирует в своем сознании индивидуальную концептуальную модель адресата и соотносит ее с транслируемой умственной ситуацией, акцентируя те компоненты умственной ситуации, которые предположительно не включены в статистическую систему знаний адресата. Происходит ориентация на "понимание как преодоление возникающих по тем или иным причинам разрывов между опытами различных субъектов" [174, С.73]. Для наиболее точного и глубокого усвоения передаваемой информации коммуникатор может, например, прибегать к содержательным повторам.

Очевидно, что при несовпадении кодов адресанта и адресата текст сообщения деформируется в процессе дешифровки его получателем. Другая сторона этого процесса состоит в том, что сообщение, воздействуя на адресата, трансформирует его облик. Явление это связано с тем, что всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что Ю.М.Лотман

называет "образом аудитории", и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом, предполагающим наличие определенной общей памяти у адресанта и адресата [99, С.161].

С этой точки зрения, Ю.М.Лотман выделяет два типа речевой деятельности [там же]. В первом случае объем памяти адресата конструируется как обязательный для любого говорящего на данном языке. Он лишен индивидуального, абстрактен и включает лишь некоторый несократимый минимум. Естественно, чем беднее память, тем подробнее, распространеннее должно быть сообщение, тем недопустимее эллипсы и умолчания. Иначе строится текст, обращенный к лично знакомому адресату. В этом случае, как отмечает Ю.М.Лотман, будут развиваться эллиптические конструкции, локальная семантика, тяготеющая к формированию "домашней", "интимной" лексики. Текст будет цениться не только мерой понятности для данного адресата, но и степенью непонятности для других. Реконструируя характер "общей памяти", необходимой для его понимания, мы получаем "образ аудитории", скрытый в тексте. Из этого следует, что текст содержит в себе свернутую систему всех звеньев коммуникативной цепи, и, подобно тому, как мы извлекаем из него позицию автора, мы можем реконструировать на его основании и идеального читателя.

Так, употребление в художественном тексте АИС с пометой "книжные" может повысить адресата по шкале ценностей, подразумевая его хорошую осведомленность в вопросах искусства и литературы. Упоминание имен и текстов, лично знакомых только автору и его кругу друзей, может вводить читателя в потенциальный круг его близких друзей, что и произошло с отрывком поэмы А.С.Пушкина "Евгений Онегин", где автор сжато цитирует отрывок стихотворения своего друга А.Дельвига, перенося каждого читателя в позицию интимного друга автора, обладающего особой, уникальной общностью памяти с ним и способного поэтому изъясняться намеками.

В романе "Женщина французского лейтенанта", описывая викторианскую эпоху, Дж.Фаулз намеренно придал своей аллюзивности определенную временную ориентацию: большинство упоминаемых персоналий относятся к концу 19 в. Это одновременно и знакомит читателя с обстановкой Англии того времени, и заставляет его идентифицировать себя с типичным жителем Англии тех дней, уравнивая объем "общей памяти" англичанина викторианской эпохи и англичанина - нашего современника. По результатам контекстологического анализа можно также заключить, что аллюзивность романа Дж.Фаулза имеет ярко выраженную тематическую направленность - взаимоотношения полов. В данных вопросах взгляды Англии эпохи королевы Виктории отличались аскетически чопорной моралью (напр.: *Magdalen Society* P.25; *the Gibson Girl type of beauty* P.105; *Flora* P.68; *the Pygmalion myth* P.273; *Venus* P.264; *Catullus* P.216; *Sir Galahad and Guinevere* P.205; *Don Juan* P.71; *Cupid* P.39, 101,173; *Pandora's box of sex* P.235; *Sodom and Gomorrah* P.80; *a sugar Aphrodite* P.226; *a Calipso* P.125; *Eve* P.115; *a Helen of Troy, a Cleopatra* P.327; *Pocahontas* P.368 и т.д. [242]).

В романе "Башня из черного дерева" Дж.Фаулз включает своего потенциального читателя в круг знатоков искусства, и читателю волей-неволей приходится пополнять багаж своих фоновых знаний, чтобы вычитать скрытые в АИС смыслы. Большая часть АИС имеет полное, детальное толкование в комментарии, что свидетельствует о специфичности сферы их употребления. Данные АИС можно отнести к профессионализмам, так как они являются частью фоновых знаний художников и знатоков искусства и в их среде не требуют комментария (напр.: *peaceful like a Chardin, a Georges de la Tour* p.62; *Van Gogh's ear* p. 41; *Gauguin, brown breasts and the garden of Eden* p.82; *Lizzie Siddal* p.47; *the Brueghel family* p.51; *princess of Trebizond* p.117; *Rembrandt* p.113; *Constable and Turner* p.126; *Lautrec* p.104; *Samuel Palmer and Chagall* p.41 и т.д. [241]), поэтому АИС, принадлежащие семантическому полю искусства, употреблены в тексте во вторичных значениях с минимальным эксплицирующим контекстом.

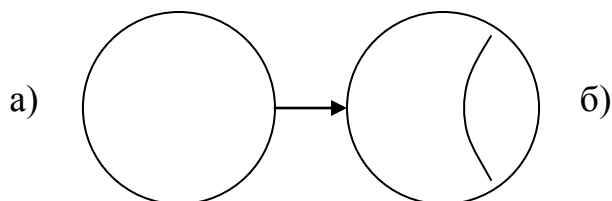
Любопытно, что сам акт интерпретации трактуется М.Фуко как способ реакции на бедность высказывания и ее компенсирования путем умножения смысла, а анализ дискурса понимается как поиск закона скудности, нахождение ее меры и определение ее специфической формы [333, С.54]. Реакций на скудность высказывания является ее объективация и компенсация, осуществляемые в комментарии к различным произведениям. "Энциклопедия постмодернизма" определяет функцию комментария как обеспечение повторяемости смысла, воспроизведение наличного семантического пространства в исходных (заданных мировоззренческими основаниями классической культуры) границах [333, С.371]. Комментарий-истолкование стремится к точности и однозначности и строится как одноплановое произведение, где смысл, сложно закодированный в оригинальном произведении, передается средствами общепонятного языка [там же]. Роль комментария – уравновесить объем фоновых знаний читателя и автора произведения насколько это релевантно для данного контекста для восстановления семантически сложных участков текста.

Комментарий, по мнению С.А.Рейсера, является сателлитом текста, он должен помочь читателю понять текст [137, С.293]. Комментарий призван ввести контекст в явном виде, представить его как новый текст (подробнее о разновидностях и функциях комментария см. статью Н.А.Шехтмана [190]). Понимающее сознание в комментарии, по мнению С.А.Васильева, объективировано, доступно анализу, проверке, оценке со стороны "наблюдателя" [34, С.103].

К.Эммотт полагает, что в подавляющем большинстве случаев писатель ориентируется на "идеального" читателя" [203]. Существует большая разница между "идеальным" читателем и "реальным", поэтому, как отмечает К.Эммотт, писатель должен иногда вводить в текст некую информацию, которую он мог бы использовать в дальнейшем как фоновые знания читателя. Определенные речевые жанры могут в большей степени, чем другие, ориентироваться на соответствующие знания. Чтобы контакт

состоялся, как указывает автор, необходимо "взаимное знание" (mutual knowledge), которое необходимо для адекватного понимания передаваемой информации. Оно представлено пересекающимися компонентами фоновых знаний автора и читателя. Иногда автор может искусственно создавать "взаимное знание" при помощи контекста, содержащего семантический повтор. При этом область семантического повтора будет соответствовать области пересечения фоновых знаний автора и читателя, так как, несомненно, контекст текста-реципиента нуждается только лишь в определенной части всей энциклопедической информации, стоящей за АИС, о чем и сигнализирует семантический повтор, ограничивающий релевантную информацию от несущественной (см. пр. на стр. 51).

- а) Фоновые знания автора   б) Область пересечения фоновых знаний автора и читателя (область семантического повтора)

Для того чтобы верно восстановить имплицитную информацию, читатель должен обладать способностью к инференции - формированию правильных выводов из речевых высказываний об их полном содержании или смысле на основе фоновых знаний [80, С.25]. Использование автором АИС является проекцией автором образа своей аудитории. АИС без контекста-экспликации отсекают часть реципиентов (так как делают информацию недоступной для декодирования), либо вынуждают их при помощи справочной литературы пополнять объем своих фоновых знаний.

Деление корпуса АИС на подгруппы отражает дифференциацию фонового знания. Наиболее частотные АИС нейтральны в том плане, что они не могут сигнализировать о специфической социальной принадлежности человека, употребившего данное имя (это группа ПИ). Все же они говорят о достаточной степени образованности человека. Редкие АИС сообщают о:

- 1) Высоком / низком уровне культуры человека, употребившего АИС. Это знак элитарной, привилегированной принадлежности (широта эрудиции, энциклопедичность знаний), либо, наоборот, причастности к низкому субкультурному пласту (АИС-жаргонизмы).
- 2) Национальной принадлежности (имена национальных героев, АИС из национального фольклора, национальной литературы).
- 3) Профессиональной принадлежности.
- 4) Возрастной дифференциации.

Такие АИС очерчивают границы социальных групп. Отсутствие контекста-экспликации при таких АИС говорит о том, что такие социальные группы объединены общим фоновым знанием и отграничены от несведущих барьером непонимания. АИС, модифицированные семантическим повтором, свидетельствуют о специальном знании. АИС без семантического повтора скорее указывает на нормативное знание для данного языкового социума.

Правильность понимания имплицитной информации, скрытой в АИС, зависит от искусства быть читателем. И.В.Арнольд подробно рассматривает факторы, осложняющие адекватное понимание художественного текста [12, С.24]. Перечислим основные: 1) недостаточный тезаурус; 2) атомарный подход, не учитывающий контекст и структуру целого; 3) неумение установить норму произведения и заметить стилистически релевантные отклонения от этой или общезыковой нормы; 4) пренебрежение коннотативными значениями, невнимание к подтексту; 5) неумение восполнять пропущенное, незнание квантования; 6) мышление по шаблону. (О лингво-культурных аспектах понимания см. работу Н.А.Шехтмана [191].)

Р.Г.Драгунова подчеркивает, что успешность распознавания коммуникативных интенций отправителя получателем зависит от способности читателя сопоставить семантику чужого слова в гипо- и гипертексте [62]. Этому в большей степени способствует наличие эксплицитных или имплицитных маркеров чужого слова в гипертексте. При этом излишне зашифрованный подтекст, прагматическая направленность

которого предполагает мгновенную реакцию получателя, нецелесообразен. С этим связан выбор отправителя гипотекстов, широко известных публике, ставших хрестоматийными, а также выбор для цитирования вербального материала, находящегося в сильной позиции гипотекста, т.е. правильное построение гипотекста. "Интерпретативная энциклопедия" читателя является, в конечном счете, тем аттрактором, к которому тяготеет интерпретация текста как процедура смыслообразования [333, С.335].

2.5.Импликация и пресуппозиция.

Неявный способ подачи информации, сопряженный с ее "увеличением", сближает понятия "фоновых знаний" и "пресуппозиции". Вместе с тем это величины разного порядка.

Фоновые знания служат основой реализации феномена импликации. И.В.Арнольд дает следующее определение импликации: текстовая импликация есть дополнительный подразумеваемый смысл, т.е. вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов антицедента [8, С. 84]. Импликация может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, **восстанавливается вариативно**, рематична, **принадлежит конкретному тексту** и постоянно сочетается с другими видами подразумевания, тоже выраженными связками $A \rightarrow B$. И.В.Арнольд подчеркивает определяющую роль историко-филологических сведений, передаваемых антецедентом, в реализации импликации [там же, С. 89]. Пресуппозиции и импликации противоположно направлены по отношению к воспринимаемому предложению: пресуппозиции занимают место "до" предложения (фоновая информация не претерпевает изменений), а импликации "после" (фоновая информация модифицируется с учетом нового контекста текста-реципиента) [2, С. 13].

Именно эти аспекты интерпретации предложений и пытаются представить с помощью фреймовых структур.

В определении Б.Т.Алексеева, пресуппозиция — это совокупность условий, которым необходимо удовлетворить, чтобы оправдать выбор структуры высказывания, реализовать коммуникативную цель, добиться понимания высказывания в его прямом смысле [2, С.12-13]. Предложение несет информацию о теме и реме высказывания и об условиях, при которых оно уместно. Пресуппозиции за рамками логики неуниверсальны и меняются от одного национального языка к другому [там же].

Пресуппозиция, как отмечает Н.Д.Арутюнова, противостоит коммуникативно релевантному содержанию высказывания [14]. Она входит в семантику предложения как "фонд общих знаний" собеседников, как их "предварительный договор". Основным свойством пресуппозиции, отличающим ее от сообщаемого, является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях, а также при обращении в придаточное предложение. Иногда к этому определению пресуппозиции присоединяется понятие подразумеваемого (*sousentendu*). Подразумеваемое — это то, что говорящий предоставляет заключить своему собеседнику. Н.Д.Арутюнова указывает на следующие значения термина пресуппозиция:

1. а) Пресуппозиция — это коммуникативно нерелевантные элементы значения предложения (экзистенциальные пресуппозиции). На необходимость различать в семантике высказывания то, что в нем утверждается, и то, что составляет предпосылку суждения, обращал внимание уже Г.Фреге (цит. по [14, С.84]). Позднее к дихотомии сообщаемого и презумпций сообщения обратился П.Стросон при обсуждении логического значения предложения "Король Франции мудр", которое предстает как конъюнкция трех пропозиций: 1) имеется король Франции, 2) есть только один король Франции, 3) нет никого, кто был бы королем Франции и не был бы мудр [там же].

1. б) Пресуппозиция – это коммуникативно нерелевантные элементы значения слова, обеспечивающие правильное отнесение слова к денотату. Очевидно, что в основе номинации лежит предикирование. Те существительные, которые употребляются в роли предиката, обладают очень ясным членением своего значения на пресуппозицию и утверждаемое [там же, С.88]. Смысловая структура предикатных имен аналогична смысловой структуре предложения: пресуппозиция соответствует семантическим признакам субъекта, т.е. выполняет идентифицирующую функцию, а асертивный признак составляет основной смысл предиката. П. и К.Кипарские внесли существенный вклад в изучение коммуникативной значимости предложения [там же, С.86]. Они сделали вывод о том, что те части предложения, которые выражают его пресуппозиции, обычно обладают более богатым содержанием, выступая при единичной референции в функции знакового заместителя предмета или события. Те же элементы высказывания, которые соответствуют сообщаемому, семантически более бедны, указывая на классификационно значимые признаки предмета. Количество передаваемой информации, таким образом, зависит от той функции, которую данное слово выполняет в высказывании.

2. Пресуппозиция – это представление говорящих об естественных отношениях между событиями (логические пресуппозиции). Данная точка зрения представлена в концепции Дж.Лакова [14].

3. Пресуппозиция – это условия эффективности речевого акта (прагматические пресуппозиции). Таким понятие пресуппозиции предстает в теории речевого поведения. Ф.Киефер [14, С.88].

4. Пресуппозиция – это семантическая детерминация одного слова или высказывания другим словом или высказыванием в тексте (синтагматические пресуппозиции). На этот раз под пресуппозицией имеется в виду совместная встречаемость смысловых единиц в тексте. Так, например, характер результирующего объекта обычно детерминирует выбор управляющего им глагола (ср. шить платье, строить дом, писать картину).

Понятие синтагматической взаимообусловленности, или пресуппозиции, замечает Дж.Лайонз, весьма важно при описании лексики [там же, С.89].

5. Пресуппозиция – это представление говорящего о степени осведомленности адресата речи (коммуникативные пресуппозиции) [там же].

Итак, пресуппозиция есть некоторое логическое условие истинности предложения. Как пресуппозиция, так и импликация отвечают схеме $A \rightarrow B$. Для пресуппозиции развертывание на глубинном уровне не является восполнением недостающего элемента, так как эта операция новой информации не дает, а связана с компонентным анализом осложненного элемента и его парадигматическими отношениями [8, С.87]. Пресуппозиция характеризуется однозначностью восстановления, так как базируется на жестко фиксированной связи осложненного элемента и его пресуппозиции, которая при этом характеризуется минимальным содержательным наполнением (см. примеры фразеологических единств, основанных на АИС, в разделе 3.3.4.). Импликация же, в том числе с участием АИС, характеризуется восстановлением имеющегося знания и его модификацией под влиянием контекстного окружения, чего не наблюдается в случае с пресуппозицией (см. пр. на стр. 48-51), поэтому результатом ее действия является не восстановление, а приращение смысла. Импликация основана на объемных и не имеющих четких границ в содержательном плане ассоциациях осложненного элемента. Если пресуппозиция коммуникативно нерелевантна, то импликация, напротив, несет основную коммуникативную нагрузку. Импликации с опорой на фоновые знания более объемны и разнообразны по содержанию, чем категория "пресуппозиции". Контексты, содержащие импликации, оказываются богаче в смысловом плане.

2.6.Подтекст

Важнейшей формой существования имплицитной информации является подтекст, отличающийся от импликации, по словам И.В.Арнольд,

масштабом создания дополнительной глубины содержания [8, С.85], т.е. обладающий свойством макротекстуальности.

Ученые расходятся во мнениях, какую сторону текста как знака следует описывать при помощи этого термина. Подтекст рассматривается как факт формальной структуры текста, как семантическое явление, как прагматическое явление, и даже как "семиологическое явление, включающее как соседние части данной части текста, так и ситуацию, благодаря которым возникает новое значение" (В.Я.Мыркин [118, С.87]).

В работах лингвистов, изучающих текст, наиболее распространено рассмотрение подтекста как части семантической структуры текста. Приведем некоторые из определений подтекста: "Подтекст - скрытый смысл высказывания, вытекающий из соотношения словесных значений с контекстом и особенно - речевой ситуацией" (В.К.Хализев [180, С.830]). "Подтекст – это тот истинный (авторский, глубинный) смысл высказывания (текста), который полностью не выражен в "ткани" текста, но который имеется в нем, может быть вскрыт и понят при обращении к конкретному анализу и ко всей ситуации общения, структуре общения" (М.Н.Кожина [77, С.63]). "Подтекст, или имплицитное содержание высказывания - содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено при его восприятии" (К.А.Долинин [61, С.40]).

Во всех приведенных определениях подтекст представлен как имплицитная информация. В одних случаях смысл текста отождествляется с его содержанием, формируемым в результате непосредственного анализа текста, в других – содержание и смысл разводятся и рассматриваются как самостоятельные, хотя и связанные между собой сущности (А.И.Новиков [123]; Е.А.Реферовская [138]). "Смысл текста - это обобщенное содержание текста, сущность текста, его основная идея, то, ради чего он создан. Содержание текста - проявление этой сущности в ее конкретном референциальном виде, в виде его языкового выражения" [138, С.157].

Иногда понятия смысла и содержания текста разграничиваются с учетом активного субъекта коммуникативной цепи "автор-текст-реципиент", где содержание текста связано с активностью автора и формирует семантическую структуру текста (Н.С.Болотнова [26]). Под семантической структурой текста понимается ассоциативно-семантическая сеть, отражающая связи и отношения между реализованными в тексте лексическими и грамматическими значениями слов, фразеологизмов, предложений [там же, С.174]. Понятие смысла текста связано с активностью воспринимающего субъекта, реципиента, и служит базой формирования смысловой структуры текста, которую можно определить как отражение в сознании воспринимающего субъекта структурированного концептуально содержательного плана произведения. Смысловая структура текста детерминируется не только его лексической и семантической структурой, но и знанием читателя о мире [там же]. Общность языкового кода и социальной сущности автора и адресата, наличие инвариантного ядра в их информационном тезаурусе создают предпосылки для относительной адекватности понимания и коммуникации вообще.

Проблема определения подтекста коренится в его отождествлении с еще более сложным и неоднозначным понятием смысла. Одной из таких сложностей выступает представление о том, что смысл – это явление экстралингвистическое, о чем свидетельствует анализ его определений в ряде толковых словарей и работы философов, психологов, лингвистов (напр., А.Н.Леонтьев [97], А.И.Новиков [123]). Тем не менее, смысл управляет отбором и распределением языковых средств при создании речевого произведения, он же является целью, средством и результатом его понимания. Наиболее широко и традиционно в лингвистике рассматривается смысл слова в его противопоставлении лексическому значению [30 и др.]. Проблема смысла рассматривается в лингвистике также при исследовании единиц разной величины: предложения, сверхфразовых единств, текста (М.И.Откупщикова [126], И.Р.Гальперин [49]).

В нашем понимании, подтекст – объективация скрытого смысла сообщения в результате анализа взаимодействия концептуальных структур ЛЕ, составляющих его горизонтальный контекст. В итоге концептуальная структура каждого элемента горизонтального контекста получает четкое оформление: происходит актуализация одних ассоциативных смыслов и "забвение" других. Наше понимание подтекста близко приведенным выше определениям подтекста, которые тем или иным образом трактуют его как тот аспект семантической структуры текста, который предназначен для интеллектуального восприятия, которое, по В.А.Звегинцеву, "приобретает специфическую двуслойность, когда к непосредственно воспринимаемой информации, заключенной в непосредственно воспринимаемой структуре объекта, приплюсовывается и иная, скрытая, исходящая из модели данного объекта информация" [64, С.298].

Несколько иначе трактуется подтекст в концепции И.Р.Гальперина. Исследователь начинает с традиционного определения подтекста как дополнительной информации, "которая возникает благодаря способности читателя видеть текст как сочетание линейной и супралинейной информации", и рассматривает подтекст как такую организацию СФИ (содержательно-фактуальной информации – термин И.Р.Гальперина), "которая возбуждает мысль, органически не связанную с пресуппозицией или импликацией" [49, С.47]. Особенно ценными моментами концепции И.Р.Гальперина представляются разграничение фактуальной и концептуальной информации, разграничение подтекста как части семантической структуры текста и "подтекстовой" (имплицитной) информации и описание некоторых способов порождения подтекста. Работа И.Р.Гальперина на сегодняшний день остается одним из самых полных и глубоких исследований проблемы текста вообще и подтекста в частности.

Семантическое понимание подтекста можно свести к следующему определению: подтекст - это сознательно или бессознательно создаваемая говорящим часть семантической структуры текста, доступная восприятию в

результате особой аналитической процедуры, предполагающей переработку эксплицитной информации и вывод на ее основе дополнительной информации.

Существуют концепции, относящие подтекст к формальной (синтактической) структуре текста. Одна из первых попыток создать лингвистическую концепцию подтекста принадлежит Т.И.Сильман [149;150]. Она определяет подтекст как "рассредоточенный, дистанцированный повтор. По ее мнению, в основе всякого подтекстного значения всегда лежит уже однажды бывшее и в той или иной форме воспроизведенное заново" [149, С.85]. Подтекст, с точки зрения Т.И.Сильман, всегда имеет двухвершинную структуру: первая вершина задает тему высказывания, создавая "ситуацию-основу", а вторая, используя материал, заданный первичным отрезком текста, создает в соответствующей точке текста подтекст. Т.И.Сильман не совсем отказывается от традиционного, семантического понимания подтекста, говоря о том, что дистантное расположение ситуации-основы и ситуации повтора "приводит к размыванию точности повтора и к созданию неопределенной психологической атмосферы, психологического (ассоциативного) "ореола", которым окружена ситуация-повтор, благодаря взаимодействию с ситуацией-основой, втянутой вместе со своим "ореолом" в новую ситуацию. Так осуществляется столкновение между первичными и вторичными значениями ситуации, из чего и рождается подтекст" [там же]. С точки зрения Т.И.Сильман, подтекст - сложное явление, представляющее собой "единство различных уровней языка, лексического и синтаксического, входя при этом в план общекомпозиционных связей литературного произведения" [150, С.89]. Подтекст рассматривается Т.И.Сильман как частный случай такой общей категории текста как когезия, или связность (сцепление), которая, как известно, реализуется в первую очередь повторами и анафорическими средствами языка [47, С.527].

Взгляд на подтекст как часть прагматической структуры текста можно обнаружить в работах В.А.Кухаренко [91;92]. В определении В.А.Кухаренко,

подтекст - есть способ организации текста, ведущий к резкому росту и углублению, а также изменению семантического и/или эмоционально-психологического содержания сообщения без увеличения длины последнего [91, С.181]. Подтекст является следствием особой "имплицитной манеры письма", создающей зависимость успеха коммуникативной задачи автора от осведомленности и сконцентрированности читателя [там же, С.182].

В ряде работ по лингвистике текста подтекст относится к категориям текста. Так М.Н.Кожина пишет: "Подтекст, или глубина текста, - это категория, связанная с проблемой взаимопонимания при общении" [77, С.62]. К семантическим категориям текста относит глубину текста (также считая этот термин синонимом термина "подтекст") И.Р.Гальперин [47, С.525]. Исследователи выделяют следующие характеристики подтекста, реализующие категории текста:

1. Информативность, так как подтекст несет информацию.
2. Эксплицитность/имплицитность, так как подтекст не может быть обнаружен в результате стандартных аналитических процедур, при помощи которых выявляется эксплицитная информация.
3. Интенциональность, так как подтекст может возникать как спонтанно, так и в результате сознательных действий говорящего (так же как может восприниматься осознанно или неосознанно). С данной категорией связан признак принадлежности подтекста адресанту/адресату.

Для более адекватного определения категориальных признаков подтекста некоторые ученые делают попытку рассмотреть смежные с ним явления. И.Р.Гальперин противопоставляет подтекст пресуппозиции, символу, приращению смысла, обнаруживая соответственно такие его характеристики как лингвистичность (в отличие от пресуппозиции, которая, с точки зрения И.Р.Гальперина, экстралингвистична), имплицитность, размытость, а также интенциональность ("запланированность") [49]. И.В.Арнольд проведен анализ и разграничение импликации, подтекста, эллипсиса, пресуппозиции и аллюзии [8].

Неоднозначность понятия "подтекст" находит отражение и в определении средств его выражения, среди которых называют многозначные слова, дейктические слова, частицы, диминутивные морфемы, восклицания, различные виды повторов, парцелляцию, нарушение логической последовательности, паузы и т.д. Все эти средства могут рассматриваться как дополнительные, необязательные элементы текста, лишь надстраивающиеся над "коммуникативным минимумом" текста (эксплицитной информацией). Ц.Тодоров называет такие сигналы "лакунами", под которыми понимаются пропуски, недоговоренности, неясности, противоречия, нарушение каких-то норм [162]. И.Г.Торсуева также считает, что суть всякого подтекста состоит в нарушении эталона [167]. Теоретически, импульсом для поиска подтекста может стать любое реальное или кажущееся отступление от общих принципов и ситуативных норм речи, а также любое нарушение норм языка. Так проблематика имплицитного содержания речи оказывается связанной с традиционной проблематикой тропов и фигур, большинство которых имеют в своей основе ассоциативные механизмы.

Ассоциации базируются на некоторых закономерностях функционирования языка (типы вербальных связей В.П.Беркова: вербально-парадигматические, вербально-синтагматические, вербально-ассоциативные [23, С.37]). Создание ассоциативного блока предполагает наличие какого-либо вида или видов этих связей и соединение его тезаурусом читателя, т.е. помещение "осложненного элемента" в контекст фона. Именно на этой почве возникает СПИ (содержательно-подтекстовая информация – термин И.Р.Гальперина). Чем богаче связи, тем больше объем СПИ, создаваемой и извлекаемой. Благодаря ассоциативным механизмам мышления старое знание способно служить платформой для движения к новому понятию путем той образной поддержки, которая ассоциативно актуализируется в сознании. На этом основано формирование вторичных наименований всех видов. Как результат, кроме подтекста, содержащего объективно-фактическую информацию, существует оценочно-экспрессивный подтекст

(Ш.Балли [18], И.П.Сусов [159]), в образовании которого участвует экспрессивно окрашенная лексика, особенности которой были подробно описаны в главе 1 нашего исследования.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что подтекст есть восстановление смысловой целостности высказывания: выстраивание внутреннего смысла при нарушении внешнего смысла сообщения. Процесс "сличения смысла" предполагает соотнесение текстового элемента с содержанием микроконтекста, контекста всего произведения, с ситуацией общения, со значимыми элементами культурного пространства в целом с целью установления идентичности смысла, выражающейся в повторе его элементарных составляющих – СМ (об участии АИС в образовании подтекста см. раздел 3.3.3.). Процесс извлечения подтекста в виде достраивания и конкретизации концептуальных структур ЛЕ, как и процесс построения подтекста, заключающийся в стирании четких границ семантики ЛЕ и выведении части ее элементов в глубинные структуры, подлежащие декодированию, требует определенной степени развития концептуальной структуры языковой личности (системы языковых пресуппозиций, накопление фонда фоновых знаний, владение прагматикой акта коммуникации).

В художественном произведении происходит разрушение обычных связей благодаря ассоциативным и коннотативным значениям, пронизывающим художественное произведение. Интерпретация текста предполагает его погружение в широкую сетку контекстов – филологический и историко-литературный контекст, контекст жанра, эпохи, литературного направления, тезаурус читателя, пресуппозицию национальной культуры, отдаленность произведения во времени и пр. Смысл художественного текста представляет собой некое образномыслительное целое, возникающее из суммы элементарных смыслов, составляющих текст, но не сводящееся к простой сумме этих смыслов [168, С.102].

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

Имплицитность выступает существенной характеристикой коммуникации на всех ее уровнях. Имплицитность вызвана действием универсального закона языковой экономии. Вертикальный контекст, подтекст, импликация и пресуппозиция служат областью реализации имплицитности. Вертикальный контекст выстраивается на основе ассоциативных связей элементов горизонтального контекста и является основой формирования импликации и подтекста. Аллюзия, как отмечают многие лингвисты, служит центральным механизмом построения вертикального контекста как прием, отсылающий к определенному фрагменту фоновых знаний участников коммуникации. Категория фоновых знаний, таким образом, составляет суть вертикального контекста. Понятиям импликации и подтекста противостоит явление пресуппозиции, изучаемое в области логики языка. Контексты, содержащие пресуппозицию, оказываются информативно беднее контекстов с импликацией и подтекстом в силу жестко детерминированной однозначно восстанавливаемой связи между осложненным и достраиваемым элементами. Значимость АИС проявляется в их способности участвовать в создании подтекста, тем самым приращивать смысл сообщения. Подтекст на основе АИС оказывается информативно богаче благодаря своей ассоциативной природе и различным коннотациям, сопровождающим аллюзивные элементы. Основой феномена аллюзии служат фоновые знания, объединяющие членов одного лингвокультурного сообщества. Функция контекстов, содержащих семантический повтор, совпадает с функцией комментария и выражается в объективации имплицитных элементов семантической структуры АИС и, следовательно, выравнивании объема фоновых знаний автора и реципиента сообщения. Контексты с семантическим повтором или маркированным отсутствием такового помогают выстраивать образ автора и аудитории, а также реконструируют национально-культурное своеобразие различных эпох.

ГЛАВА III. СЕМАНТИКА АИС И СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИС

3.1. Применение метода синтагматических оппозиций для анализа семантической структуры АИС

Метод синтагматических оппозиций позволяет определить вариативность средств выражения одного и того же содержания, поддерживаемую смежностью на синтагматической оси. Наибольшая ценность предложенной методики заключается в возможности выявления СМ, составляющих концептуальные структуры АИС.

Н.А.Шехтман различает следующие типы контекстов, содержащих семантическую редупликацию: семантическая идентификация, импликация, экспликация [189, С.50-53]. Контексты, основанные на **семантической идентификации**, составляют 2,6 % от общего числа контекстов нашей выборки, содержащих АИС. Примером данного вида контекстов может служить отрывок из романа Курта Воннегута "Сирены Титана":

Dr. Maurice Rosenau, in his 'Pan-Galactic Humbug or Three Billion Dupes', says: "Winston Niles Rumfoord, the interstellar Pharisee, Tartuffe, and Cagliostro, has taken pains to declare that he is not God Almighty" [275, P.239].

Тартюф – персонаж комедии Мольера "Тартюф, или обманщик", заимствованный им из арсенала итальянской комедии масок (обнаруживаются ассоциации со старофранцузским *truffe* – обман). В подзаголовке и в списке действующих лиц этому персонажу дается предельно краткая, но очень емкая характеристика: "l'imposteur" (лжец, самозванец), "faux devot" (святоша, ханжа). Граф Алессандро Калиостро (1734 –1795) – итальянский авантюрист [330, Т.4, С.168].

Как видно из комментария, АИС "Tartuffe" (Тартюф) и "Cagliostro" (Калиостро) принадлежат лицам, получившим репутацию лжецов. Контекст романа Курта Воннегута устанавливает идентичность ассоциаций, стоящих за обоими именами. Процедуры компонентного анализа доказывают совпадение семантических структур анализируемых АИС:

Cagliostro - *charlatan, magician, and adventurer* who enjoyed enormous success in Parisian high society in the years preceding the French Revolution [B]

Pharisee – a member of an ancient Jewish sect well known for strict obedience to religious rules and *pretending to be very righteous; a self-righteous person, a hypocrite* [H, T.2, C.425]

Tartuffe – *a hypocritical pretender to righteous piety; a hypocrite* [W, P.1572]

Cagliostro - *charlatan, magician, and adventurer* [B]

Pharisee – *a self-righteous person, a hypocrite* [H]

Tartuffe – *a hypocritical pretender to righteous piety; a hypocrite* [W]

Charlatan - one who **pretends** to more knowledge or skill than he possesses, esp. in medicine, a pretentious impostor [W, P.268]

Impostor - someone who pretends to be someone else in order to trick people [DCE, P.714]

Hypocrite - someone who **pretends** to be morally good [DCE, P.702]

Adventurer - someone who tries to become rich or socially important using dishonest or immoral methods [DCE, P.20]

Righteous - morally good or fair [DCE, P.1222]

Pharisee – *pretend + righteous*

Tartuffe – *pretend + righteous (moral "+")*

Cagliostro – *charlatan (pretend) + adventurer (ambition + moral"-")*

Малочисленность данной группы контекстов объясняется концептуальной сложностью семантики АИС. Подобные контексты образуются высокопрецедентными именами с опорой на их наиболее вероятностные импликации. В подавляющем большинстве употреблений АИС находится в семантических отношениях импликации и экспликации с частотной, нейтральной лексикой, что подчеркивает низкочастотный характер АИС, выступающих в качестве барьеров понимания.

В нашей картотеке контексты с **семантической импликацией** составляют 26,2 % от общего числа примеров. В качестве иллюстрации возьмем пример из романа Дж.Фаулза "Волхв":

I glimpsed her figure in the mirror, beneath the Tuscan porch. Because this was now the active mystery: I was not allowed to meet Alison. Something was expected from me, some Orphean performance *that would gain me access to the underworld where she was hidden or hiding herself*. I was on probation. But no one gave me real indication of what I was meant to be proving. I had apparently *found the entrance to Tartarus*. But that *brought me no nearer Eurydice* [243, P.606].

В приведенном примере АИС "Орфей" (Orpheus) служит семантической компрессией всего мифа, главным героем которого он выступает. Семантический повтор раскрывает импликации имени, демонстрируя его смысловую многоплановость. Во-первых, непосредственно через упоминание АИС "Orphean performance" пример оживляет в памяти образ самого Орфея, прославившегося своими артистическими талантами (игрой на лире). Во-вторых, семантическая редупликация АИС "Orphean" (выделенная курсивом в примере) передает в обобщенном варианте текст мифа об Орфее. Как свидетельствует энциклопедия [331, Т.13, С.137], мифы об Орфее – участнике похода аргонавтов, изобретателе музыки, верном возлюбленном, спустившимся за своей женой Евридикой в Аид, - частый сюжет в литературе, изобразительном искусстве и музыке. В контексте современного романа Дж.Фаулза "Волхв" главный герой Ник, словно верный Орфей, пытается найти оставленную им возлюбленную Элисон, как будто ему в наказание спрятанную или прячущуюся от него в фантомном мире, созданном изощренным умом старца Конхиса. Миф продолжает свою жизнь, отражая в то же время изменившиеся ценности 20 века. Ник – далеко не идеал верности, да и особым талантом он не прославился, но его душевные страдания и препоны, чинимые Конхисом, наводят на мысль о Тартаре.

Контексты, содержащие **семантическую экспликацию**, более многочисленны (34,2%). Одной из разновидностей таких контекстов являются образные сравнения на основе структуры "as ... as", где АИС выступают в роли эталона различных качеств:

A cruel fate had fallen upon her, and she had been as *powerless* as in the old tales Phaedra, the daughter of Minos, or Myrrha of the beautiful hair" [259, P.215].

Кроме общего компонента семантики "powerless" (бессилие) АИС "Phaedra" несет дополнительную образность, которой лишена нейтральная с этой точки зрения лексема "powerless". Данный пример содержит также семантический повтор-идентификацию через соположенные АИС Федра и Мирра, мифологические имена несчастных в любви женщин. Федра, дочь критского царя Миноса, умирает от безответной любви к своему пасынку Ипполиту, а Мирра влюбляется в своего отца, царя Сирии, Феса (Theias.), от которого у нее рождается прекрасный Адонис. Маргарет, героиня романа У.С.Моэма "Маг", околдованная чарами преследующего ее чародея Хэддока, не в силах противостоять его приворотным заклинаниям. В отчаянии, словно Федра и Мирра, сознавая пагубность своего шага, она рушит романтические отношения со своим женихом Артуром.

В художественной литературе встречаются комплексные контексты, где АИС, с одной стороны, участвует в семантическом взаимодействии с предшествующим элементом повтора (контекст-экспликация), а, с другой стороны, предваряет следующий элемент контекста, повторяющий часть его семантики (контекст-импликация). Они составляют 8,3 % нашей картотеки. Примером может служить отрывок из романа Дж.Фаулза "Коллекционер":

So they would *find us down there together*. Together in *the Great Beyond*. We would be *buried together*. Like Romeo and Juliet. It would be *a real tragedy*. Not sordid" [240, P.276].

Для недалекого Фердинанда смысл любви заключается в том, чтобы быть похороненным вместе со своей возлюбленной. Ему не дано понять всей красоты человеческих отношений. В его понимании "быть Ромео и Джульеттой" - значит трагически погибнуть. Дж.Фаулз намеренно повторяет ЛЕ с темой "смерть" в пре- и постпозиции к АИС "Ромео и Джульетта".

Особенность контекстов с семантической редупликацией АИС состоит в том, что АИС, как правило, противопоставляются не отдельно оформленные ЛЕ, а

словосочетания. Это подчеркивает семантическую сложность АИС как разряда лексики, их содержательную наполненность, тяготение к передаче качественной характеристики. Так, в общей массе примеров контекст содержит семантическую редупликацию имени в форме одной ЛЕ в 15,9% выявленных корреляций, в форме словосочетания в 33,7% и в форме развернутого предложения в 21,8% случаев.

Рассмотрим применение метода синтагматических оппозиций для выделения концептуальной структуры АИС "Circe". Сопоставив определение АИС "Circe", приводимое в словаре А.Хорнби (которое, на наш взгляд, представляет наивысшую степень обобщения образа референта, носящего ИС), мы обнаружим, что именно элементы концептуальной структуры, содержащиеся в этом определении, повторяются в большинстве контекстов употребления АИС "Circe" у разных авторов с небольшими вариациями. "Словарь символизма" в качестве суммы образа чародейки дает определение идентичное определению словаря А.Хорнби: *Circe came to symbolize the seductive woman whose enchantment leads her admirers to forget their dignity* [317, P.69]. Совпадение элементов концептуальной структуры АИС, выделяемых в словарных дефинициях и выявляемых в реальных контекстах употребления, - залог объективности анализа концептуальной структуры АИС на основе метода синтагматических оппозиций. Рассказ Д.Г.Лоренса "Мать и дочь" ("Mother and Daughter") позволяет обнаружить аналогичные СМ концептуальной структуры АИС "Circe":

While the two women sat, *brilliant and rather wonderful*, in magnetic connection at opposite ends of the table, like two *witches*, a double Circe *turning the men not into swine* – the men would have liked that well enough – *but into lumps* [251, P.210].

Выделяем оппозицию Circe :: brilliant. Рассмотрим словарные дефиниции ЛЕ в выделенной оппозиции:

Circe - an enchantress who changed men into swine [Н, Т.1, С.201]

Enchantress – a very charming woman [H, T.1, C.423]

Следуя установке метода компонентного анализа, разбиваем анализируемые единицы до элементарных далее неделимых компонентов смысла.

Woman – an adult female *person* [DCE, P.1646]

Charming – delightful, giving *pleasure* [H, T.1, C.192]

Brilliant – very bright, shining brightly, splendid, causing admiration [H, T.1, C.152]

Admiration – the *feeling* of *pleasure*, satisfaction or wonder, caused by something good, clever, beautiful [H, T.1, C.42]

Мы наблюдаем опосредованную семантическую корреляцию ЛЕ *Circe* и *brilliant*. При помощи метода компонентного анализа вычлняем совпадающие семантические компоненты сопоставляемых единиц:

Circe = pleasure + very + person	}	pleasure :: pain
Brilliant = pleasure + very + feeling		

Выделяем следующую оппозицию Circe :: wonderful. С помощью компонентного анализа выделяем идентичный СМ - pleasure :: pain. Далее в синтагматическом ряду находим оппозицию Circe :: witch. Повторяем процедуру компонентного анализа:

Enchantress – a woman that men find very attractive and interesting;

- a woman who uses *magic* on people and things [DCE, P.451]

Witch - a woman who was supposed to have *magic* powers, esp. one who used these powers to do evil [H, T.3, C.476]

Circe = magic + woman + pleasure	}	sorcery :: religion
Witch = magic + woman + evil		

Рассмотрев следующий пример из романа Дж.Фаулза "Волхв", получаем следующий СМ АИС "Circe":

None of the books I had read explained this *sinister-fascinating* this Circe-like quality of Greece [243, P.49].

Выделяем оппозицию Circe :: sinister.

Enchantress – a female enchanter, one who charms or delights [W, P.507]

To charm – *to fascinate*; to enchant [W, P.268]

To fascinate – *to bewitch*, to enchant, to attract by some power or irresistible influence [W, P.559]

To bewitch – to subject to the influence of *witchcraft* [W, P.147]

Witchcraft – the practices of *witches* [W, P.1785]

Witch - a woman who was supposed to have magic powers, esp. one who used these powers to do *evil* [H, T.3, C.476]

Sinister – foreboding, ominous; threatening *evil*, disaster or ill fortune [W, P.1412]

Circe = evil + person+ influence	}	badness :: goodness
Sinister = evil +foreboding		

Выделяем следующую оппозицию Circe :: fascinating.

Circe = fascinate + female	}	love :: hate
Fascinating		

В результате проведенного анализа получаем следующую концептуальную структуру АИС "Circe":

Circe	-	pleasure :: pain
	-	badness :: goodness
	-	sorcery :: religion
	-	love :: hate

Компонентный анализ членов описанных синтагматических оппозиций позволяет выделить общий СМ их концептуальной структуры (основу оппозиции), а соотнесение данного общего СМ с соответствующей рубрикой тезауруса П.Роже [320] дает название СМ. В связи со сложностью концептуальной структуры АИС сопровождающие аллонимы покрывают лишь часть их семного состава, поэтому синтагматические оппозиции, образуемые АИС, это оппозиции, построенные на включении, т.е. привативные в пользу АИС (за исключением тех случаев, когда аллонимом выступает другое АИС).

Применение метода синтагматических оппозиций для определения концептуальной структуры АИС позволяет ограничить размытый экстралингвистический характер семантики АИС конечным набором СМ, что, в свою очередь, позволит включить большее число АИС в состав словаря общеупотребительной лексики. Еще одной особенностью применения этого метода для вычленения концептуальной структуры АИС является привлечение обобщающей части словарных статей экстралингвистического характера, так как большая часть корпуса исследуемых имен отсутствует в словарях общеупотребительной лексики.

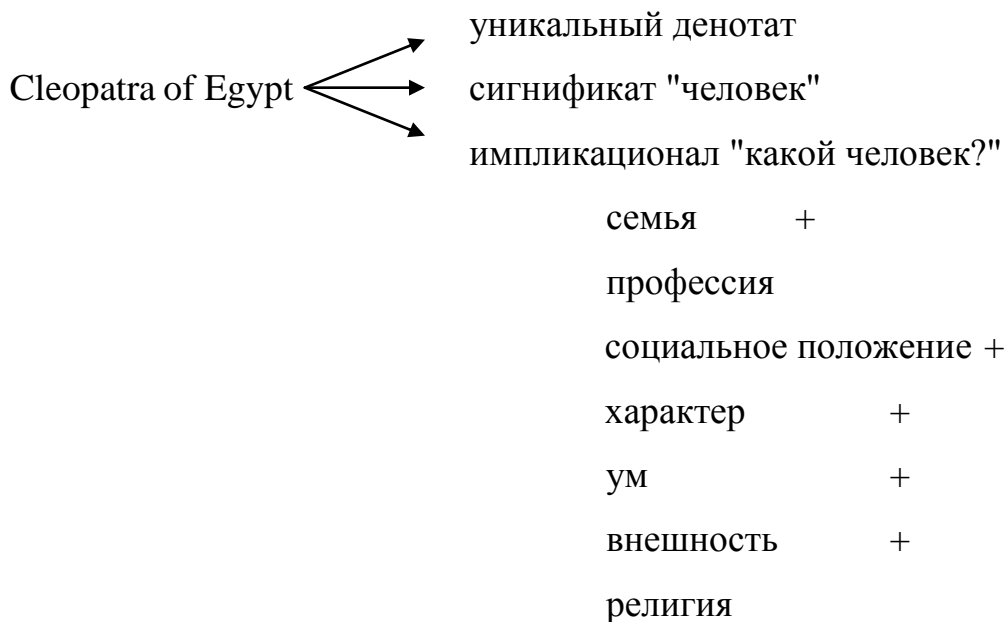
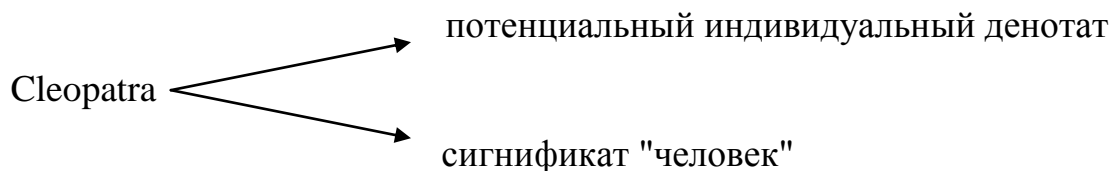
3.2. Импликационалы АИС

Для полноты описания ассоциативного, комплексного характера значения АИС обратимся к теории лексического значения слова М.В.Никитина, которая позволит выявить его иерархическую природу [121]. Согласно данной теории, лексическое значение представляет собой совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом сущностей [121, С.60]. Эти признаки связаны зависимостями и тем самым образуют структуру лексического значения, в которой выделяются две части: интенционал (содержательное ядро лексического значения) и импликационал [там же]. Импликационал образует периферию значения вокруг своего интенционального ядра. Он упорядочен благодаря вероятностному весу и причинно-следственным и иным линейным зависимостям признаков. Ближайшая к интенционалу конфигурация признаков – *сильный* импликационал, составляющий сильно вероятностный фон признаков интенционала. К признакам содержательной периферии относится *слабый* импликационал, реализация которого в речи в равной степени или возможна, или невозможна [там же, С.61].

С позиции теории М.В.Никитина, структура значения АИС будет выглядеть следующим образом. ИС в языке лишено конкретного денотата,

однако фактически оно может быть присвоено любому члену данного общества, следовательно, оно имеет потенциальный денотат. Сигнификатом ИС является сложный обобщенный концепт "человек", т.е. любое ИС уже в системе языка имеет потенциальный денотат и обобщенный сигнификат.

У АИС потенциальный денотат становится индивидуализированным. Обобщенный концепт "человек" получает сужение и детализацию. В результате этого помимо обобщенного сигнификата "человек" АИС обретает импликационал – дополнительный контур своей семантики. Импликационал появляется в результате конкретизации денотата и вычленения у денотата ключевых признаков, которые делают возможным появление компонента видовой принадлежности ИС. Эти конфигурационные признаки позволяют классифицировать АИС в группы по смежности конфигурационных признаков и причислять различные АИС к тому или иному семантическому (тематическому) полю. Таким образом, в АИС обобщенный сложный концепт "человек" делится на составные элементарные концепты, которые в свою очередь образуют конфигурационные признаки импликационала АИС.

В импликационал АИС входят те элементарные концепты общего сложного понятия "человек", которые снабжены маркером "сверх качества" (как положительные, так и отрицательные). Для АИС "Cleopatra" такими отступлениями от "нормы" являются сферы "семья" (она была любовницей Юлия Цезаря и Марка Антония *the prototype of the romantic femme fatale* [B]), "социальное положение" (она была египетской царицей *Egyptian queen famous in history and drama* [B]), "ум" (она славилась хитростью и мудростью *Cleopatra with all her subtlety, all her political foresight, had backed two losers, first Caesar and then Antony* [B]), "характер" (Клеопатра была очень честолюбива *Cleopatra's target was power* [B]), "внешность" (Клеопатра была женщиной обворожительной красоты *Her ambition no less than her charm actively influenced Roman politics* [B]). Именно эти элементарные концепты и будут составлять импликационал АИС "Cleopatra". Для любого АИС сильный импликационал основан на самом высоком уровне обобщения целостного образа референта-носителя ИС. В "Словаре символизма" [317] и в других энциклопедических изданиях сильный импликационал будет соответствовать первой вводной фразе, дающей общее представление о референте-носителе ИС, либо последней, заключительной ремарке, суммирующей и подытоживающей след, оставленный носителем ИС в истории, культуре, либо другой области социальной практики.

Так, энциклопедия "Британика" дает такую предваряющую информацию о героине народных сказок Золушке ("Cinderella"): "Heroine of a European folktale, the theme of which appears in numerous stories worldwide; more than 500 versions of the story have been recorded in Europe alone. Its essential features are *a youngest daughter who is mistreated by her jealous stepmother and elder stepsisters or a cruel father; intervention of a supernatural helper on her behalf; and the reversal of fortune brought about by a prince who falls in love with her and marries her*" [B].

Приведенное определение совпадает с определением АИС "Cinderella" в словаре А.Хорнби: The girl in the well-known fairy-tale who was forced to

work hard among the cinders and who was rescued and married to a prince; a beautiful girl in humble surroundings [H, T.1, C.200]. В словаре Вебстера АИС "Cinderella" дается определение как имени нарицательному, что свидетельствует о высокой частотности и прецедентности данного имени: *cinderella – A person, place or thing of unrecognized worth, in a lowly position and suddenly elevated to high position and fame; from the fairy-tale Cinderella* [W, P.285]. Таким образом, сильный импликационал АИС "Cinderella" построен на оппозиции "бедность :: богатство".

Высокая частотность и прецедентность АИС "Cinderella" делают избыточным контекст, содержащий его семантический повтор, что и демонстрируют нижеприведенные контексты. В силу отсутствия распространенного комментирующего контекста, АИС "Cinderella" подразумевает наиболее устойчивые ассоциации данного имени, обобщенные в его сильном импликационале и зарегистрированные в словарях в виде суммы событий известной сказки:

We were driven home – in *a hired Rolls* – to think it over. You know to a *pokey-floor flat* in Belsize Park. Like two Cinderellas [243, P.332].

Героини романа Дж.Фаулза "Волхв" ощутили себя Золушками, приехав в свою обветшалую квартиру, словно в богатой карете, в нанятом их благодетелем Роллс-Ройсе. Данный контекст опосредованно актуализирует выделенную словарным определением оппозицию бедность :: богатство (через противопоставление ЛЕ, выделенных курсивом).

Magical. Enchanting. Drew Barrymore steals your heart. 'Ever After' is something very special indeed. 'Ever After' – a Cinderella story ([304], 1998).

Афиша кинофильма "И с тех пор навсегда", заимствующего в качестве своего названия традиционную концовку сказок, обещает зрителям волшебство и очарование старой сказки, рассказанной на новый лад, в новом времени, о новой Золушке, как и прежде нашедшей свое счастье. Лаконичный контекст, содержащий семантическую редупликацию АИС "Cinderella", отсылает к традиционным коннотациям имени и содержит

положительный эмоциональный заряд (Magical. Enchanting.). Это подтверждает гипотезу о том, что сильный импликационал сопряжен с наиболее интенсивными коннотациями.

Итак, сильный импликационал АИС характеризуется следующими параметрами: 1) наибольшей частотой реализации в контекстах; 2) занесением в словари как языковые, так и энциклопедические, где он соответствует выкладкам, дающим общий анализ деятельности обозначаемого им референта; 3) ограниченным набором СМ, основанных на наиболее существенных чертах референта с отвлечением от частных, второстепенных, что обеспечивает четкие границы области сильного импликационала; 4) наивысшим уровнем обобщения целостного образа референта; 5) наличием наибольшего коннотативного заряда по сравнению с признаками, входящими в слабый импликационал и составляющими периферию содержательной структуры АИС; 6) передачей макросмыслов лингвокультурной общности; 7) актуализацией в таких контекстах, где АИС переходят в другие части речи, чаще прилагательные.

Выделенные черты сильного импликационала проявляются и в следующих примерах, содержащих АИС "Cinderella":

- The tinkle of the music appeared exquisitely tedious in its superficiality. He could not remain in the hall because of the *incorrectness of his attire*, and the staircase was blocked, to *a timid man*, by *elegant couples* apparently engaged in the act of flirtation. The next morning he was early, preternaturally awake. When he descended the waiters were waiting for him, and the zealous porter stood ready to offer him a Sunday paper, just as though in the night they had refreshed themselves magically, without going to bed. No sign nor relic of the Cinderella remained (Arnold Bennet, "Clayhanger" [232, P.452 – 453]).
- I heard a story, though, of one Lady Caliph. It isn't precisely an Arabian Nights story, because it brings in Cinderella, who *flourished her dishrag* in another epoch and country. So if you don't mind the mixed dates (which

seem to give it an Eastern flavour, after all), we'll get along (O'Henry, "The Enchanted Profile" [264, P.18]).

- Mainstream America is depending on you – counting on you – to draw your sword and fight for them. These people have precious little time or resources to battle misguided Cinderella attitudes, the fringe propaganda of the homosexual coalition, the feminists who preach that it's a divine duty for women to hate men, blacks who raise a militant fist with one hand, while they seek preference with the other ([308], 1998).
- Cinderella team: Minnesota Twins players celebrate after defeating the Cleveland Indians on Tuesday. Columnist Al Neuharth calls the Twins *the 'sentimental favourites'* of Major League Baseball's playoffs. The playoffs will regenerate interest. To get top TV ratings for the World Series, the network usually hopes for a match between *big-city East Coast and West Coast teams*. But Fox happily would hype Cinderella Minnesota ([309], 2002).

Наряду с сильным импликационалом мы выделяем область слабого импликационала. Для АИС область слабого импликационала связана с разбиением целостного образа объекта-носителя ИС на отдельные эпизоды с его участием, т.е. с обобщением единичных частных контекстов, содержащих АИС. В силу меньшей значимости отдельных эпизодов для осмысления целостного образа референта-носителя АИС, их ассоциативные связи с самим именем менее устойчивы и очевидны. Если сильный импликационал базируется на макросмыслах, то частные эпизоды связаны с микросмыслами, также включаемыми в ассоциативный ореол АИС. Микросмыслы труднее поддаются декодированию, поэтому они нуждаются в "поддержке" своей семантики, что выражается в сопровождении элементов слабого импликационала структурами, содержащими их семантическую редупликацию. Проиллюстрируем данные наблюдения следующим примером:

It's what she's been angling for all along, if we'd just opened our foolish eyes. We were so nice to that vapid girl, taking her in, doing our thing, though she always did hold back as if really she were above it all and time would tell, like some *smug* little *Cinderella squatting in the ashes knowing there was this glass slipper in her future – oh, the prissiness of her now* is what gets me, swishing about in her cute little white lab coat and getting paid for it [274, P.223].

В романе Дж.Апдайка "Ведьмы из Иствика" подруги сетуют, что не смогли вовремя разглядеть в своей напарнице "врага", человека с чуждыми им интересами, и пока они творили свои черные дела, она предпочитала, подобно Золушке, заниматься честной, но изнурительной работой в уверенности, что в будущем ее ждет вознаграждение в виде хрустальной туфельки. Девушек раздражает духовная чистота их подруги, которая в их глазах облачена в белый врачебный халат и хорошо оплачиваемую достойную работу. Автор вводит в контекст своего романа деталь, сопровождающую образ сказочной счастливой: хрустальную туфельку. Второстепенность детали подтверждается отсутствием упоминания о ней в кратких резюме всемирно известной сказки. Но в контексте романа эта деталь приобретает дополнительное значение – шанс, удача, которые подвернулись героине, принеся ей исполнение желаний и сделавшие возможным само ее сравнение с Золушкой. Одновременно с изменением масштабов восприятия сказочного образа происходит отход от традиционных коннотаций имени: эмоциональная реакция становится резко негативной, что выражено словом-сопроводителем "*smug*" - Showing too much satisfaction with your own cleverness or success [DCE, P.1359].

Ряд примеров, приведенных ниже, также содержит АИС "Cinderella" в сопровождении развернутых контекстов с семантической редупликацией (выделены жирным шрифтом). В этих примерах АИС "Cinderella" реализует слабый импликационал:

- ***He was afraid all would be lost that he had so newly come into:*** like the youth in the fairy tale, who was ***king for one day in the year, and for the***

rest a beaten herd: like Cinderella also, *at the feast*. He was *sullen* (D.H.Lawrence, "The Rainbow" [252, P. 155]).

- The O.J. Simpson murder trial turned briefly, but memorably, into a Cinderella-like spectacle as prosecutors *sought a fit* for the case's famous bloodied gloves. They are *too small* said Simpson *as he struggled*, at prosecutor Christopher Darden's behest, *to pull the allegedly incriminating gloves over his hands* – a turn of events that was widely perceived as a blunder for the prosecution. Darden quickly suggested Simpson was faking his difficulty, then solicited expert testimony that the blood-soaked leather gloves had shrunk ([308], "If the Glove Fits...", 1995).
- Finally, she thrust her feet into *gold satin slippers* and twirled before the cheval mirror. The candlelight cast *a burnished gleam over the gold taffeta* that whispered softly about her slender ankles. She felt as *giddy-headed* as Cinderella *sneaking off to the grand ball* (Peggy Darty, "Cimarron Sunset", [236, P.112]).

Как видно из примеров, в случае обращения к сильному импликационалу АИС контекст с семантическим повтором ограничивается отсылкой к коннотативному элементу семантики имени, который сопровождает самое общее традиционное представление о его референте. При реализации слабого импликационала контекст с семантической редупликацией содержит как элементы нового смыслового наполнения АИС, так и изменившийся коннотативный компонент семантики имени. Чаще всего выделение области слабого импликационала происходит у АИС большой степени социализации (об этом см. в главе 3 (3.3.3)). Это снимает возможное недопонимание и гарантирует правильное восстановление ассоциативных линий.

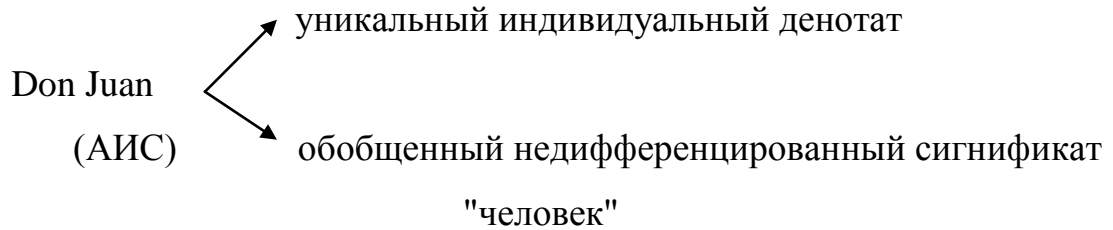
Таким образом, мы приходим к заключению, что появление импликационалов у АИС связано с логическими операциями анализа и обобщения деятельности, участником которой был референт-носитель АИС. Это заключение свидетельствует о том, что ассоциативность имеет

деятельностную основу. Ассоциации для АИС идут по двум направлениям: 1) статические, связанные с природными качествами человека как биологического существа, например, внешность; 2) динамические, с опорой на социальный аспект активности референта. Ассоциации второго вида оказываются разнообразнее, они сопряжены с большим коннотативным зарядом, что связано с социальной природой человека, превалирующей над биологическим началом.

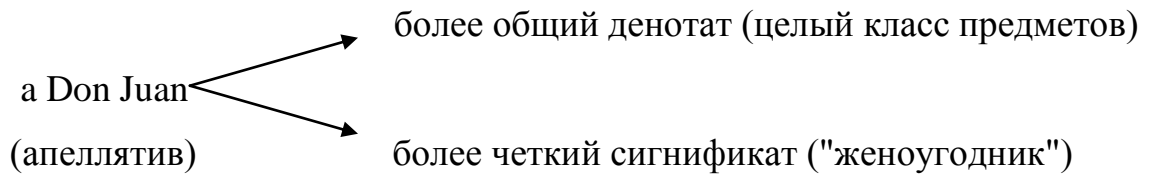
Следовательно, потенциальными аллюзиями являются те ИС, которые принадлежат "колоритным" личностям, своеобразным в определенной сфере/сферах, выдающимся на своем поприще. При этом колоритным объектом мы называем такой референт, который противопоставлен другим референтам того же рода благодаря тому, что он обладает ярко выраженным дифференциальным признаком. В силу особо высокой концентрации этого признака он становится сильным импликационалом, т.е. наиболее вероятностным сопроводителем имени данного референта. Сильный импликационал вычленяет референт из рода ему подобных, указывая на его особый вид, поэтому он указывает на отношения гипонимии, в которые вступает референт по отношению к более общему родовому понятию (в данном случае понятие "человек"), из которого выделяется определенный частный признак, соответствующий более мелкому элементарному компоненту данного родового понятия.

Так, при условии общедоступности информации о носителе АИС и при наличии СМ "сверх качества" происходит переструктурирование значения АИС, что ведет к образованию "ядра" (сильного импликационала) и "периферии" (слабого импликационала). В значении обычных ИС не происходит вычленения импликационала, так как 1) референт обладает недостаточно яркими дифференциальными признаками; 2) информация о референте недоступна большинству носителей языка; 3) признаки референта не связаны с ключевыми концептами, входящими в ядро аксиологических ценностей, преобладающих в данном лингвокультурном сообществе.

Образование импликационалов АИС способствует процессу апеллятивации. Проследим процесс апеллятивизации имен собственных на примере ИС "Дон Жуан" (Don Juan).

Don Juan – a man who is good at persuading women to have sex with him [DCE, P.400]

Итак, при переходе ЛЕ из ИС в ИН происходит переструктурирование содержания "означающего" и "означаемого". Но при этом сохраняется соотношение частное :: общее. ИС теряет четкий уникальный денотат, но приобретает четкий сигнификат, и, наоборот, теряя обобщенный концепт "человек" (который составляет область сигнификата), приобретает обобщенный неконкретизируемый денотат (любой мужчина потенциально женоугодник). Таким образом, отношения между означаемым и означающим характеризуются не только единством, но и балансом соотношения частное :: общее. Загадка ИС состоит в сложности концепта "человек" и необходимости вычленения набора элементарных концептов – его компонентов. Каждое ИС получает импликационал в процессе речевого употребления. Дробление сложного концепта "человек" и, следовательно, образование импликационалов происходит постепенно, по мере протекания социальной активности человека-носителя имени. В результате процесса формирования сильного импликационала он может вытеснять объемный и размытый концепт "человек" за счет своей индивидуальности, четкости и наличия яркого дифференциального признака. Так происходит апеллятивизация ИС, т.е. их переход в разряд имен нарицательных.

АИС в противовес ИН возникают по мере обогащения знаний о мире социума как попытка классификации явлений духовной жизни, культуры и социума через определенный набор типажей, прецедентных моделей – воплощений ключевых черт данных явлений. По мере накопления такого социально-культурного знания наблюдается и рост арсенала АИС. Итак, АИС являются знаком освоенности определенного фрагмента социальной действительности.

Семантика АИС в речи объемна, сложна и не имеет четких границ. Именно в силу своей ассоциативности, АИС является ключом к более объемной информации, нежели само ИС, которое выполняет основную назывную функцию. ИС как часть языковой системы обладает бедным значением. Семантический повтор служит посредником между сферами языка и речи, ограничивая безграничную полноту экстралингвистического содержания АИС до обозримых пределов. Выделяя концептуальное содержание АИС, семантический повтор демонстрирует переход факта речи в факт языка. Лишь небольшая группа АИС, многие из которых зарегистрированы в словарях общеупотребительной лексики (часть из них перешла в разряд нарицательных), обладают четко очерченным устойчивым понятийным наполнением: Venice – город на воде; Athens – культурный центр; Don Quixote – рыцарь, человек исключительного благородства. Как правило, сюда относятся топонимы (ибо человеческое бытие более неоднозначно, сложно), некоторые мифологические и библейские герои, герои литературных произведений и исторические личности, ставшие легендарными, т.е. наиболее социализированные (освоенные) АИС, имеющие за собой долгую историю (возраст) и многочисленные однотипные контексты употребления.

Появление импликационалов говорит об открытости семантической структуры ИС и способности аккумулировать ими дополнительные смыслы в процессе речевого употребления. Регулярность таких речевых контекстов ведет к закреплению ассоциативных характеристик за АИС. Оно начинает

выступать в качестве устойчивого выразителя второстепенных ассоциативных СМ. Имя, таким образом, превращается в стереотип и, каждый раз появляясь в том или ином контексте, актуализирует свою ассоциативную нагрузку, сильный импликационал. Выделение сильного импликационала в семантической структуре АИС играет решающую роль в процессе символизации ИС, а появление слабого импликационала у ПИ служит показателем высокой степени их социализации, маркеры которой будут подробно описаны в главе 3 (3.3), после чего мы проанализируем особенности проявления ассоциативной семантики АИС в художественных и публицистических текстах.

3.3. Сущность процесса социализации ИС

Рассматривая специфику семантики ИС, мы показали, что имена собственные обладают потенциалом к передаче ассоциативной информации, которая образует область вероятностного значения ИС – сильный и слабый импликационалы. Однако объем передаваемого имплицитного значения варьируется от имени к имени (некоторые АИС обладают только областью сильного импликационала, другие развивают слабый импликационал), равно как и не все АИС привлекаются к построению вертикального контекста произведений с одинаковой частотой. Некоторые АИС оказываются несомненными фаворитами, и их импликационалы значительно легче поддаются декодированию, чем импликационалы других АИС. Очевидно, существует некая величина, регулирующая процесс функционирования АИС в текстах, позволяющая одним именам мелькать на страницах произведений с частотой общеупотребительной лексики и накладывающая ограничения на употребление других. На наш взгляд, таким регулятором функционирования АИС в текстах выступает их социализация, так как ИС вышло из социума и даже в процессах вторичной номинации используется для описания различных социальных явлений.

Социализация имени собственного – это усвоение лингвокультурным сообществом его концептуальной структуры, что отражается в активном привлечении данного ИС для построения высказываний в различных актах коммуникации, преимущественно во вторичной номинации. Социализация ИС, в нашем понимании, имеет как лингвистические, так и экстралингвистические предпосылки.

Лингвистические предпосылки заключаются в том, что часть ИС, в силу устойчивого ограниченного набора ассоциаций, получает четкое и относительно ограниченное понятийное наполнение, позволяющее противопоставить их другим ИС из ряда подобных в силу наличия у них ярко выраженных дифференциальных признаков. Как мы видим, неограниченное экстралингвистическое содержание ИС очерчивается рамками.

К экстралингвистическим предпосылкам мы относим соответствие ИС сложившейся системе понятий и представлений данной лингвокультурной общности, его включенность в парадигму аксиологических ценностей, в соответствии с которой члены данного сообщества выстраивают свои жизненные приоритеты. Мы полагаем, что экстралингвистическим факторам отводится главенствующая роль в процессе социализации ИС, что подчеркивает их социальную сущность. Результатом процесса социализации является относительное обеднение информативности АИС, выстраивание четкой структуры его значения (закрепление за ИС его сильного импликационала), обретение АИС статуса единицы языка. Показатели социализации ИС различны. Среди них можно выделить следующие: частотность употребления АИС, возраст АИС, отсутствие семантического повтора в контекстах с АИС, процесс символизации АИС, выделение области слабого импликационала в семантике высокопрецедентных АИС, употребление АИС в роли ключевых слов текста-реципиента, вхождение АИС в состав ФЕ, переход АИС в класс имен нарицательных и в другие части речи, вхождение АИС в словари. Рассмотрим детально каждый из упомянутых показателей социализации АИС.

3.3.1. Частотность употребления АИС и его возраст

Закономерно, что чем чаще используется АИС, тем крепче и прозрачнее его ассоциативные связи с определенной прецедентной ситуацией или ограниченным набором ситуаций, тем больше степень уверенности автора в безошибочности трактовки посылаемого сообщения его получателем. Пьеса У.Шекспира "Отелло" оказалась чрезвычайно популярной, что, несомненно, сказалось на частотности упоминания имен ее персонажей, как правило, во вторичной номинации, что и демонстрирует нижеприведенный пример:

In his books he had drawn some *pretty nasty characters*. Not of recent years, however. Of recent years he had felt a reluctance to draw *a very bad man or woman*: he thought it morally irresponsible and artistically unconvincing, too. There was *good in everyone*: Iagos were a myth [272, P.211].

АИС "Iago", употребленное во множественном числе, свидетельствует о типичности черт, воплощенных в Яго, отрицательном персонаже пьесы У.Шекспира "Отелло". Ближайший контекст представляет антонимичную редупликацию семантики имени – его негемпликационал (There was *good in everyone*). Дистантный же контекст содержит синонимичный повтор обобщенного образа героя – сильный импликационал имени (*pretty nasty characters, a very bad man*). Дистантное расположение контекста с семантическим повтором содержательной структуры имени указывает на устойчивость его сильного импликационала. Писатель из рассказа Лесли Хартли "W.S." открыл для себя основополагающую истину: в мире не бывает отъявленных негодяев, добро есть в каждом человеке.

Итак, АИС позволяет, во-первых, экономить языковые усилия, так как оно способно выражать объемные смыслы ограниченным числом знаков. Во-вторых, при употреблении АИС в тексте создается ощущение игры, где автор и читатель общаются не на обычном языке, а на особом коде, доступном обоим. Этот особый код - знание социума, его культурных ориентиров.

Возраст АИС напрямую связан с частотностью его употребления и обнаруживает принадлежность АИС к незабываемым пластам культуры, содержащим основные архетипы, получившие развитие в будущем. Таким образом, наиболее освоенными можно считать АИС, заимствованные из Библии, мифов, произведений У.Шекспира, эпохи Ренессанса. Следующий пример дает яркое представление об устойчивых коннотациях (сильном импликационале), закрепившихся за АИС "Mona Lisa":

In the cyclo is an attractive woman, wearing sun glasses and a *slight Mona Lisa smile*, who gazes at the camera ([304], 1998).

Составляя часть стилистического приема зевгмы, АИС "Mona Lisa" без колебаний трактуется читателем как символ загадочной улыбки. Сильный импликационал АИС "Mona Lisa" дублируется контекстом, содержащим семантический повтор имени (*slight, smile*). Между тем сам стилистический прием дает АИС новую жизнь, внося в него элемент юмора.

Следует заметить, что хотя некоторые АИС принадлежат одному временному пласту, одни из них более социализированы в сравнении с другими. Необходимо выделить факторы, способствующие вхождению АИС в лексикон носителей национального языка. По нашему мнению, определяющими являются яркость образа, его типичность, связь с проблемами, которые имеют вневременное звучание, центральное положение в произведении, из которого заимствовано АИС, или же важность ролей, отводимых персоналиям-носителям АИС в истории или социально-культурном процессе. Так, например, не всякий читатель, принадлежащий русскоязычной аудитории, способен уловить смысл ассоциаций мифологического АИС "nemesis" из следующего контекста:

Steffi Graf looked superb in upending her recent nemesis Amanda Coetzer, 6-3, 6-0, in the Pilot Pen tournament at New Haven [304].

Второстепенные роли богини Немезиды в древнегреческой мифологии частично стирают яркость ее образа, вследствие чего ее имя становится реже цитируемым в русскоязычных текстах, чем имена ее влиятельных соседей на

мифологическом Парнасе: Zeus, Theseus, Tantalus, Ulysses, Artemis, Ariadne, Orpheus, Hercules, Prometheus и.т.д. АИС "nemesis" говорит о несовпадении объема фоновых знаний англоязычной и русскоязычной аудитории. Это подтверждается присутствием имени "nemesis" в английском словаре общеупотребительной лексики и его отсутствием в русскоязычном словаре. Приведенные факты свидетельствуют о различии культурных парадигм англоязычного и русскоязычного сообществ, о превалировании классического стандарта в англоязычной культуре, где делается акцент на изучении религии, мифологии, мировой классической литературы.

Частотность и большой возраст АИС делают избыточным распространенный контекст с его семантической редупликацией, поэтому закономерно, что очевидным показателем меры социализации АИС является степень развернутости контекста, эксплицирующего импликационал аллюзивного имени. Минимальный контекст-экспликация сигнализирует о высокой степени социализации аллюзивного имени и/или является показателем закреплённости за АИС фразеозначения, например:

At some point every Vice President with an eye on the top job must find a way to *excise* his boss without looking like a Brutus. For Gore, the trick will be to put some breathing room between himself and Clinton's character issues and do it soon – but no so soon that he appears *disloyal* ([308], 1998).

В контекстном окружении АИС "Brutus" (Брут) есть два слова родственной ему семантики *excise smb* (вытеснить с политической арены) и *disloyal* (предательский). Читатель безошибочно интерпретирует ситуацию, символом которой является АИС "Brutus", как "предательство". Словарь А.Хорнби фиксирует идентичное значение "вероломное убийство" в качестве импликационала АИС "Brutus": A Roman, one of the men who killed Julius Caesar [Н, Т.1, С.156]. Избыточный контекст дублировал бы всем известную информацию об АИС "Brutus" и вызывал досаду читателя. В следующем примере, напротив, АИС получают развернутый семантический повтор:

But if this were so, why did he [Shostakovich] have those memoirs published outside Russia, rather than *speaking out in a loud voice* like a Sakharov or a Solzhenitsyn? ([306], 2000)

Здесь необходимость контекста с семантической редупликацией оправдана введением в текст АИС, принадлежащих иноязычной культуре. АИС "Sakharov" и "Solzhenitsyn" выступают атрибутами неаутентичного национального менталитета. Их употребление с неопределенным артиклем говорит о наивысшем уровне обобщения образов референтов с отвлечением от черт, нерелевантных для данного контекста. Действительно, хотя Сахаров был ученым-атомщиком, а Солженицын – писателем-диссидентом, их объединяет общее направление социальной деятельности – борьба за демократические принципы. Отсутствие развернутого контекста с семантическим повтором может указывать на символическую природу АИС.

3.3.2.1. Символизация ИС

Символизация имени и его вхождение в круг ПИ является одним из показателей его социализации и демонстрирует прозрачность импликаций имени, важность его роли в передаче ключевых концептов того или иного лингвокультурного сообщества. "Словарь символизма" [317] и "Иллюстрированный мифологический словарь" [325] знакомят с относительно полным перечнем ИС, ставших носителями символических смыслов. Об иконичности и образности символа говорит его панкультурный характер: многие имена-символы служат выражением центральных сюжетных и тематических линий не только произведений художественной литературы, но и музыкальных сочинений и шедевров искусства (живописи и скульптуры) [33;336]. Для освещения этого раздела обратимся к ключевым понятиям "символа" и "знака".

Знак есть минимальный носитель языковой информации, двусторонняя сущность, единство означающего и означаемого, формы и

содержания [335, С.105]. В отличие от символа знак отсылает к самому себе и ничему более [327, Т.1, С.206].

Символ – в широком смысле понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Однако, если вслед за Г.Гадамером, сущностью знака признавать чистое указание, то сущность символа оказывается большей, чем указание на то, что не есть он сам [333, С. 726]. Символ схватывает связь частности со множеством других, подчиняя эту связь одному закону, единому принципу, подводя их к некоторой единой универсалии. Объединяя разные планы реальности в единое целое, символ создает собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами разного уровня [там же]. Множественность смыслов свидетельствует не о релятивизме, но о предрасположенности к открытости и диалогу с воспринимающим. Многоуровневая структура символа последовательно увеличивает дистанцию между означающим и означаемым, определяя тем самым основные функции символа: экспрессивную, репрезентативную и смысловую, посредством которых реализуется его роль в культуре.

По определению Ю.М.Лотмана, представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного содержания [99, С.193]. Поэтому символами должны признаваться "коннотаторы", т.е. все средства иносказания, составляющие предмет риторики. Понятие символа как конструктивного принципа возможных проявлений отдельной единичности или как общей направленности объединенных в "единораздельную цельность" различных или противостоящих друг другу единичностей было развито А.Ф.Лосевым [98]. Он полагает, что в символе достигается "субстанциональное тождество бесконечного ряда вещей,

охваченных одной моделью" (цит. по [333, С.727]). А.Ф.Лосев говорит об отсутствии у символа непосредственной связи и содержательного тождества с символизируемым [там же].

Образование символа основано на способности значимых слов, обладающих экспрессивно окрашенным значением, развивать ассоциативные связи, которые выступают средством реализации лингвокреативного мышления (об этом подробнее у Б.А.Серебренникова [146, С.76-111]). Фактически, ПИ являются именами-символами, так как они в образной форме отражают систему ценностей лингвокультурного сообщества, и в них происходит абстрагирование от несущественных свойств объекта с перемещением акцента на наиболее смысловозначительных свойствах. ИС обладают специфическими качествами, определяющими их предрасположенность к символизации. Для выделения таких качеств проведем сопоставительный анализ ИС, употребленных в качестве аллюзий, и ИН, входящих в систему символов определенной культурной общности, с целью выявления их потенциала в создании дополнительной глубины текста – подтекста. В результате сопоставления ассоциативного потенциала указанных разрядов лексики нами выявлены следующие закономерности:

1. Подтекст, образуемый ИН, более абстрактен, тогда как подтекст, конструируемый АИС, более ярок, индивидуален и нагляден. Для убедительности сопоставим следующие примеры:

Концепт "Love" может быть символически выражен ИН "Rose" и АИС "Cupid". ИН "Rose" выступает собирательным образом класса цветов, и поэтому оно более условно и лишено конкретности. АИС "Cupid", напротив, принадлежит конкретному объекту, и поэтому несет больший коннотативный заряд. Более того, роза – пассивный атрибут романтических отношений, а Купидон был божеством, зажигающим сердца людей огнем любви, т.е. центральным активным субъектом романтических отношений.

Концепт "Jealousy" может быть символически представлен ИН "Green-eyed monster" и АИС "Othello". Хотя денотатами обоих метафорических

выражений, заимствованных из произведений У.Шекспира, выступают одушевленные объекты, ИН уступает АИС в конкретности.

2. ИС, и АИС в том числе, несут потенциальную информацию о действии, субъектом или объектом которого они являются. Можно сказать, что стремление ИС к предикации, к развертыванию информации о сопряженных с ними действиях, более очевидно, чем в случаях с ИН. В этом плане ИН скорее связаны с передачей пассивных состояний. Здесь раскрывается социальная сущность человека, носителя ИС, заключающаяся в деятельности и активности. Она противопоставлена инертности мира вещей, представленных ИН. По мнению Н.Б.Лебедевой, одушевленные имена придают описываемой ситуации динамизм в силу двух своих свойств: стратифицированности, многослойности семантики, а также реальной и потенциальной активности одушевленного участника [93]. Оба ФЕ, приведенные ниже, описывают одну ситуацию – зыбкий путь к спасению, обладая, однако, разным потенциалом образности:

The thread of Ariadne [329, С.757]

A drowning man will catch at a straw [Н, Т.3, С.260]

АИС "Ariadne" - это знак не единичного объекта, а целой ситуации, активным участником которой является Ариадна, героиня мифа о чудовище Минотавре. У читателя возникает вопрос, прежде всего, о сущности ситуации и роде деятельности носителя АИС. В случае с ИН "a straw" у реципиента возникает лишь образ маленького, незначительного предмета.

3. Для реципиента АИС обладают бóльшим стимулом к поиску скрытого смысла текста, так как обладают большей социальной значимостью, чем ИН. Выбор АИС для иносказательного описания социальной практики человека более оправдан, ведь онтологически ИС призваны обслуживать мир социума и, следовательно, будут способствовать более глубокому познанию данной области, сочетая первичное значение (и обогащая тем самым энциклопедический багаж реципиента о реальном мире людей и судеб) со вторичной номинацией (цель которой представить

образное видение отрезка социальной действительности, основанное на анализе ключевых признаков этого отрезка).

4. АИС, в отличие от ИН, несут более многогранные смыслы в силу своей повышенной ассоциативности, основу которой составляет деятельность, активность субъекта. Как следствие, АИС обладают большей множественностью интерпретаций, нежели ИН. АИС содержат больший объем экстралингвистической информации. В своей семантической структуре АИС имеет несколько периферийных зон (зону сильного и слабого импликационалов). Акцент в речевом употреблении может смещаться с зоны сильного импликационала на область слабого импликационала. Рассмотрим это варьирование речевого употребления АИС на примере АИС "Robin Hood":

- благородство (зона сильного импликационала, АИС не сопровождается контекстом с семантической редупликацией):

A 'Cartoon Camp' – the party envisioned and run by Jeff Kilpatrick, young man, cartoonist, and, essentially, Robin Hood [282].

- родное, близкое душе (область слабого импликационала, АИС употреблено в контексте с семантической редупликацией):

It began to seem almost the essential clue; *the wild old outlaw, hiding behind the flamboyant screen* of his outrageous behaviour and his cosmopolitan influences, was perhaps as *simply and inalienably native* as Robin Hood [241, P.101].

- шляпа с пером (область слабого импликационала):

So far, the only thing he had bought was a Robin Hood hat with a picture of Rumfoord on one side and a picture of a sailboat on the other, and with his own name stitched on *the feather* [275, P.236].

- зеленый камзол (слабый импликационал):

One shiny, podgy, prosperous little man in *a sporty linen suit of Robin Hood green*, working far too conscientiously for a Saturday [256, P.133].

One moment his sallow features had shown an oily moistness and that was all. The next they were drenched and the sweat was running unchecked off his plump chin and falling on his Robin Hood suit [256, P.139].

Как видно из примеров, ситуации, знаком которых является одно и то же АИС, могут совершенно не пересекаться, не иметь общих СМ, что увеличивает вероятность неоднозначной интерпретации АИС в тексте.

5. АИС ярче передают национальную специфику, чем ИН. Это явствует из звуковой оболочки ИС, которые сохраняют ее даже при переводе на другой язык. В своем смысловом содержании АИС представляют культурно-историческую память народа, откристаллизованную в именах лиц, объектов, связанных с основными вехами развития страны.

6. Если переносное значение ИН, используемых в функции символов, непосредственно связано с прямым, выводится из него, то для АИС вторичное значение более опосредовано, требует бóльших аналитических усилий для его извлечения, что явствует из сопоставления следующих примеров:

Thistle – чертополох, национальная эмблема Шотландии.

В названии итальянского города Венеции нет ничего, что указывало бы на его специфические черты. Поэтому метафора "A trip along Regent's Canal in a waterbus gives a chance to see London Little Venice" будет доступна для понимания лишь тем читателям, кто знаком с тем фактом, что Венеция – это город-сказка, построенный на воде.

Итак, АИС по сравнению с ИН обладают большей выразительностью для создания смысловой глубины произведения. Они апеллируют к воображению читателя и легче извлекаются из хранилищ его памяти, хотя и требуют достаточной эрудиции. Подтекст, возникающий под влиянием АИС, отличается объемностью и ярко выраженной коннотативностью.

3.3.2.2. АИС-символы, АИС-знаки и АИС-символы-знаки

АИС занимают ключевое место в символике лингвокультурного сообщества. Однако не все АИС в равной мере можно причислить к именам-символам. АИС-символы как проявление наивысшей степени социализации

ИС находятся в оппозиции к АИС-знакам, двуплановая семантика которых (первичная и вторичная номинация) непрочно закреплена за ними. В силу ряда причин АИС-знаки характеризуются меньшей степенью освоенности членами лингвокультурного сообщества. Сопоставив АИС-символы и АИС-знаки, выделим наиболее существенные черты обоих классов АИС.

1. АИС-символы общепризнаны, образуют норму, инвариант. АИС-знаки, выражающие индивидуальное авторское видение мира,okkaзиональны и вариативны в интерпретации. В следующих примерах семантическая редупликация АИС-символа "Samson" лаконичнее, чем у АИС-знака "Pedro Martinez", что свидетельствует о большей устойчивости имплицитного значения АИС-символа:

"The 'Yapping Fox' she said or the 'Hungry Sheep', two doors the other side of the little barbershop, if you ever get a *haircut*".

"Never if I can help it. *Saps my strength*. My mother used to call me Samson" [270, P.37].

АИС-символ "Самсон" во всех христианских культурах означает воплощение силы. В данном контексте оживляются его ассоциации с первичным контекстом, откуда это имя заимствовано. Источник силы прославленного библейского богатыря Самсона – его волосы.

It's a confident director who is willing to take the major theme of his film and *whip it past his audience* like a Pedro Martinez fast ball before the moviegoers have managed to get their Peanut Chews unwrapped ([304], October, 2002).

Не каждому придет в голову сравнивать скорость, с которой разворачивается сюжет фильма, с молниеносной игрой футболиста, имя которого знакомо ограниченному кругу любителей футбола. Эффект неожиданности усиливает эмоциональный заряд АИС-знака.

2. Группа имен-символов статична, устойчива, тогда как группа имен-знаков – подвижна, склонна к обновлению, отражает современные ценности через имена современных кумиров, что демонстрирует следующий пример:

Today his *mane* is *snowy*, visible even out in the water. He's one of surfing's *tireless first generation*. People say of him, as they do of Mick Jagger, "*Will that guy ever quit?*" ([304], 1998)

Имя Мика Джеггера, одного из основателей популярной английской группы 70-х годов "Роллинг Стоунз", хорошо известно современным меломанам. Стереотип "долгожителя сцены" послужил основой сопоставления знаменитого музыканта и неутомимого серфера.

3. АИС-символ – часть общего фонда фоновых знаний. АИС-знак принадлежит специфическим фоновым знаниям автора, которые не всегда по объему и содержанию совпадают с фоновыми знаниями читателя. Так, например, имена персонажей мыльных опер, упоминаемые ниже, являются частью американской национальной культуры, к тому же ее специфической частью, рассчитанной на ограниченный круг любителей этого жанра, поэтому АИС-знаки "Rick" и "Ilsa" имеют подробный контекст-экспликацию, обозначенный в примере курсивом:

Hallelujah! Then, just when I'm thinking I've gotten away with it, his eyes snap open. Bottom lip trembles for a few seconds like Rick *glimpsing his lost Ilsa in 'Casablanca'*, then the whole mouth forms a tremulous 'O' and a scream follows [293].

В данном примере автор с юмором сравнивает нежелание ребенка расставаться с мамой, которая укладывает его спать, с трогательным прощанием героев современной "мыльной оперы".

4. АИС-символы, обладая более высокой степенью социализации, имеют высокую частотность и старше по возрасту (отстоят во времени от автора и читателя). АИС-знаки, соответственно, менее частотны и принадлежат современным персоналиям.

5. АИС-символы несут ключевые (часто абстрактные) концепты первостепенной важности, чаще употребляются как метафоры. АИС-знаки передают второстепенные единичные понятия, используются преимущественно в роли образного сравнения.

АИС-символы передают метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь и проч.). Это ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности, которые отправляют к "невидимому миру" духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ. Концепт может быть определен как понятие, представляющее ценность для носителя языка, актуальное для него и потому выражаемое значительным количеством синонимов (закон "синонимической аттракции"), например: луна – ночное светило, небесная лампада, царица ночи, Диана, Селена, Геката, Цинтия, Люцина и проч. [3, С.63]. Эти синонимы обладают богатой лексической сочетаемостью (см., например, словарь эпитетов русского литературного языка [324]). Очевидно, поэтому концепты такого типа относительно легко "синонимизируются", образуя "концептуализированную область" (С.Г.Воркачев [43, С.70]). АИС "Moloch" и "Jonah" становятся синонимами на основе наивысшего уровня обобщения образов их референтов, символизируя злое начало в человеке:

After five or six months the spontaneity seemed to depart from my humour. Quips and droll sayings no longer fell carelessly from my lips. I was sometimes hard run for material. I found myself listening to catch available ideas from the conversation of my friends. Sometimes I chewed my pencil and gazed at the wall paper for hours trying to build up some gay little bubble of unstudied fun.

And then I became *a harpy*, a Moloch, a Jonah, *a vampire*, to my acquaintances. Anxious, haggard, greedy, I stood among them like a veritable killjoy [264, P.73].

Негативная оценка АИС "a Moloch, a Jonah" содержится в семантическом повторе *a vampire* - an *evil* spirit which can enter a corpse, which then leaves the grave at night and sucks the blood of sleeping persons [Н, Т.3, С.410]. Так, что ЛЕ *a vampire* и "a Moloch, a Jonah" пересекаются областями сильного импликационала, представляющего наивысший уровень обобщения ассоциативного значения АИС, свернувшегося до элементов негативной коннотации (Moloch – any *dreadful* thing that requires great *sacrifice*

of human life [Н, Т.2, С.306]; Jonah – a person whose presence is supposed to bring *bad luck* [Н, Т.2, С.175]).

6. АИС-символы включают ограниченный набор признаков самого феномена, входящего в когнитивную базу лингвокультурного сообщества, знакомый подавляющему большинству членов этого сообщества, поэтому такое имя получает минимальный набор СМ в своей концептуальной структуре и, как результат, четкую, однозначную интерпретацию со стороны читателя. Напротив, АИС-знаки – нечеткие, размытые для понимания.

7. АИС-символы не требуют подробного контекста-экспликации. АИС-знаки, в отличие от АИС-символов, нуждаются в более детальном контексте, восстанавливающем недостающие звенья в семантике АИС-знаков. Следовательно, АИС-символы семантически более автономны в своем функционировании по сравнению с семантически связанными АИС-знаками, которые получают узко контекстное употребление и теряют свое семантическое наполнение вне данного лексического окружения. В следующем примере АИС-символ "Scheherazada", заимствованное из популярных у писателей всех времен древних арабских сказок, намекает на наиболее яркую особенность женской природы – разговорчивость. Ближайший контекст содержит минимальную семантическую редупликацию АИС-символа "Scheherazada" (*the vocal cords*). Развернутая семантическая редупликация АИС-символа "Scheherazada" содержится в дистантном контексте:

There are few Caliphesses. Women are Scheherazadas by birth, predilection, instinct, and arrangement of *the vocal cords*. *The thousand and one stories are being told every day by hundreds of thousands of viziers' daughters to their respective sultans* [264, P.18].

АИС "Scheherazada" имеет четко очерченный сильный импликационал. Именно на него и указывает избыточный контекст-редупликация (указан в примере курсивом), выполняющий орнаментальную функцию, присущую лексике стиля художественной литературы. Напротив, функция

семантического повтора имени-знака "David Lynch" в следующем примере эксплицирующая, так как данное АИС передает второстепенный концепт, описывающий пограничное состояние нереальности происходящего, характерное для людей с сильным переутомлением:

I read somewhere that people suffering from sleep deprivation are in what's called a *hypnagogic state – a sort of purgatory between sleeping and waking, where surreal images drift across the brain*. Like *being permanently stuck* in a David Lynch movie [293].

Семантическая структура "АИС-знака" "David Lynch" менее четкая, чем семантическая структура любого АИС-символа, соответственно, она интерпретируется через ряд выражений сходной семантики, таких как "hypnagogic state", "a sort of purgatory between sleeping and waking", "surreal images", "being permanently stuck". Сопоставленные примеры показывают, что АИС-символы легко поддаются декодированию, тогда как АИС-знаки являются барьерами для понимания и сигнализируют о наличии национальной, профессиональной или иной специфичности дискурса.

8. АИС-символы реализуются на уровне значения, которое конвенционально; АИС-знаки – на уровне смысла, который изменчив и нерегламентирован. Поэтому АИС-символы часто попадают в словари общеупотребительной лексики, тогда как АИС-знаки остаются частью индивидуального лексикона.

9. АИС-символы склонны к переходу в группу имен нарицательных, так как за ними закрепляется стабильная, однозначная интерпретация (сильный импликационал); тогда как АИС-знаки, часто пришедшие из узких профессиональных сфер, остаются частью общего корпуса ИС.

10. Для АИС-символов ярко выражена их аксиологичность; в случае же с АИС-знаками их аксиологичность нейтральна, так как они чаще передают детали. Так, АИС-символ "Nero" имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, о чем свидетельствует контекстное окружение имени (выделено курсивом):

Oliver's face turned red with *furios anger*. His strange blue eyes grew *cold* with *hatred*, and he thrust out his scarlet lips till he had the *ruthless* expression of a Nero" [259, P.42].

Неопределенный артикль лишает АИС его уникальной референциональной отнесенности и создает представление о целом классе подобных личностей, объединенных общим дифференциальным признаком, ставшим основой формирования сильного импликационала: *ruthlessness* (**Nero** - A Roman emperor, 37 – 68 A.D., noted for his **wickedness and cruelty** [Н, Т.2, С.337]). Следующий пример содержит АИС-знак "Tolkien-like", нейтральное с точки зрения своей аксиологичности:

Along the way, Palahniuk indulges in some Tolkien-like mythopoetics ("When there's the possibility of a little power, you already want more.") ([304], October, 2002).

В данном примере читателя больше интересует содержательное наполнение АИС-знака "Tolkien-like". Очевидно, описание явления в его деталях менее сопряжено с оценкой явления по шкале "+"/"-", и наоборот, однозначные, центральные концепты, имеющие долгую историю существования, обладают четкими положительными или отрицательными коннотациями, отражающими сложившуюся оценку описываемого явления в данном лингвокультурном сообществе.

11. В АИС-знаках происходит дробление на аллюзивные микро эпизоды, в АИС-символах имя отсылает ко всему произведению во всей его совокупности, заставляет обобщить ведущий смысл произведения-донора.

Проведенное сопоставление АИС-символов и АИС-знаков объясняет преобладание АИС-знаков в публицистическом жанре, рассчитанном на широкий круг читательской аудитории, хорошо знакомой с именами выдающихся персоналий своего времени. В то время как АИС-символы подразумевают обращение к вечным и более абстрактным темам добра и зла, любви и ненависти, величия и дурной славы и т.д. Для образования символа необходимо время, в течение которого происходит кристаллизация

понятийного содержания АИС, забвение несущественных свойств. Группы АИС-символов и АИС-знаков являются взаимопроникающими. АИС-символы начинают свой путь как АИС-знаки. Вместе с тем АИС-символы могут функционировать и как АИС-знаки, когда происходит ломка традиционного стереотипа, стоящего за АИС-символом, и высокопрецедентные АИС выступают знаками менее частотных ассоциативных линий. Происходит смещение акцента с области сильного импликационала на область слабого импликационала. Эта группа АИС-символов-знаков.

3.3.3. Выделение области слабого импликационала в семантике АИС при их участии в роли ключевых слов текста-реципиента

Выделение слабого импликационала характерно для наиболее частотных ИС и происходит преимущественно в произведениях художественной литературы, так как именно в этом жанре открываются обширные возможности для эксперимента в области смыслов творчества. Процесс этот состоит в следующем. Автор произведения предпринимает отход от избитых линий ассоциаций для оживления семантики АИС. В результате у имени появляется область слабого импликационала, а эффект неожиданности (ведь встретив имя, читатель готов воспринять его в знакомом ключе) увеличивает его информативную ценность. Опираясь на частотные имена, автор удерживает интерес читателя, раскрывая новые стороны привычного явления. Автор совершает творческое переосмысление стереотипа, тем самым активизируя мыслительную активность читателя, и, открывая в стереотипном новые аспекты, углубляет познание разных сторон действительности. Используя ПИ, автор исследует его скрытый ассоциативный потенциал, и, привлекая его к построению новых смыслов, расширяет и разрабатывает понятийную структуру имени, показывая его место в тезаурусе читателя и его ценность для построения новых смыслов (см. пр. на стр. 122-124). Именно АИС-символы, обладающие повышенной

ассоциативностью, способны развивать область слабого импликационала. Входя в наиболее частотную группу АИС, они служат залогом успешности декодирования смысла аллюзивного эпизода. Повышенной ассоциативностью обладают также имена литературных героев. АИС-символы-знаки сигнализируют о наивысшей степени социализации ИС, на базе которого строится образ-символ.

Расширение области имплицитного значения АИС за счет появления у них слабого импликационала происходит главным образом при участии АИС в ключевых словах текста. Следовательно, место, которое АИС занимает в смысловой сетке текста, также является одним из показателей большей или меньшей социализации АИС.

Любой законченный текст имеет сложную сеть семантических связей, участвующих в создании его целостности и связности. Сигналом семантической связности текста служит наличие в нем слов и словосочетаний, которые обозначают один и тот же объект или отношение между объектами, т.е. ЛЕ, связанных тождеством референции. Об этом же пишет В.Г.Гак: "Единицей семантической организации текста в денотативном аспекте является обозначение (номинация) как связь между языковым элементом и обозначаемым им внеязыковым объектом" [46, С.6]. Совокупность семантически организованных лексических единиц в тексте получила разные названия. В работах немецких исследователей текста Е.Агриколы (E.Agricola) [198, P.27], В.Флейшера (W.Fleischer) и Г.Мишеля (G.Michel) [205, P.193] используется термин "топиковые цепочки", а сами лексические единицы, вступающие в отношение семантической эквивалентности, называются "топиками". В советской лингвистике используются термины "тематическая сетка" (И.В.Арнольд [13]), "рекуррентность ключевых слов" (О.И.Москальская [114]), "сеть ключевых слов" (Н.А.Шехтман [192]), "номинационная цепочка" (В.Г.Гак [46]), "тематическая группа" (В.Я.Чернухина [183]).

Для определения структуры смысловой сетки текста обратимся к методике, разработанной И.В.Арнольд [13, С.131-139]. Эта методика основана на предположении, что семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются повторяющиеся в тексте значения, а в плане обозначающего особенно важны редкие слова и слова, выступающие в необычных сочетаниях. Такой подход, согласующийся с общим принципом рассмотрения элементов в их связи с целым и учета расхождений между традиционно и ситуативно обозначающим, подтверждается положениями теории информации, согласно которой наиболее информативны элементы низкой предсказуемости. Повторяясь в тексте, значения составляют его тематическую сетку. Редкие слова и необычные сочетания становятся ключевыми словами произведения. Важно, чтобы в семантике таких редких слов повторялись наиболее частотные СМ, выявленные при анализе тематической сетки. В этой связи говорят о частоте и распределении слов в тексте (Р.Мишеа [111, С.289]). Частота указывает на количество появлений слов в одном тексте, а распределение - на количество текстов, в которых слово встречается. Слово, которое появляется только в некотором количестве текстов, но часто в них повторяется, обязательно связано с особыми условиями. Оно сигнализирует о качественных особенностях текста – особенностях тематики, композиционного построения, индивидуальности авторского стиля (Н.П.Дарчук [60]).

Использование АИС для выражения ключевых смыслов произведения дает ряд преимуществ. В первую очередь, ценность АИС обусловлена их тенденцией к символизации, что обеспечивает глубину и множественность их интерпретации на фоне повышенной экспрессивности. Множественность смыслов и объемность коннотаций, свернутых в структуре одной ЛЕ, определяют ее емкость, а низкочастотность АИС акцентирует на них внимание реципиента, выделяя наиболее существенные ориентиры в тематической сетке текста. Центральная идея произведения должна, как правило, иметь четкое выражение, ясно обрисованные контуры. Поэтому для

участия в ее раскрытии автор привлекает АИС с прочно сформировавшимся импликационалом, т.е. АИС, которые имеют высокую степень социализации. Так, находясь под влиянием идей экзистенциализма, английский писатель Джон Фаулз выводит на передний план темы одиночества, поиска счастья, идеала, смысла жизни и, наконец, тему потерянности человека в современном мире, полном абсурда и нелепости. Параллели, установленные писателем через АИС с классиками, чье творчество имеет широкий резонанс, придают его произведениям дополнительную смысловую глубину, открывают просторы для толкования наиболее кульминационных моментов. Неоднократно цитируемым в романе Дж.Фаулза "Волхв" оказывается имя Робинзона Крузо, героя всемирно-известного романа Д.Дефо:

But now a thin wisp of pale smoke curled up from the root. It was no longer deserted. My first feeling was one of resentment, a Crusoe-like *resentment*, since *the solitude of the south side of the island must now be spoilt* and I had come *to feel possessive about it* [243, P.67].

Nothing appeared, everything waited. For the second time that day I felt like Robinson Crusoe [243, P.70].

Имя Робинзона Крузо неслучайно выбрано для описания чувств главного героя романа "Волхв". Во-первых, этот литературный персонаж, окруженный ореолом романтики и приключений, знаком большому кругу читателей по многочисленным киноверсиям данного литературного произведения. Во-вторых, герои романов Д.Дефо и Дж.Фаулза объединены не только общим чувством одиночества, ожидания, но и тем фактом, что они оба исследовали остров, до определенного момента необитаемый или почти необитаемый. Отсюда следует, что АИС "Robinson Crusoe" совмещает в себе несколько информационных линий: 1) одиночество; 2) ожидание; 3) приключения; 4) жизнь на острове; 5) чувство власти над островом. Некоторые из этих линий (2, 4, 5) открываются непосредственным контекстом, другие же (1, 3) восстанавливаются через соотнесение АИС с более широким контекстом всего произведения.

Окружено ореолом романтики и приключений и имя героини сказки Л.Кэролла Алисы, упомянутое в следующих примерах из романа "Волхв":

But I felt as *gladly and expectantly disoriented as happily and alertly alone*, as Alice in Wonderland. It was too exactly as imagined to be true [243, P.50].

... It was *as if he were congratulating an especially bright pupil*; and was blind, *as nonsensically blind as one of Lewis Carroll's queens before Alice*, to my obvious bewilderment [243, P.281].

Сказка Л.Кэролла "Алиса в зазеркалье" привлекает внимание многих читателей, книгоиздателей, кинорежиссеров и мультипликаторов благодаря яркости, непредсказуемости её сюжетных линий и обаянию искренней непосредственности центрального персонажа на фоне комедии абсурда. Огромная популярность произведения связана с тем, что оно рушит рамки привычного, превращая знакомый мир в пестрый водоворот неожиданных коллизий. Как и в случае с АИС "Robinson Crusoe", смысловая нагруженность АИС "Alice" многогранна: 1) одинокая девочка; 2) волнение, радостное предвкушение встречи с неизвестным; 3) недоумение перед необъяснимым; 4) чувство превосходства перед недалекими жителями "страны чудес".

Таким образом, АИС "Alice in Wonderland", являясь емким знаком ярких типичных ситуаций, а также благодаря популярности первоисточника, становится выразителем основных смысловых вех романа Дж.Фаулза "Волхв". Во втором примере АИС "Alice" получает довольно объемный контекст-комментарий, так как здесь используется менее частотная ассоциативная линия АИС (задействован слабый импликационал имени: имя-символ выступает в функции знака, имеющего более тесную привязанность к контексту). В отличие от первого примера, где контекст, направляющий ассоциации читателя, минимален, во втором примере АИС "Alice" становится АИС-знаком, намекая на менее устойчивые импликации имени.

Продолжает ряд АИС, расширяющих смысловое пространство романа Дж.Фаулза, имя легендарного скитальца Улисса:

... and yet as I walked there came the strangest feeling compounded of the early hour, the absolute solitude, and what had happened, of having entered a myth; a knowledge of what it was like physically, moment by moment, to have been young and ancient, a Ulysses *on his way to meet Circe*, a Theseus on his journey to Crete, an Oedipus still *searching for his destiny* [243, P.157].

In the end I *stared out to sea*, a little on the same principle as Ulysses when *he tied himself to the mast* [243, P.194].

I was like one of Ulysses' sailors – *turned into a swine, and able now only to be my new self* [243, P.279].

Имя Улисса давно стало символом странствий, вечного поиска. Для писателя, использующего данное АИС, было бы закономерным ограничиться минимальным контекстом-комментарием или вовсе избежать смысловой избыточности. Однако Дж.Фаулз умело помещает имя легендарного героя в специфический для имени контекст, оживляя менее частотные ассоциации (область слабого импликационала). Благодаря этому читатель не только получает возможность освежить в памяти события гомеровской "Одиссеи", но и живо представить внутренний мир и эмоциональное состояние главного героя романа "Волхв", Ника. Во всех трех примерах одно и то же АИС "Ulysses" намекает на три разных эпизода бессмертной "Одиссеи", в результате чего во всех трех примерах АИС "Ulysses" снабжено различными контекстами-комментариями. Разная детализация контекстных окружений, содержащих семантическую редупликацию одного и того же АИС, свидетельствует о том, что во всех трех примерах АИС "Ulysses" играет роль АИС-знака. Употребление ПИ в малочастотном контексте дает имени новую жизнь, повышает его смысловую нагрузку, но вместе с тем ломает его статус символа с неизменным, устойчивым импликационалом. АИС "Ulysses" становится точкой пересечения следующих ассоциативных линий: 1) встреча с колдуньей, путь к серьезному испытанию; 2) человек, всматривающийся в морскую даль; 3) человек, потерявший свое достоинство.

Проанализированные примеры показывают, что АИС, служащие выразителями основных сюжетных перипетий, получают неоднократное повторение в тексте-реципиенте. Их употребление подкрепляется вторичными деталями из текста-донора, несущими прямое указание на данное АИС, как в случае с АИС "Alice" (Alice → down, down, down):

I did not think about the future. In spite of what the doctor at the clinic had said I felt certain that the cure would fail. The pattern of destiny seemed clear: *down and down, and down*. But then the mysteries began [243, P.63].

Многие помнят знаменитый эпизод падения Алисы в кроличью нору, с которого начинается ее знакомство со сказочным миром Зазеркалья. Отголоски сравнения с образом маленькой девочки, заблудившейся в чужом незнакомом мире, появляющиеся в тексте в виде фразы-реминисценции "down, down, down", продлевают действие эффекта семантического взаимодействия двух текстовых пространств: романа Дж.Фаулза "Волхв" и сказки Л.Кэрлла "Алиса в стране чудес", указывая на соотнесенность данного сопоставления с ключевым смыслом текста-реципиента.

Кроме того, АИС, образующие смысловые узлы произведения, вступают в семантическое взаимодействие между собой. Процитированные АИС имеют отношение к семантической канве одного художественного произведения, поэтому через общие точки смыслового соприкосновения они образуют связность данного текста. Действительно, героев всемирно известных шедевров литературы (Робинзона, Улисса и Алису) объединяет предвкушение необычного, жажда приключений и одиночество. При этом выстраиваются следующие метафорические параллели. Подобно Алисе, падающей в кроличью нору, Ник (главный герой романа "Волхв") мучительно переживает духовное опустошение, опускаясь в пропасть моральной деградации. Состояние нравственного кризиса, переживаемое героем, в свою очередь, вызывает в памяти воспоминания о моряках из команды Улисса, которые под чарами коварной Цирцеи теряют человеческий облик и превращаются в свиней в прямом и переносном смысле.

Итак, необходимыми условиями, позволяющими ИС стать знаком ключевой ситуации текста-реципиента, являются следующие: 1) известность широкому кругу читателей (прецедентность); 2) яркость образа; 3) типичность ситуации; 4) повторяемость АИС в тексте-реципиенте; 5) знаковая функция прецедентного имени (опора как на сильный, так и на слабый импликационал имени).

Обратимся к использованию АИС в эпизодах промежуточного значения. Для второстепенных эпизодов характерно использование АИС разной степени социализации, но с менее разработанной структурой значения (отсутствие области слабого импликационала). Контекст строится на основе области сильного импликационала АИС, при этом отсутствует повторяемость как самого АИС в тексте, так и СМ - компонентов его значения. Такие АИС передают настроения отдельного момента повествования или служат фоном происходящих событий, что демонстрирует следующий пример:

What a country this is! A Hesperidean garden: such skies! [301]

АИС "сады Гесперид" употреблено как символ Райской страны и, будучи символом, не получает развернутого комментария. Данное АИС имеет однозначную интерпретацию и служит целям создания более яркого образа описываемого объекта. Оно несет скорее эмоциональную нагрузку, чем смысловую, и имеет второстепенное значение для всего повествования.

Символическая природа АИС выражается в её способности замещать объемный смысл, неравный значению самого ИС, и используется во ФЕ с участием АИС.

3.3.4. АИС в составе фразеологических единств

АИС в составе ФЕ определяют национально-культурное своеобразие языка. Л.В.Щерба отмечал, что "наша языковая сокровищница является неисчерпаемым запасом для всякого рода новотворства. Имею ввиду здесь не

только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, - правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы" [194, С.132]. Хотя общий корпус ФЕ содержит относительно небольшое количество единиц, образованных на основе АИС, критерий участия АИС во ФЕ однозначно указывает на высокую степень социализации данного АИС.

О.А.Леонович [95] делает обзор фразеологического фонда английского языка, содержащего имена собственные, и выделяет следующие группы ФЕ: 1) ФЕ с участием АИС-библейзмов; в общем реестре ФЕ словаря А.В.Кунина из 403 ФЕ на основе ИС нами обнаружено 48 библейзмов (напр.: *a doubting Thomas* – Фома неверующий [329, С.756]); 2) ФЕ, в состав которых входят ИС, связанные с античной мифологией; в словаре фразеологизмов А.В.Кунина мифологические имена фигурируют в 33 ФЕ (напр.: *Penelope's web* – ткань Пенелопы, тактика оттягивания [329, С.812]); 3) 148 ФЕ, в которых ИС связаны с бытом, литературой, фольклором англичан; эта группа ФЕ представляет обширный пласт АИС-историзмов, АИС-шекспиризов, АИС из легенд и эпоса (*peeping Tom* – любопытный человек [329, С.768], *Cordelia's gift* – нежный женский голос [329, С.312]); 4) 61 ФЕ, содержащие национальные топонимы (напр.: *to grin like a Cheshire cat* [329, С.133]).

Проанализировав ФЕ, основанные на использовании ИС, мы можем сделать следующее заключение. Во-первых, ФЕ на основе ИС обладают высоким уровнем абстракции, так как они являются результатом анализа и переосмысления объемных пластов литературы, истории, мифологии, Библии и т.д. Часто ИС в составе ФЕ становится "потенциальным словом", "опустошенным" лексически, нередко наблюдается появление значений "общего рода". Как правило, обобщение строится на уровне всего произведения, всей жизни исторического лица.

Во-вторых, отмечается ограниченная производность ИС в сфере фразеологизмов (за исключением высоко социализированных имен), что является закономерностью функционирования низкочастотной лексики. ИС чаще всего входят в состав одной ФЕ, тогда как частотная лексика

отличается повышенной производностью в сфере ФЕ, что доказывает надежность использования фактора вхождения ИС во ФЕ в качестве мерил его социализации (подробнее об особенностях низкочастотной лексики см. работу В.М.Мошкова [117]).

В-третьих, обращает на себя внимание использование наиболее частотных АИС, обладающих ярко выраженной национальной окраской, в составе выражений с пометой "сленг", появление отрицательных коннотаций в большинстве ФЕ, построенных на основе таких ИС (напр., *do an Adam and Eve (v) sl* - ходить обнаженными [АВС, Р.71]). Это может быть вызвано объективными экстралингвистическими причинами. Наиболее частотные имена циркулировали, как правило, в низких социальных слоях, тогда как редкие имена обладали определенной элитарностью и присваивались представителям высшей, "привилегированной касты". К такому выводу приходит А.Я.Шайкевич, который в статье "Социальная окраска имени и его популярность" исследует статистические данные о соотношении частотности имен в разных социальных и профессиональных группах [186]. Частотные имена являются воплощением типичности, с одной стороны, а, с другой стороны, серости, невыразительности, "толпы", что и приводит к появлению отрицательных коннотаций в их значениях.

В-четвертых, очевидна эвфемистическая функция прецедентных имен-участников ФЕ, которая объясняется снятием резко отрицательных эмоций, вызываемых каким-либо социально неодобряемым явлением, за счет употребления в отношении него самых знакомых, понятных, "родных" имен, и, таким образом, признания этого "зла", "порока" неприятной, но неизбежной частью социальной жизни.

В-пятых, ФЕ образуются на базе наиболее частотных ПИ. Основой значения ФЕ выступает сильный импликационал ИС, что объясняет частое отсутствие контекстов, содержащих семантический повтор ассоциативного значения ИС, либо сжатость таких контекстов, или же редупликацию элементов коннотативного компонента смысла, передаваемого ИС.

Наконец, анализ ФЕ на основе ИС топонимов и антропонимов указывает на повышенную ассоциативность последних, что проявляется во вхождении одного и того же ИС-антропонима в несколько ФЕ, в то время как одно и то же ИС-топоним образует максимум две ФЕ (напр.: *Messa* - часто посещаемое место; *Athens* – культурная столица; *Hollywood* - центр развлечений). Это закономерность доказывает, что ассоциативность возникает на базе какой-либо активности, деятельности. Чем богаче, разнообразнее деятельность объекта-носителя ИС, тем более высок уровень ассоциативности имени, которое он носит. Даже во ФЕ с ИС-топонимами очевидно, что они символизируют деятельность, которая сосредоточена в указанных населенных пунктах. Этот вид связи (место→деятельность), являющийся разновидностью метонимии, подтверждает тот факт, что именно активность творящего субъекта (человека) способна оживить, наделить особым звучанием отдельные точки на карте мира.

Участие АИС во ФЕ служит показателем их высокой социализации.

3.3.5. Переход ИС в класс имен нарицательных и в другие части речи

Анализ примеров показывает, что АИС имеют выраженную тенденцию к переходу в разряд прилагательных, что подчеркивает предикативный характер ИС, их тяготение к передаче качественной характеристики предмета. В ряде примеров АИС, используемые в функции определения, имеют с существительным, которое они определяют, общий СМ. К общему СМ у АИС в форме прилагательного добавляются различные денотативные и коннотативные СМ. Проанализируем особенности функционирования АИС "Wagner", употребленного в форме прилагательного в контексте пьесы О.Уайльда "Как важно быть серьезным" ('The Importance of Being Earnest'):

Algernon: (The sound of an electric bell is heard.) Ah! That must be Aunt Augusta. Only relatives, or creditors, ever ring in that Wagnerian manner [276, P.673].

Пример демонстрирует блестящее чувство юмора О.Уайльда, прославившегося своими афоризмами, парадоксами, облеченными в форму забавных житейских истин и колких социальных острот. В примере мы встречаем ироничное отношение героя пьесы к родственникам, которых он причисляет к одной когорте с кредиторами: и те, и другие настойчиво требуют, одни – возврата долгов, другие – возврата долга сыновней любви и внимания. Поэтому как кредиторы, так и родственники звонят в дверь неприятно громко и требовательно и заставляют вспомнить мощную по звучанию музыку немецкого композитора Р.Вагнера. Контекстная семантика АИС "Wagnerian" включает СМ, соответствующий объему понятия того существительного, которое оно определяет (*manner*) и добавочный СМ, расшифровывающий качественное содержание этого понятия (*The sound of an electric bell*), а также коннотативный СМ, передающий раздражение, вызываемое навязчивостью кредиторов и родственников.

Сигналами перехода АИС в класс имен нарицательных могут служить артикли или категория числа.

Употребление АИС с артиклем является знаком семантического сдвига, переосмысления структуры значения ИС. Как было показано выше, АИС выстраивает ряды подобия между уже имеющимся в опыте и новой ситуацией, явлением и т.д. Артикль при этом указывает на большую или меньшую степень уподобления. Так АИС, употребленное с неопределенным артиклем, семантически модифицируется в "нечто вроде", "своего рода". В словаре В.Даля находим следующее определение существительного "род" – (*логич.*) сходство предметов по некоторым главным качествам и собирание их под одно общее наименование, где каждый предмет порознь представляет отдельный вид [338, Т.3, С.1702]. АИС, модифицированные определенным артиклем, переводятся как "вылитый", "ни дать, ни взять", "точь-в-точь". В словаре В.Даля находим следующую дефиницию "ни дать, ни взять" - "точь-в-точь" [338, Т.1, С.1028], а последнее трактуется как "во всем равный, подобный, без розни" [338, Т.4, С.815].

Мы можем сделать вывод о функции артиклей как ограничителей объема понятия, содержащегося в слове. Неопределенный артикль указывает на родовую принадлежность, т.е. нестрогое соответствие двух референтов (при наличии отдельных общих признаков эти референты могут отличаться в остальном наборе СМ). Определенный же артикль, напротив, приравнивает два референта, как обладающие идентичным набором признаков, устанавливая тем самым их строгое соответствие друг другу. Неопределенный артикль указывает на общность рода; определенный артикль – на общность вида. Проследим на примере влияние неопределенного артикля на семантику АИС:

"I don't pretend to be *a great painter*," he said. "I'm not a Michael Angelo, no, but I have something" [260, P.70].

Герой романа У.С.Мозма Дёрк Стрём, будучи художником и человеком широкой эрудиции в области искусства, обладал редким даром – умением отличить истинно талантливую картину от заурядной. Однако когда речь шла о его собственных картинах, он не мог разглядеть их вульгарности и отсутствия какой-либо художественной ценности. Хотя Дёрк и не преувеличивал своей значимости в мире искусства, он считал себя в некотором смысле оригинальным. Высказывание "I'm not a Michael Angelo" может трактоваться как "я не великий художник", где АИС "a Michael Angelo", модифицированное неопределенным артиклем, указывает на наивысший уровень обобщения образа великого деятеля эпохи Ренессанса, а именно, его величие и выдающийся талант.

Следующий пример иллюстрирует роль определенного артикля в создании имплицитного значения АИС:

So a toast to Mel Brooks, mad genius behind "The Producers"; Julia Roberts for her Oscar win; Harry Potter, the millenium's new Merlin; and to all the others, who *worked their magic* when we needed it most ([291], 2002).

Первый номер журнала "People" за 2002 год делает обзор достижений года минувшего, отдавая дань всем деятелям искусства, сделавшим этот год

памятным. Как отмечает журнал, все они, каждый по-своему, творили чудо. Но Гарри Поттер, безусловно, заслужил титул волшебника Мерлина нового тысячелетия. Определенный артикль при АИС "Merlin" устанавливает отношения полной идентичности двух сопоставляемых личностей (величие + направление деятельности (магия) + положительные коннотации).

Употребление АИС во множественном числе устанавливает такое же отношение идентичности сравниваемых объектов, как и их употребление с неопределенным артиклем, т.е. форма множественного числа АИС показывает на существование целого класса объектов, объединенных родовым сходством при возможном различии видовых признаков, что очевидно из следующего примера:

A martyr. Imprisoned, unable to grow. At the mercy of this resentment, this hateful *millstone envy* of the Calibans of this world. Because they all hate us, they hate us for being different [240, P.206].

Форма множественного числа АИС "the Calibans" в сочетании с родовой, обобщающей функцией определенного артикля указывает на устойчивый, генетический характер явления, заложенного в природе человека, разнящейся в своих остальных проявлениях, – ограниченность человеческой природы и, как следствие, неприятие любой оригинальности. На протяжении романа "Коллекционер" АИС "Caliban" претерпевает семантическое развитие и с каждым новым употреблением поднимается на все более высокую ступень обобщения. Проследим изменение семантики АИС "Caliban" в текстовом пространстве романа Дж.Фаулза "Коллекционер". Появлению этого АИС в романе предшествует целый ряд отрицательных персонажей, упоминая которых, главная героиня Миранда стремится выплеснуть свой гнев по отношению к людям, жаждущим власти над жизнью других, подобно ее пленителю Фредерику. Первым появляется Холден Колфилд, персонаж романа Д.Сэлинджера "Над пропастью во ржи":

I gave you that book to read because I thought you would feel identified with him. You're a Holden Caulfield. *He does not fit anywhere and you don't. He*

tries to construct some sort of reality in his life, some sort of decency [240, P.205].

В этом примере ИС претерпевает апеллятивизацию, превращаясь в ИН. Неопределенный артикль указывает на существование целого класса подобных людей и Фредерика как одного из его представителей. Фредерик - типичный неудачник, который стремится найти опору и безопасность в жизни, построив свой собственный мир, отгороженный от реальности, где ничто непредвиденное не сможет нарушить его тщательно продуманный и оберегаемый покой. Таким образом, неопределенный артикль носит классифицирующую функцию и, модифицируя ИС, нарушает уникальность его денотата. Холден Колфилд оказывается уже именем не одного человека, а целого класса подобных людей, объединенных общими чертами. Сигнификат АИС тоже претерпевает трансформацию: он становится более четким, акцентированным, несет понятие о типичности поведения людей определенного склада. Произведение Сэлинджера "Над пропастью во ржи" знакомо не очень широкому кругу читателей, и, тем более, не известно главному герою, Фредерику, человеку ограниченного кругозора. Автор романа словами главной героини поясняет читателю в обобщенном, но распространенном семантическом повторе (выделен в примере курсивом), что именно он имеет в виду, употребляя АИС "Holden Caulfield", оставляя в тени детали романа Сэлинджера. Вслед за Холденом Колфилдом появляется герой сказок "Тысяча и одна ночь" Старик-рыбак.

'I know what you are. You're the Old Man of the Sea.'

'Who's he?'

'The horrid old man Sinbad had to carry on his back. That's what you are. *You get on the back of everything vital, everything trying to be honest and free, and you bear it down*' [там же, P.222].

Здесь АИС "the Old Man of the Sea" модифицировано определенным артиклем, который подчеркивает, что Фредерик и есть тот самый старик-обуза, непреодолимая преграда на пути к свободе. В данном случае

определенный артикль выполняет указательную и выделительную функцию, так как подчеркивает идентичность Фредерика и его прототипа. АИС получает новый денотат, сохраняя свой импликационал, благодаря чему понятие-представление о персонаже легендарных сказок становится понятием-представлением о герое современного романа. АИС, как мы видим, позволяет совместить в одной структуре прошлое и настоящее, указывая на их диалектическую связь. Оба примера описывают отчаяние Миранды, тщетно пытающейся разбудить здравый смысл в своем пленителе Фредерике, замкнутом, ограниченном человеке, с болезненной настойчивостью преследующим свою, только ему понятную цель. С нарастанием негодования Миранды в семантике ИС усиливается негативность коннотаций. Так, старик-моряк и Холден Колфилд уступают место Калибану, персонажу, заимствованному из пьесы У.Шекспира "Буря", который также фигурирует в романе О.Уайльда "Портрет Дориана Грея" как символ человека нелогичного и жестокого. Образ Калибана преследует Миранду, которая иначе и не воспринимает Фредерика:

She just looked at me.

'Ferdinand', she said. 'They should have called you Caliban' [там же, P.61].

She liked to get me stumbling after her (as she said one day – poor Caliban, always stumbling after Miranda, she said), sometimes she would call me Caliban [там же, P.66].

Реальное имя главной героини и прозвище, данное ею своему пленителю, постоянно вступают в семантическую переключку с образами уже когда-то созданных персонажей и, волей-неволей, заставляют читателя соотносить контекст повествования и литературное наследие классиков:

It is not that I have forgotten what other people are like. But other people seem to have lost reality. The only real person in my world is Caliban [там же, P.140].

В приведенных примерах наблюдается переключка смыслов на уровне отдельных персонажей, отдельных личностей. По мере развития сюжета и

углубления суждений Миранды, ее мысли становятся все более и более обобщающими, свидетельствуя о безысходности и отчаянии:

How I hate ignorance! Caliban's ignorance, my ignorance, the world's ignorance! [там же, P.150]

All golf and gin and bridge and cars and the right accent and the right money and having been to the right school and hating the arts. Well, that is foul. But Caliban's England is *fouler* but you have to face up to England and *the apathy* of the environment and *the great dead weight* of the Calibanity of England [там же, P.161].

В последнем примере обобщение уже сопоставимо с масштабами целой страны, а в следующем примере, когда напряжение и угнетенное состояние героини достигают предельной точки, символ приобретает мировой характер:

It's true. He is the Old Man of the Sea. I can't stand stupid people like Caliban, with their great deadweight of pettiness and selfishness and meanness of every kind. And the few have to carry it all. The doctors and the teachers and the artists – not that they haven't their traitors, but what hope there is, is with them....Why should we tolerate their beastly Calibanity? Why should every vital and creative and good person be martyred by *the great universal stodge* around? [там же, P.205-206]

Здесь АИС "Calibanity" становится ИН, обозначающим общественное явление, воплощением которого является главный герой романа Дж.Фаулза. В контекстном окружении АИС автор в очередной раз, направляя движение мысли читателя раскрывает суть этого явления, переосмысление семантики АИС: "Calibanity – the great universal stodge" (калибанизм, как самодостаточность, инертность, умственная стагнация). Употребление АИС с суффиксом абстрактных существительных –ity указывает на наивысшую степень обобщения ассоциаций АИС "Caliban" - сильный импликационал.

Так, АИС "Caliban" стало смысловой осью, вокруг которой происходит аккумуляция смыслов романа и нарастание его эмоционального напряжения.

Характерной чертой использования аллюзий в романе Дж.Фаулза "Коллекционер" является их преобладание в повествовании от Миранды, что свидетельствует о более высокой степени ее духовного развития и служит способом характеристики персонажа. Как видим, с помощью аллюзии осуществляется сложное и многоплановое взаимодействие между эпохами, литературными произведениями, текстом-источником аллюзии и текстом-реципиентом, дающим ей новую жизнь.

Как продемонстрировали примеры, переход АИС в другие части речи часто сопровождается участием ИС в префиксальной или суффиксальной моделях словообразования. У АИС, участвующих в таких моделях, как и у АИС, модифицированных артиклем, либо употребленных в форме множественного числа, происходит переконфигурация семантической структуры, которое можно обозначить общим термином "вторичная номинация", так как в словах, построенных на основе АИС при помощи добавления префикса, но чаще суффикса, присутствует операция абстрагирования, отвлечения от уже существующего уникального объекта с акцентуацией только одного типичного свойства (дифференциального признака). При этом просматриваются две группы суффиксов: 1) суффиксы, где происходит глобальная типизация на основе этого признака (-ite; -ism); 2) суффиксы, указывающие на слабое присутствие какого-либо одного ключевого качества (-like; -ish; -esque). Выделенное у референта АИС качество, как правило, соответствует его сильному импликационалу. Подобно лимитирующей функции артикля, деривационные модели являются своего рода рамкой, ограничивающей экстралингвистическое содержание АИС до наиболее маркированных признаков. Функция деривационных элементов, в таком случае, может считаться указательной, так как они указывают на то, что данное ИС передает определенные качественные характеристики, и настраивают получателя сообщения на поиск этих признаков. Проследим эту тенденцию в следующем примере:

Las Vegas has become that place in America, less because of its own transformation of the nation. Las Vegas has become Americanized, and, even more, America has become Las Vegasized.

There is a Jorge Luis Borges story called 'The Aleph' that describes the magical point where all places are seen from every angle. The place [The Luxor] has hectares of casino space – but the slots and blackjack tables are, astoundingly, quite separate from and mostly concealed by the Disney-esque fun and games ([308], Jan. 1994, №2).

Автор статьи в американском журнале "Тайм" критично анализирует жизнь Лас-Вегаса – центра американской индустрии развлечений. Он отмечает, что подобно тому, как Лас-Вегас американизировался (подчеркивается распространение попкультуры, серости), так и Америка испытала на себе влияние Лас-Вегаса (произошел сдвиг ценностей американцев с акцентом на развлечения, праздность, вульгарную пестроту). Описывая гостиницу "Луксор", имитацию египетской пирамиды, автор замечает, что истинное предназначение нового центра развлечений с целыми акрами земли, отведенными под многочисленные казино, искусно завуалировано под маской легких детских развлечений в стиле Диснеевских парков. Так, АИС "Las Vegasized" и "Disney-esque" стали олицетворением нового американского менталитета. С лингвистической точки зрения, их употребление в суффиксальной словообразовательной модели говорит о прозрачности их семантики для большинства представителей американской культуры и, следовательно, о высокой прецедентности этих имен в американском лингвокультурном сообществе.

3.3.6. Факторы вхождения ИС в словари

Отражением процессов символизации, перехода в другие части речи, апеллятивизации, закрепления за ИС фразеозначения и высшим этапом

социализации ИС является их включенность в словари общеупотребительной лексики. Проанализируем факторы, способствующие этому процессу.

1. Время возникновения. Как правило, корпус ИС, ведущих свою историю из далекого прошлого, состоит из имен, этимологию которых следует искать в Библии или мифах. Чаще всего такие АИС несут некие ядерные смыслы, определяя ключевые прецедентные ситуации, качества, отношения. К АИС, характеризующимся большим возрастом, относятся и АИС-историзмы. Например, АИС "Fabian policy (tactics)" – осторожная, выжидательная политика (по имени римского полководца Фабия, прозванного "Медлительным" (около 200 г. до н. э.) [W, P.551]). АИС "Fabian policy (tactics)" - аллюзия с тысячелетней историей.

2. Простота ассоциативного механизма, устанавливающего связь между ИС и первоисточником:

"Newgate fashion" – шекспировское выражение, означающее по двое, попарно (подобно узникам Ньюгейтской тюрьмы):

Falstaff: How now, lad! Is the wind in that door, i'faith! must we all march?

Bardolf: Yea, *two and two Newgate* fashion (W.Shakespeare, "King Henry IV", цит. по [328, С.364]).

Пример намекает на строгий уклад тюремной жизни, ее жесткие порядки. У.Шекспир уточняет значение идиомы в ее ближайшем контексте.

"Barmecide feast" – пир, на котором нечего есть, мнимое благодеяние, воображаемое изобилие [328, С.370]. В одной из сказок "Тысяча и одной ночи" богач Бармакид пригласил бедняка пообедать с ним, а сам приказал слугам подавать пустые блюда. В данном примере идиома основана на метафорическом переносе. АИС "Barmecide" – знак экстралингвистической ситуации, сжатая модель текста.

Анализ примеров показывает, что прозрачность ассоциативного механизма определяется наличием определенных знаний, характерных для данного лингвокультурного сообщества в данный временной промежуток. Закрытие Ньюгейтской тюрьмы определило короткий век идиомы "Newgate

fashion", которая вышла из употребления вместе с исчезнувшей реалией. Большинство процитированных идиом понятно лишь англоязычным членам социума, так как входят именно в их пресуппозиционный фонд.

3. Отсутствие узкой специализации АИС. АИС должно входить в фоновые знания большинства членов лингвокультурного сообщества.

to out-Herod Herod – превзойти Ирода в жестокости, переусердствовать.

I was playing the part of Richard the Third in a country barn, and absolutely "out-Heroding Herod". An agent of one of the great London theatres was present (W.Irving, "Tales of a Traveller", цит. [по 329, С.385]).

Библия относится к числу таких текстов, с которыми хорошо знакомо большинство населения Англии. Будучи у всех на слуху, АИС-библейзмы вызывают яркие, четкие и однозначные ассоциации. Следует сделать оговорку, однако, и определить роль и статус религии в лингвокультурном сообществе. Естественно, религиозность англичан определила большое число часто цитируемых библейских имен, тогда как в русскоязычных текстах этот показатель будет значительно ниже, по причине ограниченности влияния религии на народ в течение семидесятилетней истории СССР. Библейские АИС при переводе произведений художественной литературы на русский язык, как правило, выносятся в комментарий.

4. Связь ИС с популярными, массовыми видами деятельности: театр, праздники, базары, улицы и т.д. :

Donnybrook Fair – шумное сборище, галдеж, "базар" (по названию ежегодной ярмарки до сер. 19 в. близ г. Дублина) [328, С.358].

5. Принадлежность ИС к группе наиболее частотных простонародных имен (напр.: Jack and Jill – парень и девушка [329, С.413]; to play the jack with smb – обманывать, мошенничать [328, С.589]).

6. Участие ИС в народном эпосе (игры, народные стишки, рифмовки):

Tom Tiddler's ground – "золотое дно" (из детской игры) [328, С.476].

Jack's alive – шотландская игра, в которой зажженная бумага передается по кругу (уст. "курилка") [328, С.588].

7. Бурное эмоциональное отношение, вызываемое событиями, символами которых являются АИС:

Jack the Ripper – злодей [328, С.588]

Jack Ketch – палач (по имени английского палача XVII в.) [328, С.590]

8. Необходимость в словах-эвфемизмах.

Нами были выделены факторы, препятствующие вхождению АИС в словарь. Среди них отметим следующие:

1) АИС по своей природе являются продуктом вторичной номинации, а словари преимущественно фиксируют норму, слова в их прямой денотативной функции, а также языковые метафоры.

2) Значение АИС может быть передано при помощи синонимичных выражений, входящих в фонд наиболее частотной общеупотребительной лексики, что снимает эффект "игры", недосказанности, намека.

3) АИС чаще всего описывают реальность не мира вещей, а более сложного порядка – социума, что делает употребление АИС крайне субъективным и несовместимым с требованием объективности, предъявляемым к общеупотребительной лексике.

4) Понятие, передаваемое АИС, в большинстве случаев абстрактно, что также затрудняет вхождение АИС в общий фонд лексики.

5) Ассоциативная природа АИС делает их индивидуальными, контекстуально связанными, образованиями "на данный случай" (ad hoc). Ассоциативная сущность АИС ведет к множественности их интерпретаций, которую, в отличие от полисемии, часто не удастся предугадать.

3.4. Сравнительный анализ функционирования АИС в художественных и публицистических текстах

Социализация АИС проходит по мере их функционирования в текстовых пространствах, основными из которых являются художественные

и публицистические тексты. Представим основные черты публицистического стиля, определяющие особенности употребления в них АИС.

Хотя многие авторы указывают на многожанровость публицистического стиля и отсутствие однородности, мы придерживаемся точки зрения И.В.Арнольд, которая считает, что выделить общие черты публицистического стиля все же можно, и приводит его краткий обзор [13, С.265-272]. Основным свойством организации информации в статье является емкость, её зависимость от контекста должна быть минимальной. М.И.Фомина выделяет следующие дифференцирующие признаки, свойственные газетно-публицистическому стилю: 1) действенный характер публикаций; 2) логичность изложения; 3) информативная значимость; 4) модальность объективная и субъективная; 5) конкретность; 6) фактическая точность. Публицистический стиль имеет своей основной функцией воздействие на волю, сознание и чувства читателя [176, С.255].

Изучением газетно-публицистического стиля занимались такие лингвисты, как М.Д.Кузнец и Ю.М.Скребнев [89], И.Р.Гальперин [48, С.383-405; 206, Р.293-307], С.П.Суворов [155], В.Л.Наер [119] и др. Ограниченность газетного пространства диктует требование экономии языковых средств: выразить меньшим числом лексических единиц более объемный смысл. В жанре телетайпных сообщений нет потребности в комментарии, эмоциональном отзыве на произошедшие события, но для развернутых статей это насущно. Здесь как нельзя лучше подходит аллюзия как прием, расширяющий информативное пространство текста. Во-первых, использование аллюзии вызывает предсказуемую эмоциональную реакцию за счет переноса эмоционального отношения к уже произошедшему на новое событие, как, например, в следующем примере:

Film director Quentin Tarantino is known for his Midas touch, and Pam Grier, the star of his latest blockbuster, Jackie Brown, will be no exception [303].

В примере речь идет о прославленном американском кинорежиссере Квентине Тарантино и его чудотворном даре превращать любой фильм,

который он снимает, в несомненный успех. АИС "Midas" несет яркую положительную оценку творчества кинорежиссера. Классические АИС более ярко и определенно выражают эмоциональное отношение, так как они имеют закрепленные временем и практикой коннотации.

Во-вторых, аллюзия наделяет сообщение важностью: событие приобретает дополнительные масштабы значимости. Так в нижеприведенном примере АИС "Rodin's *Thinker*" придает особую важность обычному чиновнику-градостроителю, которого сравнивают с известным творением знаменитого скульптора Родена:

But Steve Norris wants to build on what London already has. Talking straight to TV camera and posing like Rodin's Thinker *with his hand under his chin*, he called for a thorough audit of the borough's empty houses and praised Chicago's Mayor Daley for getting art into public parks ([300], 2000).

Градостроитель отвечает на вопросы журналистов, подперев подбородок, совсем как "Мыслитель" со скульптуры Родена. Семантический повтор-экспликация (выделенный курсивом) позволяет читателю зрительно представить шедевр французского мастера.

В-третьих, аллюзия помещает описываемые события в социально-исторический континуум, обеспечивая энциклопедичность знаний читателя, цельность видения культуры, аналитичность восприятия – способность искать аналогии, сравнивать, сопоставлять, что особенно важно в статьях на политическую тематику. Рассмотрим пример, описывающий непростые взаимоотношения европейских государств-соседей Франции и Польши, последняя, как известно, изъявила желание стать членом НАТО:

Poles love America but want to be at the heart of Europe too.

They have a new nickname in Warsaw for the French president: Jacques Brezhnev. Mr. Chirac's rebuke to Poland and other central European countries for signing a pro-American letter in the midst of the Iraq crisis has not – to put it mildly – gone down well. Wladyslaw Serafin, head of the main farmers' union, says that the emergence of a "western Brezhnev" has made it harder to campaign in

favour of Poland joining the EU when the country votes in a referendum ([295], March 2003).

Прозвище "Жак Брежнев", которое поляки дали президенту Франции Жаку Шираку, воскрешает в памяти великодержавный шовинизм бывшего СССР, проводившего покровительственную политику в отношении стран социалистического блока. Имя Леонида Брежнева стало символом советского прошлого, как наиболее застойного периода развития страны. Освободившись из-под бремени диктата "Великого Брата", страны бывшего социалистического блока попали под "тяжелую руку" могучих европейских соседей, стремящихся взять бразды правления в свои руки. Недовольство поляков выразилось в красочном прозвище, отмечающем ненавистное прошлое и осуждающем "не совсем демократичное" настоящее.

По мнению И.Р.Гальперина, существо публицистического стиля составляют заголовки и объявления [48;206]. Специфическое построение английских газетных заголовков служит различным целям: заинтересовать читателя заметкой и обеспечить компрессию информации. В.Л.Наер отмечает, что в газетном заголовке элементы информации сочетаются с элементами оценки, что в заголовках используется лексика с различной стилистической окраской, каламбуры, разложение фразеологических единиц и другие стилистические приемы [119]. Проследим особенности заголовков, в состав которых входят АИС, на материале публикаций англоязычной прессы. Заголовки подчеркивают символическую природу АИС: они несут обобщение прецедентных ситуаций. Одного АИС достаточно, чтобы в общих чертах представить содержание статьи.

"The New Adolf Hitler?" ("Time", 1999) – так называется статья о новом диктаторе, злом гении (речь идет о лидере Сербии Слободане Милошевиче). Заголовок предвосхищает повествование о преступлениях диктатора современности, создает почву для отрицательного общественного мнения.

Анализ примеров показал, что заголовочные АИС сжато, в общих чертах обрисовывают тематику статей, настраивая читателей на восприятие

той или иной темы в сравнительном ключе (сопоставляются реальное событие современности и известный факт прошлого, на который указывает АИС в заголовке). АИС идеально удовлетворяют требованиям, предъявляемым к заголовкам. Они кратки, но емки. АИС задерживают внимание читателя, так как они персонифицированы и знакомы. В то же время читатель надеется получить оригинальную интерпретацию ПИ в тексте статьи. Это подстегивает его интерес к прочтению самой статьи. Само же АИС, содержащееся в заголовке, получает лексическое наполнение только через обширный контекст всей статьи. АИС в заголовках дают читателю эстетическое удовольствие: это знак доверия автора к интеллекту читателя, его эрудиции. Интересно проследить взаимодействие АИС в заголовках с первоисточником заимствования. В данной позиции АИС часто автономны в смысловом плане, не зависят от первоисточника:

"Charlotte's Web" ("The Independent", 2000) – статья о женской красоте, помогающей женщине ловить мужчин в сети своего обаяния, словно в паутину. Сама статья не имеет никакого отношения к событиям аллегорического произведения, знакомящего детей в увлекательной форме с миром животных.

"Uncle Tom Justice" ("Time", 1995) – статья о новом суровом чернокожем прокуроре. Статья не имеет смысловых переключек с романом Г.Бичер-Стоу "Хижина Дяди Тома", главный герой которого негр Том отличается добродушием и милосердием.

В заголовках прецедентное АИС помещается в необычное окружение. Газетные заголовки используют лишь внешнюю знаковую АИС, игнорируя их импликационалы. АИС выступают в роли "зазывал". Семантика заголовочного АИС, как правило, остается до конца не раскрытой в самой статье, либо имя получает самую общую трактовку.

От особенностей функционирования АИС в публицистических текстах перейдем к их специфике в художественных текстах. Хотя многие лингвисты отрицают существование единого стиля художественной литературы в силу его сложности и многоликости, мы склоняемся к необходимости придания

ему самостоятельного статуса, так как, несмотря на его полифоничный характер, он накладывает отпечаток интегральности на другие стили, объединенные под его названием. Неслучайно, проблема художественного стиля подробно разрабатывается в современной лингвистике, в особенности в связи с понятием дискурса. Многие лингвисты заняты уточнением определения текста по пути выявления присущих ему признаков или категорий. Среди них назовем таких лингвистов, как И.Р.Гальперин [49], М.Хэллидей [211], К.Гаузенблас, И.П.Сусов [159], Г.В.Колшанский [79], П.Хартман (P.Hartmann [212]), В.Дресслер (W.Dressler [201]), Е.Агрикола (E.Agricola [198]), М.Фютце (M.Pfütze [226]) и др.

И.Р.Гальперин дает следующее определение текста: "Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, обьективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку" [49, С.18]. Мы рассматриваем данное определение как наиболее исчерпывающее, точно отражающее сущность текста в его характерных чертах.

Художественный текст направлен не столько на презентацию объективной информации, сколько на передачу субъективной, эмоциональной точки зрения по поводу описываемых событий. В результате, художественный текст тяготеет к словам со вторичным значением, при этом язык выступает как форма искусства, особый тип эстетической словесной структуры (В.В.Виноградов [39], А.А.Потебня [133]).

Итак, если в публицистическом тексте доминирует стремление к экономии, то в художественном тексте, напротив, на первое место выходит семантическая избыточность, орнаментальность. Основной чертой художественного текста является возникновение подтекста (см. подробнее

глава 2 (2.6)). Если в газетном тексте слова воспринимаются в их прямом значении, а информация эксплицитна, то ценность художественного текста в его имплицитности, недосказанности, "многосмысленности", в переключке смыслов, в диалоге смыслов, умножении смыслов. Наиболее важным для художественного текста является его социокультурный смысл, его проникнутость идеями, фактами, описывающими мир социума. С этой точки зрения, художественный текст чрезвычайно гуманистичен: он приобщает читателей к проблемам, волнующим умы человечества. По той же причине текст становится "говорящим", так как он устанавливает диалог со своим читателем, помещает интеллектуальный мир читателя в новое окружение. Это вызывает переструктурирование имеющихся знаний читателя и ведет к новым откровениям. В этой связи примечательно развитие семантики мифологических имен в контексте современных произведений. Следующий пример по-новому трактует мифологический образ Дафны. Сохраняя символическое значение невозможности сопротивления обстоятельствам, АИС "Daphne" одновременно отражает специфику нового времени:

There came over her a nostalgia for the place. She hated it, she knew how utterly cut off it was, how hideous and how sickeningly mindless. Sometimes she beat her wings like a new Daphne, turning not into a tree but a machine [254, P.129].

Дафна, спасаясь от преследований влюбленного в нее Аполлона, превращается в лавровое дерево. Героиня романа Д.Г.Лоренса "Влюбленные женщины" Гудрун также тяготится романтическими отношениями с любящим ее Джеральдом, но, в отличие от древнегреческой Дафны, превращается образно в машину (намек на пагубное влияние цивилизации на "естественные", духовные отношения людей). Упоминание древнегреческой нимфы привносит вечные мотивы в роман: читатель видит в образе современной женщины те же тревоги, которые терзали героев классических мифов. Неопределенный артикль указывает на отдаленное сходство двух девушек, разделенных веками исторических событий и различием культур.

Смысл современного текста лишь набросан штрихами, пунктирной линией, читатель же должен пройти этот путь смысловотворчества и провести свою уверенную линию понимания текста, соединяющую точки – эксплицитные детали текстового пространства. Именно такой актуально присутствующей деталью, требующей развития, достраивания, толкования, и являются АИС, которыми изобилуют тексты современных авторов (об особенностях использования АИС в художественном тексте см. также 3.3.3.).

Разные функциональные черты публицистического стиля (ясность, краткость) и художественной прозы (многослойность смысла, эстетичность) обусловили особенности употребления в них АИС. Остановимся подробнее на этих отличиях.

1. Газеты – зеркало современной жизни, поэтому АИС, используемые ими, принадлежат современности, тогда как художественный текст тяготеет к АИС, проверенным временем и передающим непреложные смыслы и истины. Авторы современных романов активно прибегают к АИС с многовековой историей, обладающим мощным запасом экспрессивности, как, например, это делает У.С.Моэм в романе "Маг":

But one phrase escaped him almost against his will.

'The first time I saw her I felt as though a new world had opened to my ken'.

The divine music of Keats's lines rang through Arthur's remark, and to the Frenchman's mind gave his passion a romantic note that foreboded future tragedy [259, P.8].

Кто как не поэты ярче и нежнее скажет о любви. Неслучайно в словах молодого человека о своей возлюбленной слышны нотки Д.Китса, поэзия которого отличалась чувственной романтичностью.

Классические АИС более употребительны в публицистических статьях на политические и экономические темы. Например, в статье, описывающей этнические проблемы Сербии, упоминается имя Кассандры – древнегреческой пророчицы гибели Трои:

Tito is gone, and the nation he forged has discovered life without him. Confounding a host of Cassandras, the forces holding the country together are still stronger than those that tend to divide it ([308], 1995).

Тито, видный югославский революционер и политик, основатель социалистического государства, просуществовавшего до 1991 года, ушел с политической сцены Сербии, и сербы открывают новую страницу жизни уже без его участия. На фоне продолжающихся междоусобных конфликтов и угроз близкого краха страны из уст местных "Кассандр" крепнут силы, которым суждено сплотить враждующий народ. АИС "Cassandra" употреблено с опорой на сильный импликационал, что объясняет отсутствие контекста с семантическим повтором имени.

2. Газеты прибегают к АИС высокой частотности и высокой степени социализации, так как такие АИС хорошо знакомы читателю. Достигается цель газетной статьи: однозначность в трактовке информации. Напротив, в художественном тексте частотны редкие АИС, среди которых встречаются и профессионализмы, которыми изобилует роман Дж.Фаулза "Башня из черного дерева" (см. пр. на стр. 68).

Анализ примеров показал, что публицистические тексты обращаются преимущественно к АИС, принадлежащим двум культурным пластам: классика и современность. АИС, входящие в классический пласт, содержатся в фоновых знаниях читателя, так как они образуют минимум общекультурных знаний данного лингвокультурного сообщества. АИС, относящиеся к современности, принадлежат тем, кто постоянно находится под прицелом телекамер, неординарным представителям различных видов социальной активности, кого в Англии называют "public people". Если редкое АИС употребляется в газетном тексте, то оно снабжается подробным контекстом-комментарием, что исключает ошибочное понимание или недопонимание читателя, как, например, имя спартанского царя Леонида:

Yet, it is the firefighters, valiant warriors on a flame-filled vertical battlefield, who have taken on the mantle of legend, like the Spitfire pilots in the

battle of Britain or Leonidas's 300 Spartans *holding the line at Thermopylae* – the few, to paraphrase Churchill, giving so much for so many ([291], 2002).

Леонид (508 – 480 до н. э.), возглавивший греческое войско в греко-персидских войнах против персидского царя Ксеркса, погиб в сражении у Фермопил, прикрывая с небольшим отрядом спартанцев отступление греческого войска. В античных преданиях Леонид – образец патриотизма и воинской доблести [331, Т.10, С.121]. Отвага пожарников при тушении пожара, вызванного падением башен Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г., сравнима с мужеством благородного спартанца, а также оживляет в памяти события Второй Мировой войны и бесстрашный бой английских летчиков, оказывавших отчаянное сопротивление ночным налетам немецкой авиации в течение 57 дней в сентябре-октябре 1940.

Как правило, публицистические АИС употребляются в клишированных контекстах (за исключением газетных заголовков). Это обеспечивает полное восстановление пропущенной информации. В художественном тексте прецедентное АИС часто употребляется нестандартно, что приводит к дополнительному смыслоприращению (см. 3.3.3.).

3. Публицистические АИС семантизируются через меньший по объему контекст (в силу ограниченного пространства газетной статьи и большей определенности газетной информации), чем АИС в художественном тексте, которые могут затрагивать разные уровни текстовой композиции.

4. Наблюдается функциональное размежевание АИС в художественном и публицистическом текстах. Хотя АИС обоих стилей характеризуются идентичным набором функций, тем не менее своеобразие каждого стиля откладывает отпечаток на выдвижение роли той или иной функции. Художественный текст использует потенциал АИС в образовании многомерности смысла, поэтому основными функциями аллюзии в этом тексте выступают функция создания подтекста (см. 2.6.), текстообразующая функция, связанная с участием АИС в роли ключевых слов произведения (см. 3.3.3.), а также экспрессивная, символическая и интегрирующая функции.

Для публицистического текста в связи с преобладанием волюнтаривной направленности, основанной на передаче общественно значимых стереотипов, основными функциями АИС являются идеологическая, функция передачи специфики национального менталитета, эвфемистическая, связанная с особенностями языка дипломатии, и полемическая, основанная на создании эффекта иронии.

3.5. Функции АИС в художественных текстах

Как указывалось выше, стиль художественной литературы в полной мере раскрывает ассоциативный потенциал АИС, акцентируя ключевые функции, характерные для них в этом стиле.

1) Текстопорождающая функция АИС.

Текстопорождающая функция характерна для АИС в сильной позиции (в заголовке или для АИС, выступающего в качестве ключевого слова). Данная функция способствует иерархизации смысла, выделению смысловой доминанты (см. пр. на стр. 122-124). С.Моравский объединяет данную функцию с эстетической, называя ее *орнаментально-организационной* [222]. Создавая на малой площади авторского текста огромное смысловое напряжение, АИС становится одним из "нервных узлов" произведения. Поэтому важно, в какой именно позиции находится АИС в тексте. Условно можно обозначить три основные позиции: начало, финал, "между началом и финалом". Начало и финал – это сильные позиции. АИС в начале текста подключает весь авторский текст к источнику и сразу же определяет установку на восприятие: понимание всего последующего под определенным углом зрения. Финал – это своего рода кода, поэтому финальное АИС заставляя читателя ретроспективно пересмотреть весь текст.

Н.А.Фатеева, исследуя функции интертекстуальности в художественном тексте, отмечает, что в литературе последних лет каждый новый текст иначе не рождается, как из фрагментов или с ориентацией на

"атомы" старых текстов, причем соотнесение с другими текстами становится не точечным, а общекомпозиционным, архитектурным принципом [172, С.18]. С позиции же читателя, новые тексты иначе и не прочитываются (не понимаются), как в металитературном ключе [там же]. Благодаря авторской интертекстуальности все пространство поэтической и культурной памяти вводится в структуру вновь создаваемого текста как смыслообразующий элемент, и, таким образом, литературная традиция идет не из прошлого в настоящее, а из настоящего в прошлое и "конституируется всяким новым художественным явлением" (Х.Л.Борхес цит. по [172, С.14]). В процессе метаосмысления и метаописания создается "диалогичность" литературных текстов, которая делает очевидным двойственность, двойничество как способы интертекстуализации. Соотнесение текста с другими текстами порождает "двойников" как на уровне сюжета, так и на уровне "текст-текст".

2) Экспрессивная функция АИС.

Тексты, включающие в себя АИС, несут экспрессивную окраску, выраженную с различной степенью яркости. При этом могут актуализироваться различные компоненты коннотативного значения. АИС в этой функции противостоят тем АИС, которые находятся в сильной позиции или выполняют роль ключевых слов. Как отмечалось выше, некоторые аллюзии могут быть "менее аллюзивными", а другие "более аллюзивными", т.е. одни АИС предпочтительнее для выстраивания смысловой оси текста (участвуют в создании подтекста), тогда как другие выгодно украшают текст, привнося в него образность, выразительность, красочность (выполняют роль текстовых импликаций, по И.В.Арнольд [8]). Это ни в коей мере не отнимает образной силы у АИС, обладающих смыслостроительным потенциалом, и не лишает орнаментальные аллюзии способности участвовать в порождении смысла текста. Иногда эта функция АИС носит название эстетической, декоративной, функцией отсылки к традиции. Часто писатель видит мир во многом сквозь призму чужих образов и слов, не отделяя их от собственных. Значение заимствованных образов совпадает со значением своих слов.

Адресант обращает внимание адресата на уже имеющийся образ или на уже имеющуюся хорошо подходящую характеристику. Функция таких АИС – указание на ту культурную линию, "в ключе" которой хотел бы быть воспринятым писатель. Эстетическая функция аллюзии говорит о способности адресанта ценить всякую игру слов (см. пр. на стр. 17-19).

3) Символическая функция АИС.

Одна из основных функций текста (помимо передачи информации и генерирования новых смыслов) связана с памятью культуры. В этом аспекте тексты образуют свернутые мнемонические программы (Ю.М.Лотман [99, С.193]). Способность отдельных текстов, доходящих до нас из глубины культурного прошлого, реконструировать целые пласты культуры наглядно демонстрируется всей историей культуры человечества. Тексты тяготеют к символизации и превращаются в целостные символы. Символы получают высокую автономию от своего культурного контекста и функционируют в ее диахронных вертикалях (ср. значение античной и христианской символики для всех срезов европейской культуры), так как исторически наиболее активные символы характеризуются известной неопределенностью. Символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума [99, С.192] (см. пр. на стр. 63-64 из произведений Д.Г.Лоренса). Текст в своей синхронности может опираться разными своими частями на память различной временной глубины, что делает его неоднородно зашифрованным (напр., тексты С.Кинга, где АИС современности соседствуют с мифологическими и библейскими АИС). Получается единый, но многоголосый текст. Не случайно то, что в процессе творчества выступает как символ (суггестивный механизм памяти), в читательском восприятии реализуется как реминисценция, поскольку процессы творчества и восприятия противонаправлены: в первом окончательный текст является итогом, во втором – отправной исходной точкой [99, С.194].

4) Интегрирующая функция АИС.

Интегрирующая функция АИС проявляется в связывании в одно единое культурное пространство разных семиотических систем: искусства, литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки, кинематографии и разных видов социо-культурного опыта: военного дела, политики, науки, истории, философии, географии. С помощью данной функции осуществляется введение элементов этих семиотических систем в более широкий семантический контекст.

З.Г.Минц предлагает расширить понимание цитаты, включая и знаки – заместители произведений несловесных искусств (картин, музыкальных произведений и т.д.) [109]. В простейших случаях может цитироваться словесная часть таких произведений, как название картины, скульптуры или архитектурного памятника. Однако отсылка должна вести нас и к основной, т.е. несловесной части произведения, вызывать в сознании зрительные образы или мелодию текста-источника [109, С.399]. В данной функции цитата демонстрирует диалектическую "нераздельность и неслиянность" различных явлений жизни. Способность быть осмысленной в разных семантических контекстах делает цитату родственной символу.

Имена великих художников и персонажи их полотен часто привлекаются писателями для создания зрительных портретов своих героев. Следующий пример из романа У.С.Мозма "Театр" оживляет в памяти образы картин фламандского художника первой половины 17 в. П.Рубенса:

Jimmi Langton , *a fat, bald-headed, rubicund man of forty-five*, who looked like one of Rubens' *prosperous burghers*, had a passion for the theatre [263, P.18].

Большинство героев полотен великого живописца - процветающие дородные горожане, как и один из второстепенных персонажей романа У.С.Мозма "Театр": полный, лысоватый, дородный мужчина лет сорока пяти.

Следующий пример привносит в контекст современного романа пафос оперной трагичности:

With an angry gesture she swept the books on to the floor from an armchair, threw herself in it, and began to cry in earnest. He poured her out a stiff dose of whisky, added a drop of soda, and made her drink it.

"Now what's all this Tosca stuff about?"

"Michael's going to America" [там же, P.49].

Подыгрывая героине романа У.С.Мозма "Театр" Джулии в ее стремлении превратить свою жизнь в спектакль, и видя слезы на ее глазах, иронизирующий директор театра, где работает начинающая актриса, упоминает хорошо знакомую оперу "Тоска" итальянского композитора Д.Пуччини. Метафорическая аллюзия помогает Джулии вновь ощутить себя "на сцене" и достойно сыграть партию несчастной, покинутой любимым женщины.

Аллюзии из смежных областей искусства помогают не только рисовать зрительные образы, создавать ритм и движение текстов, внутреннее эмоциональное напряжение, но и позволяют читателям слышать персонажей. Герой романа Ле Каре "Идеальный шпион" воспринимает как комплимент сравнение своего пения с голосом Энрико Карузо, одним из наиболее почитаемых итальянских теноров:

"It's just that nobody's ever played records for you", she used to tell him in a veiled criticism of his first wife Belinda. "One day your singing voice will be as good as your spoken one, darling." She summons her breath. "Better than Caruso!" she shouts [255, P.156].

Интегрирующая функция АИС приводит к пониманию искусства и культуры как важных составных частей жизни человечества. "Тексты жизни" и "культурные тексты" уравниваются, как имеющие текстовую, символическую природу, но, с другой стороны, они составляют иерархию, в которой вторые оказываются значительно "ценнее" первых [109, С.389].

3.6. Функции АИС в публицистических текстах

1) Идеологическая функция АИС.

АИС как прецедентные стереотипы являются удобным средством воздействия на социальное поведение широких масс. Появляясь на страницах газет, они становятся мощным инструментом идеологической пропаганды. Они сочетают в себе яркость образа, необходимую для эффекта внушения, убедительность (демонстрируют результат воплощения социально одобряемых идей на практике), емкость, которая роднит АИС с лозунгом.

В каждой стране и для каждой эпохи существует группа АИС, отражающих господствующие социальные ценности – идеологию. Идеология - система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности [339, С.142]. Идеология оформляется как идейная парадигма, то есть как оценивающая, санкционирующая, организующая и направляющая система ведущих идеалов и идеальная модель устройства и управления общностями, обществом, осознанная и ставшая естественной в качестве средства управления собственной жизнью для какой-либо общности людей. Таким образом, АИС, используемые как идеологемы (идеологема - необходимая и неотъемлемая составляющая идеологии), описывают тот или иной социальный идеал человеческого поведения.

Идеология представляет духовное самоопределение нации, поэтому в качестве идеологом выступают такие АИС, которые ярче других передают национальный колорит страны. Так, в американском обществе таким АИС выступает имя богатейшего человека мира Джона Рокфеллера, раскрывающее господствующую в Америке власть денег, идеи наживы:

Saul Steinberg pocketed \$ 60 mln when the Mouse persuaded him to go away. As well as bags of money, he left with a reputation as the world's foremost

"greenmailer". He is said to have boasted: "You watch! Like the Rockfellers, I'll *own the world*. I could even be *the Jewish president*" [298].

Для англичан воплощением господствующих идей будут АИС, описывающие идеологему "твердая власть" (обилие аллюзий к английским царствующим особам и полководцам: Герцог Веллингтон, Адмирал Нельсон и т.д.), "педантичность и изощренность ума" (образ Шерлока Холмса), благородство (даже в идеале разбойника Робин Гуда), "набожность" (многочисленные библейские аллюзии). К АИС-символам, описывающим социально неодобряемое поведение, относится АИС "Al Capone":

AIDS spread rapidly among injecting drug addicts, their lovers, and their children, while government policies restricted the availability of clean syringes that might have stemmed the epidemic. And prohibition-related *violence* reached unprecedented levels as a new generation of Al Capones competed for turf, *killing not just one another* but innocent bystanders, witnesses, and law-enforcement officials [288].

По мнению журнала "Нэшенел Ревью", современное общество должно проводить политику терпимости по отношению к неблагополучным слоям общества (преступникам, наркоманам и проч.). Аргументом в пользу этого мнения выступают вспышки насилия со стороны бесчинствующих "Аль Капоне", будоражащие страну после различных ограничительных законодательных актов.

2) Функция передачи АИС специфики национально-культурного менталитета.

Публицистический стиль прибегает к помощи таких АИС, в семантике которых на первый план выходит национально-культурный компонент значения. Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса, еще Пифагор "для познания нравов какого ни есть народа" советовал прежде всего изучить его язык (цит. по [43, С.64]). Интерес к данной макролингвистической тематике (язык vs общество / культура / личность) достиг апогея в трудах В. фон Гумбольдта [58],

Г.Штейнталя (об этом см. в [166]), К.Фосслера и А.А.Потебни [130;131] в первой половине XX века. В наши дни он стал результатом появления молодой отрасли этнолингвистики – лингвокультурологии.

Одним из ключевых образов, раскрывающих менталитет англичан, служит образ Джона Булла, сопровождающийся негативными коннотациями:

Even though he dutifully paid his respects to the cradle of liberty in Faneuil Hall, he encountered also a certain amount of hostility, for Britain was not forgiven its recent devious part in the Civil War, and there existed a stereotype of John Bull just as grossly over-simplified as that of Uncle Sam. But Charles quite plainly did not fit that stereotype; he proclaimed that he saw very well the justice of the War of Independence, he admired Boston as the center of American learning, of the Anti-Slavery Movement, and countless other things [242, P.370].

Джон Булл – символ типичного англичанина, сошедший с карикатуры писателя Джона Арбатнота в 1712 году. Высокий рост и дородность Джона Булла символизируют имперские замашки Англии, долгие годы остававшейся колониальной державой. Как всякий стереотип, Джон Булл получил упрощенное толкование в широких кругах народных масс, закрепив за собой негативные черты (Англия и англичане – как властолюбивая нация). Такой же процесс опрощения прошел и символ Америки "Дядюшка Сэм" (изображается в виде старика с седой козлиной бородкой, в цилиндре и костюме со звездами и полосами американского флага; символ правительства США и американской демократии), но, в отличие от стереотипа английского Джона Булла, "Дядюшка Сэм" передавал преувеличенно положительный образ американцев. Чарльз, герой романа Дж.Фаулза "Женщина французского лейтенанта", приехав в Америку, с досадой понимает, что негативное отношение к нему американцев вызвано влиянием грубого стереотипа в лице Джона Булла. Неслучайно упоминание Бостона, города, где началось восстание за независимость Америки против гнета английской короны.

Очевидно, что язык, культура и этнос неразрывно связаны между собой и образуют место сопряжения физического, духовного и социального Я личности.

3) Эвфемистическая функция АИС.

В публицистических текстах АИС часто употребляются в статьях на политическую тематику, где важен дипломатический такт, эзопов язык для описания конфликтных ситуаций, событий, которые могут спровоцировать конфронтацию. В силу природы аллюзии как скрытого намека, АИС, выполняя эвфемистическую функцию, помогают смягчить высказывание, передавая вместе с тем все необходимые эмоции. В этой функции АИС служат дипломатическим целям выражения негативного отношения в завуалированной форме:

As China marked the centenary of his birth last week, proliferations of Mao memorabilia confirmed that he remains in important ways the center of the country's moral universe. Thinking of what China might have become without him is, well, thinkable perhaps, but futile. He was its Washington and Jefferson, Rousseau and Robespierre, Lenin and Stalin rolled into one. Honouring his memory continues to be the touchstone of legitimacy among all contenders for power ([308], 1994, № 2).

Упомянутые парные АИС "Washington and Jefferson", "Rousseau and Robespierre", "Lenin and Stalin" используются с опорой на их сильный импликационал, о чем свидетельствует отсутствие контекстов, содержащих семантический повтор имен. Читатель при декодировании имплицитного намека опирается на наиболее обобщенный образ мировых вождей: "Washington and Jefferson" – основоположники государственности, "Rousseau and Robespierre" – реформаторы, "Lenin and Stalin" – диктаторы. Хотя все три пары ПИ отсылают к образам лидера государства, каждую из аллюзивных пар объединяет дополнительный СМ, противопоставляющий данную пару вождей остальным. В результате проведенного анализа взаимодействующих АИС, мы получаем образ китайского вождя, склеенный из уже имеющихся

представлений: лидер, выступившей в роли консолидатора страны, реформатора, но, к сожалению, проявивший склонность к диктату. Таким образом, расположенные в заданной последовательности, данные АИС иносказательно очерчивают вехи политической карьеры китайского диктатора, причем последняя пара АИС, отсылающая к лидерам бывшего СССР, служит завуалированным осуждением политики Мао.

4) Полемическая функция АИС.

Аллюзия, употребленная в качестве эвфемизма, часто служит образованию иронического подтекста, что является областью другой функции – полемической. Полемическая функция связана с созданием эффекта иронии при столкновении "высоких" образов-цитат с бытовым или иным "сниженным" контекстным окружением. Равным образом эффект иронии создается и сталкиванием цитат из источников, стилистически и мировоззренчески противопоставляемых, как в следующем примере:

But Herbert Bodenschatz of Munich came up with the most scathing comparison, one aimed at the magazine's decision to name Gingrich the Speaker. Bodenschatz wrote that our choice was "the most remarkable nomination since Roman Emperor Caligula decided to name his horse a Consul ([308], 1996).

Пример показывает, что аллюзия может служить действенным средством борьбы с политическими оппонентами. На предложение журнала "Тайм" выдвинуть кандидатуру политика Гингриха в номинацию "Спикера года" один из читателей отреагировал довольно саркастически, напомнив о решении древнеримского императора Калигулы не только дать своей лошади кличку "Консул", но и номинировать его на эту должность.

В следующем примере сопоставление патетических усилий Тони Блэра, стремящегося утвердить себя в образе героя-борца с консерватизмом, с популярным киноперсонажем Люком Скайуокером из киноэпопеи "Звездные войны", ведущим схватку с силами зла в лице Дарта Вейдера, помогает создать яркий иронический эффект:

In fighting what he likes to call the "forces of conservatism" as if he were Luke Skywalker battling with Darth Vader, Tony Blair, imagines himself *to be on some sort of crusade* [298].

Здесь иронический эффект является результатом рассогласования сопоставляемых сфер. Сравниваются высокопоставленный политик и герой развлекательной киноиндустрии.

Осветив функции АИС в художественном и публицистическом текстах, мы можем заключить, что полифункциональность АИС определяется их смысловой насыщенностью и позволяет говорить об АИС как комплексных единицах, семантика которых содержит такие области значения, как сильный и слабый импликационалы, определяющие концептуальную структуру АИС, куда помимо прочего входят коннотации и национальнокультурный компонент. Наличие областей сильного и слабого импликационалов позволяет АИС выполнять символическую и эвфемистическую функции. Коннотации, всегда сопровождающие АИС, выступают базой экспрессивной функции. Разнородность социума и разнообразие социальной активности определяют гетерогенность всего корпуса АИС (ИС заимствуются из сфер литературы, искусства, политики и т. д.), которая, в свою очередь, служит основой интегрирующей функции АИС. В связи с преобладанием волюнтаривной функции публицистического стиля, АИС в публицистических статьях реализует в полной мере свой коннотативный потенциал. Художественный же текст характеризуется большей степенью зашифрованности и, следовательно, в построение его смысловой сетки вовлекаются области как сильного, так и слабого импликационалов АИС.

ВЫВОДЫ ПО III ГЛАВЕ

Методы, используемые в работе, позволяют выявить устойчивые денотативные и коннотативные СМ в концептуальной структуре АИС. Области сильного импликационала соответствует краткая обобщающая дефиниция ИС в словаре общеупотребительной лексики. Область сильного импликационала сопряжена с наиболее яркими коннотациями данного АИС, которые часто эксплицируются в контекстах, содержащих семантическую редупликацию АИС, в отличие от СМ, относящихся к денотативному компоненту значения АИС, как правило, невыраженных эксплицитно. Наряду с областью сильного импликационала АИС в процессе речевого функционирования могут развивать слабый импликационал. Контекстное обращение к слабому импликационалу требует опоры в виде развернутого семантического повтора как денотативных СМ АИС, так и его коннотативных СМ, часто несовпадающих с коннотациями, сопровождающими сильный импликационал.

Закрепление области сильного импликационала в качестве значения АИС ведет к апеллятивизации ИС и происходит в процессе социализации ИС. Социализация ИС служит показателем важности того места, которое ИС занимают в системе языка. Маркерами социализации ИС выступают такие процессы, как: 1) вхождение ИС в словари; 2) включение ИС в систему символики; 3) употребление ИС в составе ФЕ; 4) функционирование ИС в качестве ключевых слов текста; 5) употребление ИС с артиклем; 6) употребление ИС в форме множественного числа; 7) употребление ИС со словообразовательными элементами; 8) переход АИС в другие части речи. Грамматические средства выступают механизмами, обеспечивающими семантический сдвиг, переключая внимание читателя на поиск дифференциальных признаков, послуживших основой образования вторичного значения. Данный факт подтверждает мысль о тесной связи

между различными уровнями языка, в частности, грамматического и семантического.

В зависимости от степени социализации и устойчивости лексического значения, АИС делятся на АИС-символы, АИС-знаки и АИС-символы-знаки, что отражается на степени распространенности контекста с семантическим повтором или его полным отсутствии. В произведениях художественной литературы в полной мере происходит развитие значения АИС, что способствует закреплению за ним наиболее устойчивых ассоциаций и появлению новых, менее ярких компонентов его импликационалов (группа АИС-символов-знаков).

Важнейшей функцией АИС в художественном тексте выступает текстообразующая функция. В публицистических текстах АИС выступают действенным средством идеологического воздействия, а также наиболее яркими выразителями национально-культурного менталитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа представляет исследование семантики имен собственных, функционирующих в качестве аллюзий. В работе проводится комплексный анализ различных аспектов изучаемой группы лексики:

1). АИС рассматриваются в рамках теории интертекстуальности как центральный элемент аллюзивного процесса.

2). Раскрывается роль АИС в процессе понимания текста, ключевой для которого выступает категория фоновых знаний.

3). Приводится опыт моделирования концептуальной структуры АИС в терминах семантических множителей, выделяемых через контексты речевого употребления АИС.

4). Проводится анализ структуры лексического значения АИС в терминах импликационалов.

5). Описывается сущность процесса социализации ИС и составляется перечень маркеров социализации ИС, как механизма закрепления за ИС сигнификативного значения.

6). Изучаются приоритетные функции АИС в художественных и публицистических текстах.

Основополагающим моментом исследования послужила идея о предопределяющем влиянии экстралингвистических факторов на семантику АИС.

В ходе анализа системы интертекстуальных элементов выявлена базисная закономерность интертекстуальных отношений, которые строятся на оппозициях 1) часть :: целое (цитата, аппликация, крылатые слова, аллюзия); 2) целое :: часть (парафраз); 3) рамка :: наполнение (архитекстуальность, жанровая связь текстов). Первая из описанных оппозиций, составляющих суть интертекстуальных отношений, выступает эффективным механизмом сжатия смысла при его передаче на письме и приращения смысла при декодировании текста письменного сообщения.

Среди остальных элементов интертекстуальности аллюзия наиболее открыта для семантического варьирования. Если ФЕ сохраняют семантическую автономность, участвуя в построении смысла текста-реципиента, то АИС не только выстраивают смысл текста-реципиента, но и сами семантически изменяются, развивая новые коннотации, получая выдвижение новых СМ своей концептуальной структуры.

Модель значения АИС имеет комплексный характер и включает следующие компоненты: уникальный индивидуализированный денотат, сигнификат "человек", области сильного и слабого импликационалов, коннотацию. Области сильного и слабого импликационалов представляют оппозицию целостное :: фрагментарное. Область сильного импликационала закрепляет за АИС вторичное переносное значение, что способствует вхождению АИС в систему языка. Переход АИС в сферу языка сопровождается сужением ассоциативного ореола имени до минимума: имя начинает функционировать в составе ФЕ, крылатых фраз, антономасий. Декодирование контекстов с использованием таких АИС основывается на пресуппозиции, подразумевающей владение носителем национального языка минимальным набором элементарных (самых общих) представлений о системе прецедентных текстов и прецедентных имен.

Семантика АИС балансирует на грани сфер языка и речи, с определяющим влиянием последней. Механизмом осуществления конкретизации семантики АИС выступают различные лимитирующие грамматические средства языка: артикли, категория числа, словообразовательные процессы, которые устанавливают тот или иной уровень определенности семантики АИС. АИС, обладающие четкими семантическими контурами, становятся прецедентными. Важнейшим инструментом дифференциации уровня прецедентности АИС служит степень развернутости контекста с его семантическим повтором. Данный критерий выступает основой деления всего корпуса АИС на АИС-символы, АИС-знаки и АИС-символы-знаки, где АИС-символы несут инвариантное знание,

базирующееся на сильном импликационале высоко прецедентных имен, а семантика АИС-знаков и АИС-символов-знаков вариативна, индивидуальна, охватывает низкопрецедентные имена или строится на слабом импликационале прецедентных имен.

Декодирование контекстов, содержащих АИС, опирается на фоновые знания реципиента сообщения, приобретаемые им по мере социализации в обществе, особенно через чтение и различные этапы обучения (общее, специальное образование и т.д.). Преобладание распространенных контекстов с семантическим повтором элементов семантики АИС свидетельствует о предикативном характере всего корпуса АИС, о тенденции к передаче качественного признака объектов и ситуаций, описываемых при помощи АИС.

Концентрация в тексте АИС, принадлежащих одной концептуальной сфере, служит раскрытию и акцентированию тематики произведения, при этом АИС активно участвуют в создании подтекстовой информации. Контексты с семантическим повтором отсекают нерелевантную часть ассоциативного ореола АИС, хотя эта "затемненная часть" импликаций АИС может неявно влиять на процесс понимания сообщения, что создает определенные трудности декодирования текстов, содержащих АИС.

Адекватное понимание текстов, содержащих АИС, свидетельствует о совпадении (полном или частичном) зон фоновых знаний отправителя и получателя сообщения. Если АИС остается семантически лакунарным, это говорит о специфике концептов, передаваемых именем, узкой сфере его функционирования в пределах ограниченной аудитории, для которой, очевидно, и предназначен текст. Оперирование АИС, входящими в состав фонового знания, объединяет членов лингвокультурного сообщества. За пределами этого сообщества АИС чаще всего становятся асемантическими, ничего незначащими, либо утрачивают свою коннотацию. Поэтому АИС выступают маркерами национально-культурной принадлежности.

Степень социализации АИС определяет особенности их функционирования в художественных и публицистических текстах. Последние используют знаковость, внешнюю образность прецедентных имен. Художественные тексты, напротив, опираются на смысловое богатство символической природы АИС. Аллюзивное имя, находясь в центре пучка ассоциативных линий, дает возможность выбора нетрадиционной трактовки значения имени, что увеличивает концентрацию создаваемого АИС смысла.

Подвижность семантики АИС, проявляющаяся в наличии зон сильной и слабой импликации, в способности передавать все элементы коннотации - экспрессивность, эмотивность, оценочность и стилевую дифференциацию - дает неоднозначность результирующего смысла в реальных контекстах речевого употребления. Неоднозначность восстановления семантики АИС обеспечивает различные уровни приращения смысла сообщения от импликации до подтекста и открывает широкие возможности развития креативного мышления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные вопросы русской ономастики: Сб. науч. тр. / М-во высш. и сред. спец. образования УССР, Учеб.-метод. каб. по высш. образованию, Одес. гос. ун-т. - Киев: УМКВО, 1988. - 258 с.
2. Алексеев Б.Т. Процессуальный подход к семантике и герменевтика // Философия о предмете и субъекте научного познания. - СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. - С. 9 - 22.
3. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. - Волгоград: Перемена, 1999. - 274 с.
4. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии.: Автореф. дисс. ... на соискание учен. степени док. филол. наук. - Л., 1963.- 27 с.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Институт "Открытое общество", Институт социологии РАН. - 2-е изд. - М.: Школа "Языки русской культуры": "Восточная литература", 1995. - 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. - 1986. - № 2. - С. 57 - 70.
7. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. - 1995. - № 1. - С. 37 - 67.
8. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. - 1982. - № 4. - С. 83 - 91.
9. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. - М.: Высшая школа, 1991. - 141 с.
10. Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностранные языки в школе. - 1979. - № 5. - С. 10 - 14.
11. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. ст. / Науч. ред. П.Е.Бухаркин. - СПб.: Изд-во С.Петербур. ун-та, 1999. - 444 с.

12. Арнольд И.В. Стилистика декодирования: Курс лекций. - Л.: Изд-во ЛГПИ, 1974. - 76 с.
13. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования: Учеб. пособие для студентов пед. ин-ов по спец. "Иностр. яз." - 3-е изд. - М.: Просвещение, 1990. - 300 с.
14. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - 1973. - Т. 32. - № 1. - С. 84 - 90.
15. Ахманова О.С. Общее языкознание: Учебно-методическое пособие для студентов-заочников филол. фак-тов гос. ун-тов / Под ред. доц. Ю.С. Степанова. - М.: Изд-во Мос. ун-та, 1964. - 79 с.
16. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. "Вертикальный контекст" как филологическая проблема // Вопросы языкознания. - 1977. - № 3. - С. 47 - 54.
17. Байбурин А.К. Этнические стереотипы поведения: Сб. статей / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая / Под ред. А.К. Байбурина. - Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. - 325 с.
18. Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. - М.: Иностр. лит., 1961. - 394 с.
19. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 358 с.
20. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа: Результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993 - 1994 гг. // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. - М.: ИСБ, 1995. - 160 с.
21. Батыгин Г.С. Коммуникация в научном сообществе // Социологические чтения: Сборник материалов ежегодного методологического семинара. / Институт "Открытое общество", Институт социологии РАН. - М., 1997. - Вып. 2. - С. 7 - 26.
22. Берестова А.И., Барляева Е.А. Диалектика текста. - СПб., 1999. - 321 с.

23. Берков В.П. Слово о двуязычном словаре. / АН ЭССР, Институт языкознания и литературы. - Таллин: Валгус, 1977. - 140 с.
24. Богданов К. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. - СПб.: Искусство-СПБ, 2001. - 438 с.
25. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. / Вступ. статьи действ. чл. АН СССР В.В.Виноградова и действ. чл. Польск. акад. наук В.Дорошевского. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - Т. 1. - 384 с.
26. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. - 309 с.
27. Болотов В.И. Множественное число имени собственного и апеллятива // Имя нарицательное и собственное. - М., 1978. - С. 45 - 53.
28. Болотов В.И. Энциклопедическое значение имени собственного // Восточнославянская ономастика: Исслед. и материалы. / АН СССР Ин-т языкознания, Польская акад. наук, Комславистов. - М.: Наука, 1979. - 350 с.
29. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. Глава I: Вопросы теории ономастики. - М.: Просвещение, 1983. - 224 с.
30. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978. - 175с.
31. Бондарко А.В. Функциональная грамматика.- Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1984. – 136 с.
32. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка // Вопросы языкознания. - 1972. - № 1. - С. 17 - 36.
33. Буслович Д.С. Мифологические и литературные сюжеты в произведениях искусства. - СПб.: Изд-во "Паритет", 2001. - 352 с., цв. ил.
34. Васильев С.А. Уровни понимания текста // Понимание как логико-гносеологическая проблема: сб. науч. тр. / АН УССР, Ин-т философии,

- Укр. отд-ние философ. об-ва СССР / Отв. ред. М.В.Попович - Киев: Наук. думка, 1982. – С. 91 – 143.
35. Вейсгербер Й.Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. - 1993. - №2. - С. 114 - 124.
36. Вербицкая М.В. Литературная пародия как объект филологического исследования: (На материале англ. яз.): Учеб. пособие. - Тбилиси: Издательство Тбил. ун-та, 1987. - 166 с.
37. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: Фоновые особенности ономастической лексики: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностр. Метод. руководство. - 3-е изд. - М.: Русский язык, 1983. - 269 с.
38. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - М.: Высшая школа, 1989. - 404 с.
39. Виноградов В.В. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы // Вопросы языкознания. - 1962. - №5. - С. 3 - 23.
40. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. - М.: Изд-во МГУ, 1978. - 174 с.
41. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. / Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, примеч. М.С.Козловой. Перевод М.С.Козловой и Ю.А.Асеева. - М.: Изд-во Гнозис, 1994. - 612 с.
42. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М., 1985. - 228 с.
43. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 64 - 72.
44. Воробьев В.В. Лингвокультурология. - М., 1997. - 170 с.
45. Воробьева И.А. К вопросу о лексическом значении имен собственных // Актуальные проблемы лексикологии: Доклады лингвистической конференции. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971. – Ч. I. - С. 37 – 48.

46. Гак В.Г. О семантической организации повествовательного текста // Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореца. - М., 1976. - Вып. 103. - С. 75 - 93.
47. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. - 1977. - № 6. - С. 522 - 532.
48. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. - М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. - 459 с.
49. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 139 с.
50. Гачев Г. Национальные образы мира: Курс лекций. - М.: Издательский центр "Академия", 1998. - 432 с.
51. Гинзбург Р.С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе. - 1978. - № 5. - С. 21 - 26.
52. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филол. этюды. - М.: Изд-во ун-та дружбы народов, 1988. - 87 с.
53. Грасиан Б. Остороумие, или искусство изощренного ума // Испанская эстетика: Ренессанс, барокко, Просвещение. - М.: Искусство, 1977. - 695 с.
54. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. - М.: Изд-во МГУ, 1999. - 152 с.
55. Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. - 1997. - № 4. - С. 106 - 117.
56. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М.: Прсвещение, 1969. - 184 с.
57. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. - М., 1976. - С. 291 - 314.

58. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. - М.: Прогресс, 1985. - 451 с.
59. Данилина Е.Ф. К вопросу о лексическом значении личных имен // Лексика и словообразование русского языка. - Пенза, 1972. - С. 58 - 67.
60. Дарчук Н.П. Место количественных методов в стилистических исследованиях // Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. - Киев, 1981. - С. 183-201.
61. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. - 1983. - № 6. - С. 37 - 47.
62. Драгунова Р.Г. Роль чужого слова в реализации игровой функции художественного текста // Лингвистические закономерности организации текста. - М., 1991. - С. 67-75.
63. Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Изд-во Эдиториал УРСС. Сер. Лингвистическое наследие XX века. - 408 с.
64. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. - М.: Изд-во МГУ, 1976. - 307 с.
65. Зверев А.Д. Про властні та зачальні імена // Мовознавство. - 1976. № 1. - С. 32 - 36.
66. Зинин С.И. Введение в русскую антропониимику. - Ташкент, 1972. - 162 с.
67. Каменская О.Л. Текст и коммуникация. - М.: Высшая школа, 1990. - 152 с.
68. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996. - С.3 - 16.
69. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 261 с.
70. Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. - М.: Наука, 1976. - 343 с.

71. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. - М., 1980. - 208 с.
72. Карпенко Ю.А. Специфика имени собственного в языке и речи // Proceedings of the 13th International Congress of Onomastics Sciences. Warszawa; Krakow, 1981. - Vol. I. - P. 34 - 40.
73. Карпенко Ю.А. Теоретичні засади розмежування власних і зачальних назв // Мовознавство. - 1976. - № 1. - С. 23 - 28.
74. Катинене Н.Ф. Глобальный вертикальный контекст романов Томаса Гарди (На материале современного англ. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - 204 л.
75. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М.; Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1965. - 110 с.
76. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова. - М., 1995. - С. 102 - 108.
77. Кожина М.Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста // Филологические науки. - 1979. - № 5. - С. 62 - 68.
78. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М., 1980. - 149 с.
79. Колшанский Г.В. О формализации контекста. // Сб.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. - М., 1961. - Вып. 5. - С. 46 - 59.
80. Комиссаров В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. - М.: Рема, 1997. - 111 с.
81. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. - М.: Изд-во МГУ, 1969. - 192 с.
82. Кон И.С. Социология личности. - М.: Политиздат, 1978. - 366 с.
83. Кондратьева Т.Н. Метаморфозы имени собственного: Опыт словаря. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. - 110 с.
84. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. - 1994. - № 1. - С. 73 - 76.

85. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. - Саратов, 1999. - 24 с.
86. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.
87. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: Гнозис, 2002. - 284 с.
88. Кривонос А.Т. "Лингвистика текста" и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопросы языкознания. - 1986. - № 6. - С. 23 - 37.
89. Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка: Пособие для студентов пед. ин-тов. - Л.: Учпедгиз, 1960. - 173 с.
90. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. - М., 1962. - С. 251 - 266.
91. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - М.: Просвещение, 1988. - 188 с.
92. Кухаренко В.А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной прозе (на материале прозы Хэмингуэя) // Филологические науки. - 1974. - № 1. - С. 72 - 80.
93. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики: (На материале рус. префиксальных глаголов). - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1999. - 260 с.
94. Левковская К.А. Основные проблемы общей теории слова и структурно-семантические особенности лексики конкретного языка: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1962. – 477 л.
95. Леонович О.А. В мире английских имен. - М.: ООО "Издательство Астрель", 2002. - 160 с.
96. Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психоллингвистические исследования. - М., 1971. - 216 с.

97. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 584 с.
98. Лосев А.Ф. Проблемы символа и реалистическое искусство. - М.: Искусство, 1995. - 320 с.
99. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. / Перевод. - Таллинн: Олион, 1992. – Т. 1: Культурная семиотика: Текст - литература – культура. - 420 с.
100. Лурия А.Р. Язык и сознание. - М.: Изд-во МГУ, 1979. - 319 с.
101. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии (На материале англ. яз.): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1977. - 197 с.
102. Мартине А. Принципы экономии в фонетических изменениях. (Проблемы диахронической фонологии) / Пер. с фран. А.А.Зализняка. / Ред. и вступ. ст. В.А.Звегинцева. - М.: Изд-во иностр. лит., 1960. - 261 с.
103. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. - М.: Высшая школа, 1998. - 272с.
104. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр Академия, 2001. - 208 с.
105. Машкова Л.А. Аллюзивность как категория вертикального контекста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - 1989. - № 2. - С. 25 - 33.
106. Машкова Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1989. - 198 с.
107. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. - М.: Высшая школа, 1974. - 202 с.

108. Милль Дж.Ст. Система логики. Сочинение. В 2 т. / С 5-го доп. лондонского изд. переведено под ред. и с примеч. П.Л.Лаврова, Ф.Резенером. - СПб., 1865. - Т.1-2.
109. Минц З.Г. Функция реминисценций в поэтике А.Блока // Тр. по знаковым системам. – Тарту, 1973. - Вып. VI. - С. 387 - 417.
110. Михеев А.В. Семантика и категоризация. - М.: Наука, 1991. - 167 с.
111. Мишеа Р. Словари основной лексики // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. - М., 1967. - Вып. 1. - С. 286 - 298.
112. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии / С.-Петерб. гос. ун-т, филол. фак. - СПб.: Фолио-Пресс, 1999. - 461 с.
113. Моль А. Социодинамика культуры. - М.: Прогресс, 1973. - 406 с.
114. Москальская О.И. Семантика текста // Вопросы языкознания. - 1980. - № 6. - С. 32 - 42.
115. Москвин В.П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. - М.: Изд-во "Учитель", 2002. - 198 с.
116. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: К разграничению понятий // Филологические науки. - 2002. - № 1. - С. 63 - 70.
117. Мошкович В.М. Лексикографические и функциональные особенности низкочастотной лексики современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. - Челябинск, 1985. - 236 с.
118. Мыркин В.Я. Текст, подтекст, контекст // Вопросы языкознания. - 1976. - № 2. - С. 86 - 93.
119. Наер В.Л. Об одной грамматической тенденции в языке газетной информации // Иностранный язык в высшей школе. - М., 1963. - Вып. 2. - С. 97 - 107.

120. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. - М., 1996. - С. 37 - 43.
121. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. - М.: Высшая школа, 1988. - 168 с.
122. Никонов В.А. На пути к теории собственных имен // Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. - Рига, 1966. - С. 69 - 73.
123. Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. - М., 1999. - С.22 - 33.
124. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в тексте / Отв. ред. В.Н.Телия, АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1990. - 135 с.
125. Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория: Дис. ... канд. филол. наук. - Челябинск, 2002. - 194 с.
126. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста: Учеб. пособие. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. - 103 с.
127. Подольская Н.В., Агеева Р.А. Ономастика: Проблемы и методы: Материалы к XIII междунар. ономастическому конгр.: Сб. обзоров. - М., 1978. - 238 с.
128. Полубиченко Л.В. Филологическая топология в английской классической поэзии: Спецкурс. - М.: Изд-во МГУ, 1988. - 145 с.
129. Полубиченко Л.В., Андросенко В.П. Типология цитат в художественной и научной речи // Филологические науки. - 1989. - № 3. - С. 58 - 64.
130. Потebня А.А. Из лекций по теории словесности. Лекция восьмая // Русская словесность: Антология / Ин-т народов России и др. / Под общ. ред. В.П.Нерознака. - М.: Academia, 1997. - С. 66 - 84.
131. Потebня А.А. Символ и миф в народной культуре: Собр. тр. / Посл. и коммент. А.Л.Топоркова. - М.: Лабиринт, 2000. - 479 с.

132. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. - 342 с.
133. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М.: Искусство, 1976. - 614 с.
134. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного: Дис. ... д-ра педагог. наук. - М., 1996. - 380 с.
135. Радбиль Т.Б. О термине и понятии "идеологема" // Человек и его язык: Антропологический аспект исследований: Межвуз. сб. науч. тр. - Н.Новгород, 1997. – С. 11-28.
136. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы: Ст. - М.: ТЕРРА - Кн. клуб: Республика, 2000. - 463 с.
137. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. - М.: Просвещение, 1970. - 336 с.
138. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. - Л.: Наука, 1989. - 165 с.
139. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 536 с.
140. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиографическую психологию. / Вступ. статья Ю.А.Сорокина, канд. филол. наук. - М.: Книга, 1977. – 264 с.
141. Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания. - 1988. - №3. - С. 55 - 68.
142. Русская ономастика: Сб. науч. тр. / Одес. гос. ун-т им. И.И.Мечникова. - Одесса, 1984. - 186 с.
143. Свифт Дж. Памфлеты / Пер. с англ. под ред. М.П.Алексеева и Е.И.Клименко. Примеч. Ю.Д.Левина и М.А.Шерешевской. - М., 1955. - 335 с.
144. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. (На материале некоторых русских глаголов). - М.: Наука, 1975. - 240 с.

145. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / Пер. с англ., примеч. и вводная статья А.М.Сухотина. Предисл. С.Л.Белевицкого. - М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. - 223 с.
146. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (общие вопросы). - М.: Наука, 1977. - 539 с.
147. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию: Психологические этюды. – СПб., 1873. – 225 с.
148. Силинский С.В. Межкультурная интерференция и восприятие лексического значения // Проблемы фоносемантики: Тез. выступлений на совещ. [окт. 1989 г., Пенза]. - М., 1989. – 133 с.
149. Сильман Т.И. Подтекст - это глубина текста // Вопросы литературы. - 1969. - №1. – С. 89 – 102.
150. Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Науч. докл. высш. школы. Сер. Филол. науки. - 1969. - № 1. – С. 84 –90.
151. Сорокин Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – М., 1998. – С. 47 – 52.
152. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. яз. под ред. А.А.Холодовича. Вступ. статьи А.А.Холодовича и др. - М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
153. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
154. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике.– М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17. – С. 130-150.
155. Суворов С.П. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам Daily Worker) // Язык и стиль. – М.: Мысль, 1965. – С. 189 - 196.
156. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. - М.: Наука, 1973. – 366 с.

157. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П.Непокупный; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
158. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. - 1995. - № 6. - С. 17 – 29.
159. Сусов И.П. О двух путях исследования содержания текста // Значение и смысл речевых образований. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1979. – С. 123 - 139.
160. Текст как явление культуры / Г.А.Антипов, О.А.Донских, И.Ю.Марковина, Ю.А.Сорокин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 197 с.
161. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / Отв. ред. А.А.Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания - М.: Наука, 1986. – 141 с.
162. Тодоров Ц. Теории символа / Пер. с франц. Б.Нарумова. - М.: Дом интеллект. книги, 1999. – 384 с.
163. Толстая С.М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. – М.: Индрик, 1997. – С. 62 – 79.
164. Толстой Н.И. Еще раз о семантике имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщ. Всесоюз. науч. конференции (17-20 июня 1970 г.). / Ред. коллегия: д-р филол. наук проф. А.Е.Супрун. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – С. 200 – 201.
165. Томахин Г.Д. Выражения, вошедшие в английский язык из произведений У.Шекспира // Иностранные языки в школе. – 1993. - № 4. – С. 75-76.
166. Томсен В. История языкознания до конца XIX века. (Краткий обзор основных моментов). / Пер. проф. Р.Шор; Учеб. пособие для филолог. фак-тов. – М.: Учпедгиз, 1938. – 160 с.

167. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. - М.: Наука, 1979. – 111 с.
168. Тураева З.Я., Гришкова Л.В. Инвариантность и вариативность // Семантическое взаимодействие языковых единиц разных уровней. – Л.: ЛГУ, 1985. – С. 102 – 110.
169. Тухарели М.Д. Аллюзия в системе художественного произведения: Дис. ... канд. филол. наук. - Тбилиси, 1984. – 167 с.
170. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. - Л.: Прибой, 1929. – 596 с.
171. Уфимцева А.А. Языковая номинация: Виды наименований. - М.: Наука, 1977. – 359 с.
172. Фатеева Н.А. Интертекстуальность и ее функции // Известия АН. Сер. литературы и языка. - 1997. - Т. 56. - № 5. - С. 12 – 21.
173. Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Сер. литературы и языка. - 1998. - Т. 57. - № 5. - С. 25 – 38.
174. Филатов В.П. К типологии ситуации понимания // Вопросы философии. - 1983. - № 10. – С. 71 – 78.
175. Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение. / Под ред. Л.В.Чернец. - М., 2000. – С. 496-506.
176. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. Учебник. 4-е изд., испр. - М: Высшая школа, 2001. – 415 с.
177. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учеб. пособие / ЛГУ. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 103 с.
178. Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия АН. Сер. литературы и языка. - 1999. – Т. 58. - № 1. - С. 3 – 10.
179. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
180. Хализев В.К. Подтекст // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. - М.: Советская Энциклопедия, 1968. – С. 829 - 830.

181. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. - М.: Советский Писатель, 1982. – 416 с.
182. Христенко И.С. К истории термина аллюзия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - 1992. - № 4. - С. 38 – 44.
183. Чернухина И.Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста: (Факторы текстообразования). - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. – 207 с.
184. Чулкова В.С. Один из способов интеграции текста // Науч. докл. высш. школы. Сер. Филол. науки. - 1978. - № 1. - С. 47 – 57.
185. Шайкевич А.Я. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностранные языки в высшей школе: Тематический сборник. - М., 1963. – Вып. 2. - С. 14 – 26.
186. Шайкевич А.Я. Социальная окраска имени и его популярность // Поэтика. Стилистика. Язык и Культура. - М.: Наука, 1996. – С. 265 – 280.
187. Шаховский В.Н. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. - 1998. - № 2. – С. 59 – 65.
188. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике // Сб. науч. тр. МГИИЯ им М.Тореза. - 1977. - Вып. 112. - С. 128 – 136.
189. Шехтман Н.А. Системность лексики и семантика слова: Учеб. пособие к спецкурсу. – Куйбышев, 1988. - 84 с.
190. Шехтман Н.А. Социокультурные компоненты гипертекста // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика организационной работы - 2002. - № 2. – С. 32 – 34.
191. Шехтман Н.А. Лингво-культурные аспекты понимания // Филологические науки. - 2002. - № 3. – С. 50 – 58.
192. Шехтман Н.А. Ключевые слова в научном тексте // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. - 2003. - № 10. – С. 35 – 39.

193. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. - М.: ИП РАН; КСП+; Академический проект, 1999. – 448 с.
194. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
195. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.
196. Щетинин Л.М. Имена и названия. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1968. – 215 с.
197. Щетинин Л.М. Переход собственных имен в нарицательные как способ расширения словарного состава языка (На материале английских фамильных имен): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1961. – 283 с.
198. Agricola E. Textstruktur, Textanalyse, Informationskern. - Leipzig, 1976. – 232 p.
199. Brower R.A. Alexander Pope. The Poetry of Allusion. - Oxford, 1959. – 368 p.
200. Büchmann G. Geflügelte Worte. - Berlin, 1898. – 761 p.
201. Dressler W. Modes of Discourse: The Local Structure of Texts (Cambridge Studies in Linguistics). – L.: Cambridge University Press, 2003. – 334 p.
202. Dumarsais C.-Ch. Des Tropes ou des Différents Sens. - P., 1988. - 374 p.
203. Emmot C. Narrative Comprehension: A Discourse Perspective. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 320 p.
204. Firth J.R. Papers in Linguistics: 1934 - 1951. - London, 1964. – 233 p.
205. Fleischer W. Michel G. Stilistic der Deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1975. – 306 p.
206. Galperin I.R. Stylistics. – М.: Higher School, 1977. – 332 p.

207. Gardiner A.H. Theory of Proper Names. 2 ed. - L., Oxford University Press, 1954. – 67 p.
208. Goodenough W.H. Componential Analysis and the Study of Meaning. // Language. – 1956. - № 1. - Vol. 32. - P. 195 – 216.
209. Greimas A.-J. Du Sense. – P., 1970. – 320 p.
210. Greimas A.-J. Semantique Structurale. – P., 1966. – 262 p.
211. Halliday M.A. Text as Semantic Choice in Social Contexts // Grammars and Descriptions. (Studies in Text Theory and Text Analysis). – N.Y., Walter de Gruyter, 1977. – P. 176 – 225.
212. Hartmann P. Text als Linguistisches Objekt / Hrsg. Von W.D. Stempel - München, 1986. – P. 9 –29.
213. Hebel Udo J. Intertextuality, Allusion and Quotation: An International Bibliography of Critical Studies. – USA: Greenwood Books, 1989. – 175 p.
214. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation. - Cambridge, 1959. – 286 p.
215. Katz J.J. Semantic Theory. – Cambridge: Harper and Row, 1972. – 464 p.
216. Katz J.J., Fodor J.A. The Structure of a Semantic Theory. // Language. – 1963. - № 2. - Vol. 39. - P. 170 – 210.
217. Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. – The Hague, 1969. - № 4. - P. 422 – 448.
218. Lippman W. Public Opinion. – N.Y., 1922. – 427 p.
219. Lokrantz J. Th. The Underside of the Weave; Some Stylistic Devices Used by Vladimir Nabokov. Doctoral Dissertation. - Uppsala, 1973. – 133 p.
220. Lounsbury F.G. A Semantic Analysis of the Pawnee Kinship Usage // Language. – 1956. - № 1. - Vol. 32. - P. 158 –194.
221. Martinet A. La Linguistique. Guide Alphabétique. Sous la Direction d'André Martinet. - P., 1969. – 490 p.
222. Morawski Stefan. The Basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. – The Hague – Paris. 1970. - P. 670 – 705.

223. Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique: 3-me ed. - P., 1975. – 472 p.
224. Nida E.A. A System for the Description of Semantic Elements. – Word. – 1951. - № 1. - Vol. 7. - P. 1 – 14.
225. Perry C. On Alluding // Poetics. - 1978. - № 4. - Vol. 7. - P. 289 – 307.
226. Pfütze M. Probleme der Satz und Kontextverflechtung. Potsdam, 1970. – 178 p.
227. Stebbing L.S. Substances, Events, and Facts // The Journal of Philosophy, XXIX. - 1932, № 12. – P. 67 – 80.
228. Textbeziehungen: Linguistische und Literaturwissenschaftliche Beiträge zur Intertextualität / Hrsg. Klein J., Fix U., - Tübingen: Stauffenburg, 1997. – 402 S.
229. Thornton W. Allusions in Ulysses. - The University of North Carolina, 1961. – 554 p.
230. Zsilka T. Allusion in Literary Communication // Elements and Forms of Text. Poetica. - Szeged, 1985. - Vol. 8. - P. 227 – 244.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

231. Aldington R. Short Stories. - Moscow: Raduga Publishers, 2002. – 272 p.
232. Bennet A. Clayhanger. - Harmondsworth: Penguin Popular Classics, 1976. – 528 p.
233. Bradbury R. The Dandelion Wine. - Bantam Books, 1990. – 239 p.
234. Capote T. Breakfast at Tiffany's. - Moscow: Raduga Publishers, 2002. – 160 p.
235. Cook R. Sphinx. - L.: Pan Books Ltd., 1979. – 288 p.
236. Darty P. Cimarron Sunset. – Michigan: Serenade Saga Books, 1985. – 190 p.

237. England versus England. - М.: Рольф, 2001. – 352 с.
238. English Story. - М.: Издательство Менеджер, 1996. – 320 с.
239. Fowles J. A Maggot. – L.: Pan Books Ltd., 1985 – 460 p.
240. Fowles J. The Collector. – L.: Pan Books Ltd., 1963. – 288 p.
241. Fowles J. The Ebony Tower. - М.: Издательство Менеджер, 2000. – 256 с.
242. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. – Bungay, Suffolk: Triad Paper Backs Ltd. (The Chaucer Press), 1977. – 399 p.
243. Fowles J. The Magus. – Bungay, Suffolk: Triad Panther Ltd., 1977. – 656 p.
244. Hailey A. Overload. – N.Y.: Doubleday & Company, 1979. – 402 p.
245. Honeymoon and Other Short Stories by English Writers. - М.: Рольф, 2001. – 288 с.
246. Huxley A. Crome Yellow. – М.: Прогресс, 1976. – 280 с.
247. Jerome K. Jerome Three Men in a Boat. – L.: Wordsworth Editions Ltd, 1993. - 190 p.
248. King S. The Stand. – N.Y.: Hodder and Stoughton; Doubleday, 1991. – 1152 p.
249. Lawrence D.H. Selected Prose. – М.: Издательство Менеджер, 2000. – 208 с.
250. Lawrence D.H. Sons and Lovers. – L.: Penguin Popular Classics, 1995. – 420 p.
251. Lawrence D.H. The Princess and Other Stories. – М.: Цитадель, 2002. – 240 с.
252. Lawrence D.H. The Rainbow. – Moscow: Raduga Publishers, 1985. – 576 p.
253. Lawrence D.H. The Trespasser. – L.: Penguin Popular Classics, 1967. – 216 p.
254. Lawrence D.H. Women in Love. – L.: Penguin Popular Classics, 1963. – 543 p.

255. Le Carre J. A Perfect Spy. - Coronet Books: Hodder and Stoughton, 1987. – 607 p.
256. Le Carre J. The Honourable Schoolboy. – L.: Pan Books Ltd., 1979. – 543 p.
257. Maugham W.S. Selected Prose. – М.: Издательство Менеджер, 1999. – 288 с.
258. Maugham W.S. Selected Short Stories. – М.: Издательство Менеджер, 2000. – 320 с.
259. Maugham W.S. The Magician. – М.: Издательство Менеджер, 2002. – 256 с.
260. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. – М.: Издательство Менеджер, 2000. – 320 с.
261. Maugham W.S. The Painted Veil. – М.: Издательство Менеджер, 2002. – 272 с.
262. Maugham W.S. The Razor's Edge. – М.: Издательство Менеджер, 2000. – 320 с.
263. Maugham W.S. Theatre. – 3-е изд. - М.: Издательство Менеджер, 1999. – 304 с.
264. O'Henry. Selected Stories. - М.: Издательство Менеджер, 2000. – 304 с.
265. O'Henry. Short Stories. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1951. – 240 p.
266. O'Henry. The Skylight Room and Other Stories. – М.: Higher School Publishing House, 1972. – 168 p.
267. Puzo M. The Godfather. – O.: Fawcett World Library, 1969. – 446 p.
268. Sanders L. The Tangent Objective. – N.Y.: Berkley Medallion Books, 1976. – 346 p.
269. Saroyan W. Selected Short Stories. – Moscow: Raduga Publishers, 2002. – 368 p.
270. Scott M. Night Mares. – L.: Headline, 1999. – 312 p.

271. Steinbeck J. Travels with Charley. – N.Y.: G.K. Hall, 1962. – 328 p.
272. The Thing He Loves. – М.: Рольф, 2001. – 352 с.
273. Updike J. Pigeon Feathers and Other Stories. - N.Y.: Fawcett Publications, Crest Book, 1963. – 188 p.
274. Updike J. The Witches of Eastwick. – L.: Penguin Popular Classics, 1987. – 316 p.
275. Vonnegut K.Jr. The Sirens of Titan. – L.: Coronet Books, 1959. – 278 p.
276. Wilde O. Collected Works of Oscar Wilde. – L.: Wordsworth Editions Ltd., 1997. – 1098 p.
277. Wood S. Cloak of Darkness. – NY: Harlequin Books, 1990. – 192 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

278. Bangkok Post. – Jan. 1998.
279. Business Review. NY. - Oct. 2002.
280. Dallas Morning News. – Nov. 2001.
281. Financial Times (The Weekend). – July 1998; Oct. 2000.
282. Fishtown Star. New Kensington. - June 2002.
283. Herald Tribune. – March 1999; April 2000.
284. International Herald Tribune. – June 2000.
285. Investor's Business Daily. - May 2001.
286. Los Angeles Times. – July 1998.
287. Moscow News. – 2001. - № 9; 2002. - № 3; 2002. - № 23.
288. National Review. – 1996. - № 2.
289. Newsweek. - July 1997.
290. Night and Day (The Mail on Sunday Review). – Dec. 1996.
291. People. – 1999. - №1; 2002. - №1.
292. The Daily Mail. – Sep. 1998.
293. The Daily News. New York's Hometown Newspaper. – Oct. 2002.

294. The Dominion Post. – Sep. 2002.
295. The Economist. – Jan. 1997; Aug. 1997; March 2003.
296. The European. – Feb. 1997.
297. The Globe and Mail. - June 1995.
298. The Guardian. Saturday Review. - July 2000.
299. The Independent (Business Review). – May 2002.
300. The Independent on Monday Review. – Jan. 2000; June 1999.
301. The Independent on Sunday. - July 1999.
302. The New Zealand Herald. – Sep. 2002.
303. The Northern Echo. – Oct. 1998.
304. The NY Times (Book Review). – Aug. 1998; Oct. 2002.
305. The Sunday Times. – Aug. 2002.
306. The Times. – Oct. 2000; Aug. 2001.
307. The Washington Post. – Sep. 1997.
308. Time. – Jan. 1994; June 1995; Jan 1996; April 1998; July 1998; Aug. 1998; Dec. 1998; Special Issue 1998-1999; April 1999; Dec. 2001.
309. USA Today. – June 1995; Aug. 1998; March 2001; April 2001; May 2001; Sep. 2001.
310. Vanity Fair. – Oct. 2002.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

311. ABC of Dirty English. – М.: Комт, 1993. – 304 с. – [ABC].
312. CD. Britannica. Encyclopedia, 2002. – [B].
313. CD. Encarta. Encyclopedia, 2002. – [E].
314. Companion to Literature in English. – L.: Wordsworth Reference, 1992. – 1036 p.
315. Dictionary of Contemporary English. – Longman: Pearson Education Ltd., 2001. – 1668 p. – [DCE].
316. Dictionary of Great Britain. – М.: Русский язык, 2000. – 560с.

317. Dictionary of Symbolism. – L.: Wordsworth Reference, 1992. – 465 p.
318. Dictionary of USA. – М.: Русский язык, 2000. – 576 с.
319. New Webster's Dictionary of the English Language. – Delhi: Surjeet Publications, Fifth Reprint, 1989. – 1810 p. – [W].
320. Roget P. 21st Century Thesaurus. / The Princeton Language Institute. – N.Y.: Random House Incorporated, 1999. – 957 p.
321. The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby: В 3 т. – Ставрополь: СПИИП "Сенгилей", 1992. – Т. 1-3. – [Н].
322. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – М., 2001. – 784 с.
323. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3 т. – СПб.: Квотам, 1994. – Т. 1-3.
324. Горбачевич К.С., Хабло Е.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979. – 568 с.
325. Иллюстрированный мифологический словарь. – М.: Изд-во Янтарный ска, 2001. – 384 с.
326. Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966. – 376 с.
327. Культурология. Энциклопедия. XX век.: В 2 т. - СПб.: Университетская книга, ООО "Алтейя", 1998. – Т. 1-2.
328. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 1456 с.
329. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц. – 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
330. Мировая энциклопедия биографий: В 12 т. – М.: Мир Книги, 2002. – Т. 1-12.

331. Новая иллюстрированная энциклопедия: В 20 т. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2001. – Т. 1-20.
332. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. - М.: Русские словари, Астрель, 2000. – 480 с.
333. Постмодернизм. Энциклопедия. / Под ред. А.А.Грицанова, М.А.Можейко. - Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с.
334. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. – М.: Издательство Астрель, 2000. – 224 с.
335. Словарь культуры XX века / Под ред. В.П.Руднева. – М.: Аграф, 1999. – 381 с.
336. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Пер. с англ. А.Майкапара. – М.: Крон Пресс, 1999. – 656 с.
337. Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Науч. ред. и составитель И.П.Ильин, Е.А.Цурганова. – М.: Интрада. – ИНИОН., 1996. – 320 с.
338. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. / Под ред. проф. И.А.Бодуэна де Куртенэ. – М.: Терра: Книжный клуб, 1998. – Т.1-4.
339. Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – М.: Политиздат, 1991. - 560 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИС – аллюзивное имя собственное

ИН – имя нарицательное

ИС – имя собственное

КС – когнитивная структура

ЛЕ – лексическая единица

ЛСВ – лексико-семантический вариант

НДМП – национально детерминированное минимизированное
представление

ПВ – прецедентное высказывание

ПИ – прецедентное имя

ПТ – прецедентный текст

СМ – семантический множитель

СПИ - содержательно-подтекстовая информация

СФИ - содержательно-фактуальная информация

ТР – текстовые реминисценции

ФЕ – фразеологическое единство